

QX
ID 736852

ЛЕНИН
И
СТАЛИН
В ТВОРЧЕСТВЕ
НАРОДОВ
С.С.С.Р.

84

✓

312
145

PROBIRKA

736852

~~177735~~

5. 3. 51.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Народы Советского Союза радостно встретили праздник двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Огромны успехи и победы, одержанные трудовыми массами за эти двадцать лет под мудрым руководством партии Ленина—Сталина. Сброшено ненавистное ярмо капиталистов и помещиков. Осуществлено полностью национальное раскрепощение. Разгромлены остатки враждебных классов. Построено социалистическое общество, в котором нет капиталистического гнета и насилия. На основе индустриализации и коллективизации окрепла могучая социалистическая экономика, обеспечившая счастливую зажиточную жизнь трудящихся. Великая Сталинская Конституция закрепила за советскими гражданами все политические свободы и неотъемлемые права на труд, на отдых, на образование. Небывалый культурно-хозяйственный подъем до неузнаваемости преобразил жизнь самых глухих и отдаленных окраин.

И вот страна, «бывшая тюрьмой народов», через двадцать лет героической борьбы и творческого труда превратилась в могучую социалистическую родину, где все народы равноправны, где все трудящиеся объединены общими целями создания еще более счастливой, радостной жизни.

Народы Советского Союза знают и всегда помнят о том, что этими грандиозными достижениями и победами они обязаны великой коммунистической партии и ее гениальным вождям —

Ленину и Сталину. Народы Советского Союза преисполнены благородными чувствами горячей любви и благодарности к тем, кто раскрепостил их и сделал их свободными и счастливыми. Эти свои чувства устами лучших представителей они выражали с трибуны различных совещаний и съездов в московском Кремле. В волнующих речах выступающих прежде всего и громче всего звучали слова глубочайшей благодарности и пламенного привета достойному преемнику Ленина — товарищу Сталину, который победно привел Страну Советов к социализму и который открывает перед всем человечеством еще более светлые и радостные перспективы коммунистического общества.

Но есть другая трибуна, с которой народы СССР на разных языках, но в одинаково прочувствованных выражениях говорят о своих великих и любимых вождах — Ленине и Сталине. Это — их устное поэтическое творчество и художественная литература.

На необъятных просторах нашей социалистической родины — от тихоокеанских берегов до белорусских рубежей, от северных тундр до кавказских горных хребтов, в городах и селах, в кишлаках и аймаках, в аулах и на кочевых становищах, в красных чайханах и на базарах, на площадях и на полевых станах — всюду слагаются поэтические сказания и распеваются вдохновенные песни о Ленине и Сталине. Герои российских колхозных полей и казахских совхозных пастбищ, хлопководы жаркого Таджикистана и оленеводы холодного Саама, горные шорцы и степные калмыки, лезгины и чуваша, ямальские ненцы и тюрки, юраки и кабардинцы — все они поют о самом дорогом для себя: о советской власти и партии, о Ленине и Сталине, раскрепостивших их труд и открывших для них доступ к культурным и материальным ценностям. Вместе с народными певцами и сказителями лучшие поэты и писатели братских республик также посвящают свои произведения той же теме.

Всех их объединяет и вдохновляет любовь к Ленину и Сталину. Она связывает их за тысячу километров, через горные вершины, непроходимую тайгу и необозримые степи. Она рушит территориальные преграды и преодолевает языковые различия. Она заставляет говорить все народы Советского Союза по существу на одном языке — языке сердечного признания и благодарности Ленину и Сталину.

Будет ли это саамская легенда или русская частушка, лезгинская поэма или чувашская сказка, казахская песня или кабар-

динское сказание, поэтические стихи или прозаический рассказ — во всех этих произведениях говорится по существу об одном и том же: о безграничной любви к вождям Великой Октябрьской социалистической революции, о непоколебимой преданности делу Ленина—Сталина. Творческая мысль народных певцов и сказителей, поэтов и писателей, как и мысль многомиллионных масс народов СССР, обращена к тем, кто всю свою жизнь отдал делу освобождения трудящихся, кто десятки народностей собрал в единую братскую счастливую семью Советского Союза, кто приобщил их впервые к радостям человеческой культуры, кто вывел их из царства нищеты и голода в страну социалистического процветания и зажиточности.

Настоящая книга содержит в себе часть того обширного фольклорного и литературно-художественного материала, в котором нашли наиболее полное и яркое выражение чувства благодарности и любви народов СССР к величайшим вождям человечества — Ленину и Сталину.

Мы выступаем в стране, освещенной
гением Владимира Ильича Ленина, в стра-
не, где неутомимо и чудодейственно ра-
ботает железная воля Иосифа Сталина.

А. М. Горький.

Из „Речи на открытии первого Всесоюзного
съезда советских писателей“.

И детям, и внукам, и правнукам враз,
Как старший в роду, я оставляю наказ:
Учитесь у мудрого Ленина жить,
Народ до последнего вздоха любить,
Умейте все мысли и чувства собрать,
Умейте все силы и волю отдать
Тому, кого Ленин, как друга, ценил,
Тому, кого Ленин, как брата, любил,
Тому, кого Сталиным мир весь зовет,
В ком солнечный ленинский гений живет!

Д ж а м б у л

Народный певец Казахстана

В. Маяковский

«ЛЕНИН С НАМИ»

Бывают события:
 случится раз,
из сердца высекут фразу.
И годы не выдумать
 лучших фраз,
чем сказанная —
 сразу.
Таков и в Питер⁷
 ленинский въезд
на башне броневика.
С тех пор слова
 и восторг мой
 не ест
ни день,
 ни год,
 ни века.

Все так же
вскипают
от этой даты
души
фабрик и хат.
И я
привожу вам
просто цитаты
из сердца
и из стиха.
Февральское пламя
померкло быстро,
в речах
утопили
радость февральскую.
Десять
министров-капиталистов
уже
на буржуев
смотрят с ласкою.
Купался
Керенский
в своей победе,
задав
революции
адвокатский тон.
Но вот
пошло по заводу:
«Едет!»
Едет!»
— «Кто едет?» —
«Он!»
И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик.

Была
простая
машина эта,
как многие,
шла над Невой.
Прошла,
а нынче
по целому свету
дыханье ее
броневое.
И снова
ветер,
свежий и крепкий,
валы
революции
поднял в пене.
Литейный
залили
блузы и кепки.
«Ленин с нами!
Да здоровствует Ленин!»
И с этих дней
езде
и во всем
имя Ленина
с нами.
Мы
будем нести,
несли
и несем —
его,
Ильичево зная.
«Товарищи! —
и над головою
первых сотен
вперед
ведущую
руку выставил. —
Сбросим эсдечества
обетшавшие лохмотья!

Долой
власть
соглашателей и капиталистов!»
Тогда
рабочий,
впервые спрошенный,
еще нестройно
отвечал:
— Готов!
А сегодня
буржуй
распластан, сброшенный,
и нашей власти
десять годов.
«Мы —
голос
воли низа,
рабочего низа
всего света.
Да здравствует
партия,
строющая коммунизм!
Да здравствует
восстание
за власть советов!»
Слова эти
слушали
пушки мордастые,
и щерился
белый,
штыками блестя.
А нынче
советы и партия
здравствуют
в союзе
с сотней миллионов крестьян.
Впервые
перед толпой обалделой,

здесь же.
перед тобою,
близ,
встало,
как простое
делаемое дело,
недосягаемое слово —
«социализм».
А нынче
в упряжку
взяты частники.
Коопов
стосортных
сети вьем,
показываем
ежедневно
в новом участке
социализм
живьем.
Здесь же,
из-за заводов гудящих,
сияя горизонтом
во весь свод,
встала
завтрашняя
коммуна трудящихся —
без буржуев,
без пролетариев,
без рабов и господ.
Коммуна —
еще
не дело дней,
и мы
еще
в окружении врагов,
но мы
прошли
по дороге к ней
десять
самых трудных шагов.

В. Маяковский

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!

Я знаю —
Не герои
низвергают революций лаву.
Сказка о героях —
интеллигентская чушь!
Но кто ж удержится,
чтоб славу
нашему не воспеть Ильичу?
Ноги без мозга — вздорны.
Без мозга
рукам нет дела.
Металось
во все стороны
мира безголовое тело.
Нас
продавали на вырез.
Военный вздымался вой.
Когда
над миром
вырос
Ленин
огромной головой.
И земли
сели на оси.
Каждый вопрос — прост.
И выявилось
два
в хаосе
мира
во весь рост.
Один —
животище на животище.

Другой —
непреклонно скалистый —
влил в миллионы тыщи.
Встал
горой мускулистой.
Теперь
не промахнемся мимо.
Мы знаем, кого мести!
Ноги знают,
чьими
трусами
им итти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье — «подождем»!
Руки знают,
кого им
крыть смертельным дождем.
Пожарами землю дымя,
езде,
где народ исплещен,
вшивается
бомбой
имя:
Ленин!
Ленин!
Ленин!
И это —
не стихов вееру
обмахивать высокий уют. —
Я в Ленине
мира веру
славлю
и веру мою.

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это тел —
в звездах пятиконечных небо
безмерного свода ВКП.

Л. Сейфуллина

МУЖИЦКИЙ СКАЗ ПРО ЛЕНИНА

(Отрывок из романа „Перегной“)

В избе, на расшатанной деревянной кровати, на деревянных скамьях у стола за прозеленевшим самоваром, оказалось много свернувших с дороги путников. До темноты оглядывали друг друга затаенными мужицкими глазами. Обменивались утвержденными, как бычай, при встречах сообщениями о ценах на хлеб, об отсутствии товаров и очень сторожко о новых порядках. Но в час, когда от нечистоплотной мужицкой одежды, от дыхания сбившихся в маленькой избе людей начал тускнеть и мигать огонек пятилинейки под потолком, разговорились бабы. И сухошахая серолицая хуторянка, с пеплом седины на выбившихся из-под бабьей повязки волосах, с выцветавшими черными глазами, рассказала неспящим сказку про Ленина. Как Ленин с царем народ поделили:

«Вот приходит один раз к царю Миколашке самый главный его генерал. «Так и так, ваше царское величество, в некотором царстве, в некотором государстве объявился всем наукам обученный дотошный человек. Незнающего он чину-звания, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И грозит этот самый человек: «на царя Миколая приду, всех царевых солдат с одним словом себе заберу, а генералов всех, начальников, офицеров-благородию и тебя, царь Миколай, в прах сотру и по ветру пушу, слово такое есть у меня». Испугался тут Миколашка-царь, ногами вскакнул, руками всплзнул, громким голосом вскричал: «Отпиши-те скорейца человеку тому, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию «Ленину», пусть не ходит с тем словом на меня, не крушит в прах меня, ге-

нералов моих, начальников, офицеров-благородию, а за то отдам я человеку тому полцарства моего!» Набежали тут к царю люди ученые, скоро-скоро, с задышкою, обточили перья вострые, отписали тому Ленину: «Так и так, не ходи ты, Ленин, на царя Миколая со словом твоим, а забирай себе полцарства Миколаева без бою, без ругани». И мало ли, много ли, а вскорости прислал ответ письменный тот человек, чину-звания неизвестного, без пашпорту, а по прозванию Ленин. И отписывает Ленин царю-Миколашке: «Так и так, прописывает, согласен я получить от тебя, царь Миколашка, половину царства твоего. Только отписываю я тебе уговор, как мы делиться с тобой станем. Ни по губерниям, ни по уездам, ни по волостям. А вот как, прописываю я тебе, на какую дележку с тобой я согласен, и что без никаких больше разговоров. Забирай ты себе, царь-Миколашка, всю белую кость: генералов, начальников, офицеров-благородию со всеми их отличьями, со всеми чинами, крестами, наградными аполетами, с супругами благородными, с детьми их белокожными. Господинов-помещиков со всеми их богатствами, с одежей шелковой и бархатной, с посудой серебряной, позолоченной, с супругами ихними и с отродием. Забирай себе купцов с товарами ихними, с казною несметною, и из банков пушай заберут всю казну свою. Забирай себе всех заводчиков и с казной, и с машинами, и со всем их заводским богатством. А мне отдавай всю черную кость — мужиков, солдат, фабричных, с немудрящей ихней шараборой. Только скот на племя оставь, поля травные да землю-родильницу для пахотыбы». Прочитал письмо Миколашка-царь, заплясал ногами в радости, зашлепал в ладошки в веселости и приказал своим генералам, офицерам и начальникам: «Сей же час отпишите тому Ленину на все полное согласие. И какой же он есть всем наукам обученный, слово тайное знающий, коль от всей казны несметной моей, от товаров купеческих, от припасов помещичьих отказывается, а забирает себе черную кость безо всякого способа. А на тую казну мы себе другую черную кость най-

мом, из тех нанятых в солдаты заберем и будем жить опять в спокойе да в богатестве». Набежали тут опять к царю, спешно, спешно, с задышкой, многие люди ученые, обточили перья вострые, отписали тому Ленину цареву согласие. А насчет надсмешки и не гукнули, чтоб не одумался, не пошел на них с тайным словом своим. И мало ли, долго ли, а вскорости наезжает тишком-тихонечком тут Ленин к своим солдатам, мужикам, фабричным. А царь с костью белою уж подальше отъехали. Глядят мужики, солдаты, фабричные, а приехал к ним простецкий, крестьянский человек и говорит им: «Товарищи, здравствуйте». Куда глаз хватил, всех за ручку подержал, объявил громким голосом: «Буду с вами я в одном положении, как есть мы теперь товарищи. Только вы меня слушайтесь, я всем наукам обученный и своих товарищей на худое не выучу». Солдаты по солдатей своей выучке сейчас: «Точно так, товарищ Ленин, слушаюсь». Фабричные, городской народ грамотный, со сноровкою, тож ему не прекословили. А мужики изобиделись, что в расчете просчитался он, зашумели, загалдели, задвигались: «За что, про что опустил из рук казну и богатство несметное? Разделил бы нам, мы бы в хозяйстве поправились». Засмеялся тут Ленин, головой качнул и сказал им в ответ такое слово: «Не галдите, не корите, забирайте землю-скот и хозяйствуйте. А там будет дело видное. Не хватило бы казны той про вас многие тысячи, а белой кости малые сотенки. А насчет того, чтобы всю белую кость совсем со света свести, то слово я знаю, еще неполное. Не докумекал маленечко. Но есть у меня другое, достоверное на всю черную кость по всей земле. Как скажу его, нигде белая кость не найдет себе ни солдат, ни работников. Все под мою руку уйдут, а от их откажутся. И как есть они не добытчики, а прожитчики, то им долго на белом свете не выстоять». И мало ли, долго ли, а вскорости, как сказал, и приключилось так. Прискакал верховой к Ленину, привез ему известие от Миколашки-царя. И отписывает Миколашка-царь: «Так и так, Ленин, надул ты меня. Взял себе всю черную кость, а

мне отдал не добытчиков, а прожитчиков. Генералы мои, офицеры-благородия, как кони стоялые без солдат наших. Только пьют, едят да жир нагуливают. Господины-помещики все припасы свои уже поканчивают, одежду из сундуков донашивают, без опаски изорвали всю, позамазали. Проторговались купцы мои, без мужиков некому им товар свой лежалый сбывать. Заводчики мои все машины посбивали, перепортили. Как нету сноровки у них, по-книжному и знают, а к винту не подладят. А чужеземный чернокостный народ на службу к нам не наймается, под твою руку прет, на твое слово тайное. И как дошло нам дело, что хоть ложись да помирай, то идут на тебя войной генералы мои, офицеры-благородия, чтоб отбить нам назад к себе свою черную кость». И с того теперь война пошла промеж белой костью да черною. Только долго белой не выстоять, как привыкли генералы, офицеры-благородия команду на солдата кричать, войска туды-суды передвигать, а сами в войне отбиваться непривычные, как есть в их жила тонкая. И недолго им на свету выстоять...

Погасла лампа. Храпели мужики. Бормотала спростонья баба. А художавая стареющая хуторянка, сидя на тулупе своем, на полу, истово, напевно, как молитву, выговаривала смешные и трогательные слова своей сказки.

В. Маяковский

В ШТАБЕ 25 ОКТЯБРЯ

(Из поэмы „Владимир Ильич Ленин“)

Когда я
 итожу
 то, что прожил,
и роюсь в днях —
 ярчайший где,
я вспоминаю
 одно и то же —
Двадцать пятое,
 первый день.
Штыками
 тычется
 чирканье молний,
матросы
 в бомбы
 играют, как в мячики.
От гула
 дрожит
 взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
 внизу пулеметчики.
— Вас
 вызывает
 товарищ Сталин.
Направо
 третья,
 он
 там.
— Товарищи,
не останавливаться!
 Чего стали?

В броневики
 и на почтамт!
— Есть! —
 повернулся
 и скрылся скоро,
и только
 на ленте
 у флотского
под лампой
 блеснуло
 — Аврора.
Кто мчит с приказом,
 кто в куче спорящих,
кто щелкал
 затвором
 на левом колене.
Сюда,
 с того конца коридорища,
бочком
 пошел
 незаметный Ленин.
Уже Ильичем
 поведенные в битвы,
еще
 не зная
 его по портретам,
толкались,
 орали,
 острее бритвы
солдаты друг друга
 крыли при этом.
И в этой желанной
 железной буре
Ильич,
 как будто
 даже заспанный,
шагал,
 остановился
 и глаз, сощурия,

вонзал,
заложивши
руки за спину.
В какого-то парня
в обмотках,
дохматого
установил
без промаха бьющий глаз,
как будто
сердце
с-под слов выматывал,
как будто
душу
тащил из-под фраз.
И знал я,
что все
раскрыто и понято
И этим глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.
Он
взвешивал
мир
в течение ночи,
а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это
фронтам,
кровью пьяным,

рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным —
Власть советам!
Земля крестьянам!
Мир народам!
Хлеб голодным!

ЛЕНИН НЕ УМЕР — ОН ЖИВ

(Русская сказка)

Было то в тысяча и девятьсот двадцать первом году, на аглицкой земле, в золоченой хороме государевой. Призывает к себе царь холопьев своих, министров, фабричных хозяев. И говорит таковы слова:

— Люди знатные, богатеи вельможные, невозможно нам землями ведати, народные дела вершити. Появился на землях наших враг хитрый, обольстительный.

Переглянулись тут холопы царские, министры, фабричные хозяева. И держали речь на слова царские:

— Государь наш аглицкий, прикажи холопам своим изловить и сковать в цепи железные того врага хитрого, обольстительного, что мешает землями ведати, народные дела вершити.

И промолвил царь аглицкий:

— Ни холопы наши, ни хозяева фабричные и ни министры мои умные не поймают того врага лютото, обольстительного. В других землях, за морем, за океаном живет он и оттудова посылает гонцов своих для распри к народу моему возлюбленному.

Тут обрадовались холопы царские, министры, фабричные хозяева.

— Государь наш аглицкий, прикажи державе той, где живет враг лютый, обольстительный, выдать нашим посланникам его голову окаянную, или мы, земля аглицкая, пошлем воинов на тую страну.

Запечалился государь аглицкий на теи слова и промолвил с растяжкой:

— Невозможно словити врага лютото, обольстительного, что мешает землями ведати, дела вершити. Прозывается он Лениным-бусурманином. Сам он правит державой той, за морем, за океаном. Суда наши не дойдут до державы его — перетонутся. Пушки наши

не стрельнут ядрышками — порассыплются. Солдаты мои не пойдут на народ его — разбунтуются. Подослать кого для придущия — не пропустит держава советская, а охрана народная российская бережет своего главного. Невозможно тягаться с Лениным!

Занедужились холопы царские, министры, фабричные хозяева и не знали, какое слово вымолвить, какой совет советовать. Поднялся тут старший холоп. Подошел ко столу со смирением, со словами мудреными:

— Государь ты наш аглицкий, не прими ты мое слово в насмешечку, прикажи отпустить из казны твоей денег золотом. Изобрел я средство драгоценное для врагов твоих и державы аглицкой. И то средство — не лекарство, не крупинки в порошках больным и не пушка самострельная. А то средство — невидимое, прозывается лучевой волной, незаметною. Наведем волну прямо на Ленина. И он будто сам умрет.

Повскакали с мест люди царские. Государь вскочил без подмоги слуг. Закричали все:

— Ты — спаситель наш! Мы казной своей раскошались, наруши врага-обольстителя.

...С той поры занемог Ленин-батюшка, через средство невидимое, что называл холоп лучевой волной, незаметною. Заболел отец, на постель прилег, и закрылись глаза его ясные. Но не умер он, не пропал навек...

Лучевая волна промахнулась. Головы его не затронула. Только с ноженек пригнула к земле да и дыхание призамедлила. Ленин жив лежит на Москве-реке, под кремлевской стеной белокаменной. И когда на заводе винтик спортится али, скажем, у нас земля сушится, поднимает он свою голову и идет на завод, винтик клепает, а к полям сухим гонит облако. Он по проволоке иногда кричит, меж людьми появляется. Тот, кому довелось внимать речи его, тот навеки пойдет путем правильным. Часто слышат его съезды партии, трудовой народ. Только видеть его не под силу нам. Лучевая волна незаметная закрывает его от лица людей.

Записана в б. Иваново-Вознесенской губ. в конце 1925 г.

Вл. Бахметьев

ИЛЬИЧ НА ТРИБУНЕ

(Отрывок из рассказа „В те дни“)

...Зал наполнялся. Вспыхнула еще одна люстра. Где-то в глубине коридора зазвучал долгий звонок, и в ту же минуту на трибуну торопливо и неслышно вошел человек в пальто и шапке-треушке. Павел взглянул и почувствовал толчок в грудь — совершенно ощутимый удар.

— Ильич! — сказал он.

...Легким движением человек сбросил пальто и уложил его на спинку кресла. Он был плечистым, плотным и походил на мужика-ходока. Жидкая, рыжеватая бородка, песочный цвет лица, грубоватая простота во всем облике.

Кто-то склонился к нему из-за спинки кресла. Он откидывается, слушает. По лицу, как тень от облака, светится улыбка, и вот опять он уходит в бумаги, склоняется к ним вплотную, погружается в них с плечами.

И все время, пока усаживались за красный стол, он то вчитывался в бумаги, то обращался к соседу, то бросал кому-то с другой стороны летучую фразу. Молодостью, торопливостью горячей мысли полны были его движения. Должно быть, подростком любил он не только книги, но и причуды, шалости, был резвым, насмешливым; позже, возмужав, отличался усидчивостью, неутомимостью, ласкою к товарищам и неутомимою насмешливостью к врагам. Он должен был любить спорт, велосипедный бег, восхождение на горы и... молодых животных. Он не мог быть жестоким, но не уступил бы и минуты тому, кто обрекался его волей на гибель, кто стоял на пути борющихся масс.

Теперь в зал торопливо вливались человеческие волны. Уже заняты все места в рядах, уже потемнело от голов в проходах, и некоторые, высоко подняв на руках запасные стулья, спешили устроиться поближе к трибуне.

...Сразу двое склонились из-за кресла к Ильичу, и он слушал их обоих, не переставая в то же время, как казалось Павлу, присматривать за залом. Он был внимателен и рассеян; в один и тот же момент он слушал и, слушая, глядел перед собою, как бы накапливая новые материалы, извлекая из своего сознания последние фразы речи, той, которую должен сейчас произнести.

И вот он встал и так же торопливо, как вошел на трибуну, направился к столику, обошел его, толкнулся к самому краю трибуны.

Взрыв аплодисментов ахнул по залу, люди на трибуне присоединились к горячему трепету овации. Было ясно, что аплодисменты эти — не соблюдение порядка. Павел видел, как по лицам струится тепло, как у соседей темнеют, увлажняются глаза, как само собою, словно под ударами могучего тока, руки, плечи, головы тянутся вперед, к трибуне.

Ильич стоял, слегка склонив голову, нетерпеливо ждал. Аплодисменты нарастали волнами, сливались в гул, пронизанный частым дыханием толпы.

Павел сдерживал себя, чтобы не закричать, не броситься к трибуне.

Ленин поднял глаза. Павлу показалось, что он без слов просит... о чем? Аплодисменты гремели. Ленин улыбнулся. Нет, это не улыбка. Под морщинисто-стянутым лбом все было в движении, темные глаза как бы силились распахнуться до конца и не могли: он устал. Кажется, сейчас повернет назад и опустится в кресло. Но нет, это только так казалось. Ильич поднимает руку, как бы приглашая зал к порядку. Но зал не унимается. Люди для сладчайший момент встречи с тем, кто был им ближе близких, милее милых, более понятный, чем многие из них — сами себе.

Аплодисменты гремели. Ильич переступил с ноги на ногу и опять потупился. Наконец зал успокоился. Лег-

кое движение — люди садились, и вот он заговорил. В лице его еще не остыл упрек.

— Товарищи, позвольте объявить открытым десятый съезд Российской коммунистической партии. Товарищи...

В голосе его слышится сиповатость, то особое звучание, которое встречается у пожилых, усталых людей. Он слегка картавил: в этом было что-то ребячье, и по юному подрагивали губы.

— Товарищи, мы пережили год, очень богатый событиями и в международной и в нашей внутренней истории...

Павел вслушивался в слова, и ему начинало казаться, что Ильич говорит то самое, о чем много думал сам Павел, но чего не мог выразить до сих пор.

— Три с половиной года неслыханно-тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории, — это мы завоевали.

Лицо оратора все время в движении: это бросается в глаза. Оно необычайно просто, но все в нем играет и плещет, остро-насмешливо дрожит вздернутая губа, а глаза почти мрачны, и только крутой лоб одностонно посверкивает в лучах электричества. Он подвинулся к самому краю трибуны, одна рука его входит в карман и снова показывается, — легкий жест.

— Товарищи! Сейчас еще стоят перед нашей партией невероятной трудности задачи, которые касаются не только хозяйственного плана, — в котором мы сделали немало ошибок...

...Ильич был щедр, но он не рассыпал шумных, пестронарядных слов, и было это у него потому, что его слово не было чужим, оно не было подобрано со страниц книг, слово этого человека принадлежало только ему, оно было добыто им, как добывает рабочий из бесформенного металла вещь, потребную массам.

Все в речи Ильича было просто, почти буднично, порою даже неуклюже, но эта простота, будничность, суровая эта неуклюжесть говорили сами за себя, делали каждое слово неотразимым: такому слову нельзя было не верить. Надо было сойти с ума, чтобы перестать

считаться с законами планетного движения или — со словом Ильича.

Но самым чарующим в том, как говорил он, было отступное сознание, что так, именно так думал сам слушатель и именно так, этими словами он стал бы излагать свою мысль.

Моментами Ильич как бы даже чувствовал неловкость, что надо было говорить о вещах, всем в зале отлично знакомых, продуманных, давно расставленных по местам общими усилиями, усилиями всех, сидящих в этом зале.

Он не хотел, казалось, никого насиловать, ему не нужно было это, ему достаточно только отметить моменты, которые выдвигались чужаками и фантазерами, но с которыми никто в зале не был и не мог быть согласен.

И Павел не удивился, когда на приглашение Ильича отбросить фракционность, всем сплотиться перед лицом тягчайших трудностей зал аплодировал оратору.

«Так вот он какой Ильич!» — думал Павел, не спуская с оратора горячих глаз.

Как только в разгар выступления оппозиции показался на трибуне Ильич, внимание Павла к ораторам ослабело.

Он знал только одно, что эти товарищи, пытающиеся сорвать сейчас призыв Ильича к сплочению, неправы. Их речи казались Павлу нелепыми, смешными, возмутительными. Он несколько раз порывался бросить с места крик протеста, но всякий раз сдерживал себя; за столом сидел Ильич, спокойный, уверенный, и чуть-чуть посмеивался.

«Пусть себе выкладывают, — думал Павел об ораторах. — Он всем наложит по загривку».

Должно быть, так думали и другие в зале, соседи Павла: они сидели, не двигаясь, и лишь изредка улыбались, улавливая в лице Ильича движение.

Ильич сидел за столом, всунувшись с плечами в бу маги. Моментами он откидывал голову, слушал, щурил

левый глаз и при этом в зубах держал только что очищенный большой цветной карандаш. Он держал его, кидая нетерпеливый раскосый огонек из-под бровей в сторону оппонентов за кафедрой.

Наконец опять была его очередь. Он живо прошел к краю трибуны и опять встречен был долгими аплодисментами. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, ждал нетерпеливо.

Аплодисменты гремели. Он пригладил рукой лысину и ждал. Зал продолжал неистовствовать.

Павел понял и — первый опустил руки. Зал постепенно заглох. Ильич готовился: он оправил, засучивая, рукава, прихватив в левую руку ремешок часов и заглянув на них. В правой руке подрагивала у него бумажка.

«Теперь он иной, новый», — думал Павел.

Зал притих. Ильич говорил, засовывая порою пальцы за вырез жилета у приплечья, порою беззвучно, одним оскалом зубов посмеиваясь, и в том самом месте, где выражал он надежду, что партия скажет решительное слово всем оппозиционерам, сделал ногою веселый и легкий, но внушительный жест, как бы поддавая кого-то обреченного.

Глубоко впавшие и остро внимательные глаза, как буравчики, сверлили полумрак и были полны ума и веселья. Но изредка эти глаза совсем мрачнели, тогда блеск их был бы нестерпим, если бы не улыбка на губах, от природы насмешливых.

В слегка сиповатом голосе все время звучала сосредоточенная энергия.

— Не надо теперь оппозиции, товарищи! — Он всем корпусом подался вперед. — И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций!

Это звучало как приказ, здесь слышалась воля класса, преодолевающего неимоверные трудности, готовящегося к новым битвам.

Взрыв рукоплесканий прокатился по залу.

Потом аплодисменты чередовались со смехом, и Па-

вел видел, ощущая почти физически, как этот крутолобый человек с прищуренным глазом, шаг за шагом, удар за ударом, наступал на противника и обнажал его, срывал с него покров за покровом, высмеивая все его уродство, кричавшее о себе на весь зал.

— «Рабочая оппозиция» говорит: «Мы не будем делать уступок, но мы останемся в партии». Нет, этот номер не пройдет!

Зал отвечал гулом аплодисментов...

Шел третий день съезда. За столиком был Сталин.

Павел с тревогой посматривал на понурившегося Ильича. Вскоре он скрылся.

«Болен», впервые прозвучало тогда тревожное слово. «Острые головные боли».

Невозможно было представить себе Ленина, терзаемого страданиями в тот самый момент, когда зал подходил на судно в открытом бурном море.

За кафедрой стоял Сталин. От слов и всей фигуры оратора веяло силой: не было ни красивых жестов, ни пестрых фраз, но каждое его слово звучало напряжением измеренной воли.

И опять Павел, успокаиваясь, думал о том, что жизнь, какая она была теперь, прекрасна и что счастливы все они, участники невиданных на земле событий.

Демьян Бедный

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.
И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок¹
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывающих путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

¹ Горки — подмосковная деревня, где скончался В. И. Ленин.

В. Маяковский

МЫ НЕ ВЕРИМ

Тенью истемня весенний день,
Выклеен правительственный бюллетень.
Нет!

Не надо!

Разве молнии велишь
— не литься?

Нет!

не оковать язык грозы!

Вечно будет

тысячестраничный

Грохотать

набатный

ленинский язык.

Разве гром бывает немотою болен?!

Разве сдержишь смерч,

чтоб вихрем не кипел?!

Нет!

Не ослабеет ленинская воля

В миллионносилой воле ВКП.

Разве жар

такой

термометрами меряется?

Разве пульс

такой

секундами гудит?!

Вечно будет ленинское сердце

Клокотать

у революции в груди.

Нет!

Нет!
Не-ет...
Не хотим,
 не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
 сгинь, навязчивая тень!

КАМЕННА МОСКВА ВСЯ ПРОПЛАКАЛА

Как у нас было в каменнѣй Москве
Велико у нас несчастье случилось.
Тут река Москва сколыбалася
Да как морской волной разбегалася.
Красно солнышко затемнялось всё,
Деревѣ в саду пошатались,
Мать сыра земля разревелася.
Тут погодушка взбушевалася,
Снѣги бурею подымались.
Каменнѣй Москва вся проплакала,
Все народ-люди ужахались.
Луна небесная у нас не свѣтила,
Народ-люди все призамолкнули,
Призамолкнули, призагунули,
Поодели платье черное
Да ходили все невеселы,
Буйны головы с плеч повесили, —
Услыхали они вѣсть нерадостну.
Как пришла-то вѣсть из Горок всё:
Как не стало у нас красна солнышка,
Как и той луны поднебесные,
Золотой звезды все блестящею,
Как не стало вождя всей Россіюшки —
Дорогого у нас товарища Ленина,
Как Владимира да Ильича-то свет.

Он куда у нас да отправляется?
Во какую путь-то во дороженьку,
Он во дальнюю да во печальную?
В иностранны ли земли западны?
На черненьх ли больших кóраблях,
На паровых ли пароходиках?
Как во те ли земли во восточные,

В города ли он да всё во дальние?
 Не в города он у нас да не в восточные,
 Не на черненьких да больших кораблях,
 Не на паровых он у нас на пароходиках,
 Не по морям-то у нас по глубоким,
 Не смотреть-то ведь ледоколов тех,
 Как промышляют они, ходят
 Во зимы, зимы холодные,
 По тому ли морю Белому,
 Как не смотреть, не проверять же тут.
 Все дозналися, догадалися,
 От старого все до малого,
 Что ушел от нас, укатился он, —
 Из очей-то, из глаз удалился он,
 Не за круты горы Воробьевские,
 Не за матушку Москву-реку,
 Не за темны леса за дремучие,
 Как ушел от нас, укатился тут,
 Как великий вождь, дорогой товарищ,
 Еще Ленин всей России отец же был,
 Все Владимир-то Ильич-то свет.

К высокой стене ко Кремлевскую
 В мавзолей его полбжили.
 Очи ясные призакрытые,
 Уста сахарные призамолкнули,
 Руки белые прираскинулись.
 Во тужурочке во военную
 Крепко спит да не пробудится.
 Как не день-то он спит, да не два, не три
 же он,

И будить нам, не разбудить его.
 Ни слезами его ни горячими,
 Ни струнами нам его золочеными,
 Ни тем ли гуслими веселыми,
 Ни арфами все игровыми,
 Нам кричать и звать не дозваться же.
 Берегут-то его день и ночь
 Новобранные ребята Красной Армии,
 Во руках-то ружье держат всё,

Ружья светлые, замки крепкие.
 Они стоят да призадумались,
 Призадумались да запечалились:
 У них думушка да очень тревожная,
 Воздыханьице тяжелехонько.
 Ты спокойно спи, дорогой Ильич,
 Красна Армия очень крепкая,
 Очень крепкая да очень верная.
 Как твоя-то жизнь была тревожная, беспокой-
 ная,

Не в радостях прошла она, не в весельице,
 Твоя молодость не в гуляньице,
 Не в веселом-то пированьице.
 Много-много претерпел же ты
 Огрубленица, неприятности,
 За бедных людей, за крестьянина,
 За весь народ переносил-страдал,
 Засажён-то был во темну тюрьму,
 Выгнан был во темны леса.

В твои-то ходы подземельные,
 Что на Красной славной площади,
 Ходят все со старого и до малого,
 Смотрят на тебя, на ясна сокола,
 На ту ли на зорю, збрю утренню,
 На ту ли на звезду поднебесную.

Вы подуйте-ка, ветры буйные,
 Со всех четырех со сторонешек:
 Со первой стороны со восточную,
 Со второй-то все со западной,
 Со третьей-то со летнюю,
 С четвертой-то со северной.
 Сбросьте, скиньте гробову доску,
 Раскройте-ко очи ясные
 Да проговорьте уста сахарные.
 Пробудись-ко, восстань, дорогой Ильич,
 Посмотри-ко, погляди на славну матушку,
 Славну матушку, каменну Москву...
 Ты зайди, зайди во палаточку,

Во палату — в кабинет же свой,
Ты садись, садись все на стул же свой.
Ты возьми в свою руку правую,
Ты возьми перо скорописчато,
Ты пиши, пиши скору грамоту,
Скору грамоту по всей Россиюшке,
Во свою славну каменну Москву,
Во славной-от Ленин-град,
По колхозам всем и по фабрикам.

Вы не ждите-ко народ-люди добрые,
Как от старого все до малого,
Не по городам и не по деревенькам же,
Не придет к нам и не будет он,
Не будет наш дорогой Ильич.
Все дела поручил же и оставил он
Неизменному вождю всенародному,
Своему славному другу Сталину,
С Ильичом-то он всё думу думает,
Думу думает, речи говорит:
«Мы с тобой, Ильич, не расстанемся,
Не расстанемся, не разъедемся.
Вечно будет про тебя споминаньице».

*Записано со слов Марфы Семенов-
ны Крюковой из деревни Н. Золо-
тица, Приморского района, Север-
ной области.*

А. Прокофьев

БЕССМЕРТИЕ

Со ступеней на площадь голубую
Грядущие глядели времена
И видели:

рука вождя, как буря,
Была над всей землей занесена.

По флангам шло стократное:

— Не верьте!

Не верьте гневной, поднятой руке, —
Но вопреки истерике — Бессмертье
Уже стояло на броневике.

Потом, ломая сумрачные ветлы,
Через провалы рек, степей, мостов —
Шли Юг и Север в лентах пулеметных
И в круглых бомбах Запад и Восток.

Шли, затеяв песни или воя,
Туда, где — необычайные дела,
Где рядом с пушкой зрело яровое,
Где в пулеметах радуга цвела!

Потомки верными сердцами дрогнут,
Услышат шелест флагов и знамен,
Когда в пути коснутся до огромных
Бессмертие имеющих времен.

Степан Щипачев

О ЛЕНИНЕ

Если б он путь не указал,
на мир не открыл нам глаза,
опять бы ходить в батраках да с сумой
и так бы вся жизнь — впотьмах.
И кем бы ты был, товарищ мой,
теперь одолевший его тома?
Окраину свою да пивную бы знал,
да с финкой бы — всех смелей.
А чем бы теперь была страна,
в которой его мавзолей,
в которой дело его гремит,
которая тверже, чем гранит?

Н. Полетаев

ПОРТРЕТОВ ЛЕНИНА НЕ ВИДНО

Портретов Ленина не видно:
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Перо, резец и кисть не в силах
Весь мир огромный охватить,
Который бьется в этих жилах
И в этой голове кипит.

Глаза и мысль нерасторжимы,
А кто так мыслию богат,
Чтоб передать непостижимый,
Века пронизывающий взгляд?

М. Голодный

ЛЕНИНСКИЙ ПОРТРЕТ

... Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Н. Полетаев

Чем яростней, не уставая,
За рубежи бросаем свет,
Тем радостнее новь живая,
Тем ярче Ленина портрет.

В глазах, увидевших все дали,
В руке, протянутой вперед,
Мы видим все, о чем мечтали
За часом час, за годом год.

Входил резец в тяжелый мрамор.
Стучали молот и кирка.
Шло время — день за днем — упрямо,
За годом годы, как века!

Пунктир и линию прямую
Недаром Сталин очертил.
И каждый штрих черту живую
Нам передал и закрепил.

И всюду — новь его живая,
И ей в борьбе предела нет,
И труд его обозревая,
Мы видим Ленина портрет.

А. Прокофьев

ТРИ ПОКОЛЕНИЯ

Тысяча в рядах и каждый дорог
По-особому не только нам.
Вот идут товарищи, которых
Ленин называл по именам.

Их сжимали, комкали и гнули
Ветер и вода, огонь и твердь, —
Гвардию, прошедшую сквозь бури,
Через плен централов, через смерть.

Дальше, речь пойдет о переправах.
Об отрядах в грохоте, в дыму,
И представляется по праву
Слово поколенью моему.

Тут, величья класса не унизив,
Через смерть шагнувшие горой,
Комиссары армий и дивизий
Воинский выравнивают строй.

А за нами, не окинуть глазом,
Тоже под порядком боевым
Молодость, которая ни разу
Не видала Ленина живым.

Тысячи в рядах. И каждый дорог
По-особому не только нам.
Впереди товарищи, которых
Ленин называл по именам.

СКОРО ПРОСНЕТСЯ ИЛЬИЧ

(Русская сказка)

Вот сидит один раз Ленин у себя в комнатке после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет, все про себя чтение находит: «Дескать, что нам перед антантой страшиться, что перед Америкой бояться, когда у нас есть Владимир Ильич Ленин».

Чудно стало Ленину. Встал он со стула венского, походил по комнатке и говорит сам себе:

«Ладно, так и сделаю».

А после того посылает своего посыльного к главному советскому доктору. Приходит доктор, а Ленин ему и говорит:

— Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?

— Могу, Владимир Ильич, только зачем же это?

— А так, — говорит, — хочу испытать, как без меня дела пойдут. Чтой-то все на меня сваливают, во всяком деле мной загораживаются.

— Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную, а для прилику стеклом накроем.

— Только вот что, доктор, чтобы это было в пре-большом промежду нас секрете. Ты будешь знать, я, да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер.

Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не выдержали — в слезы. Все думают, что теперь делать будем? Того и гляди, англичане с французами присунутся.

А самый старший — Калинин — уговаривает:

— Что ж поделаешь! Это не в нашей власти... Слезами горю не поможешь. Ну, поплакали и ладно, за дело надо браться.

Положили Ленина в комнату, мавзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц — надоело Ленину лежать под стеклом.

Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью от мавзолея и прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские.

В дверях его пропустили, потому в кармане у него пропуск бессрочный лежал, а шапку он надвинул пониже, чтобы не узнали.

Приходит туда Ленин, а заседания уже все закончились, и служители полы подметают.

Ленин спрашивает:

— Кончилось?

— Кончилось.

— Не знаете, о чем говорили?

— Да о разном... Слышь, англичане с нами хотят подружиться, а там еще какие-то державы. Мы ведь в щелку слушали, краем уха... не поняли.

— Так, так, а про Ленина не поминали?

— Как же! Поминали... Вот, говорят, Ленин умер, зато коммунистов-то чуть не в два раза больше стало. Теперь только пикни антанта.

— А она не пищит?

— Да куда, в час молвить, не слышать.

— Так, так, — поддакнул Ленин и простился со служителями.

Пришел он в мавзолей, лег под стекло, думает:

«А ведь ничего, работают и без меня. Ладно. Проверю еще кое-где... Завтра к рабочим на завод схожу».

На другую ночь отправился Ленин на завод. Там его тоже не задержали, прямо в машинную часть провели. Ночью народу на заводе мало, только-только, чтобы пары не затухали, держат машиниста, смазчика да кочегара, сторожей еще, чтобы шпионы чего не подсудобили.

«Хватит и этих, — думает Ленин, — мне ведь не митинги разводить, только поспросить кой о чем».

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравствуй.

— Ну, как?

— Да ничего... Сходственно.
— Беспартийные?
— До смерти Ленина в беспартийных ходили, а теперь в коммунистах. Ленинцы.
Ленину это по сердцу маслом.
— А в работе задержки нет?
— А товаров много выпускаете?
И начал, и начал вопросами донимать.
— Да скоро с мирным временем сравняемся.
— Ну, работайте, работайте, в час добрый, а пока прощайте.

«Тут ладно, — думает Ленин по дороге в мавзолей, — теперь только мужиков проведать, узнать про их житье-бытье!»

На третью ночь Ленин встал раньше: ведь дойти до станции, да дорога, да еще, пожалуй, от глухой станции до деревни пешком итти придется.

В деревню он поехал в какую похуже, чтобы наглядней было. В одной избушке огонек светился. Пошел Ленин.

— Можно отдохнуть у вас?

— Заходи.

Входит Ленин и диву дается. Икон нет. Красные плакаты везде. Портреты. Ленин нарочито спрашивает:

— Вы что же, некрещеные?

— Мы, товарищ, в гражданах состоим, а в нашем доме читальня, а это вот — уголок Ленина.

«И тут помнят меня», — думает Ленин.

— Ну, а как житье-то мужицкое?

— Да не так, чтоб уж очень, а все-таки вроде как налаживается.

Вышел Ленин из избы радостный, в мавзолей лег успокоенный, спит вот уже много дней после своих странствований.

Теперь уже наверно скоро проснется.

Вот радость-то будет!

Ни словами не расскажешь, ни чернилами не опишешь.

Сказка записана в б. Вятской губернии. Составлена не ранее 1925 г.

В. Гусев

ДЕСЯТИЛЕТИЕ¹

Мальчишки пятнадцатилетние мы.
Мы плакали, слез своих не скрывая.
Мы шли, невзирая на скрежет зимы,
Шапчонки поломанные срывая.
Мальчишки! Мы в смертных боях не дрались,
Когда грохотала восстаньем Тверская,
Мы провожали капитализм,
Бумажного змея в простор запуская.
Питалась республика нищим пайком,
Сражаясь с врагом, потрясая столетья,
Но в пламени,
 в грохоте
Предсовнарком
Думал о нас,
 о грядущем, о детях.
Не знало уже поколение мое
Прежней безвыходности тяжелой.
Кончились бои —
 и на месте боев
Прежде всего учреждались школы.
Мальчишки! Мы плакали в поздний час,
Шагая в Колонный во мгле вечерней.
Ильич!

Он с отрочества для нас
Был жизни лучшим обозначеньем.
И вот он лежал,
 и на хорах струна
Билась, невиданным горем томима.

¹ Стихотворение посвящено десятилетию со дня смерти В. И. Ленина и написано накануне XVII партийного съезда.

И тишина,
 тишина,
 тишина,

Как туча,
 как дым,
 проползла над миром.

Но сквозь это безмолвие и эту печаль,
Сквозь тихий и траурный плач оркестра,
Иосиф Сталин, друг Ильича,
Взошел на трибуну земли и съезда.
Сжимаемый горем, готовый к бою,
Взглянув на печальные наши поля,
Сталин поклялся клятвой такою,
Какой никогда не слыхала земля.
Она пронеслась над планетой старой,
Она прогремела над ней вперекат,
Как первый отблеск кузнецкой стали,
Как первый залп мировых баррикад.
И в ней, в этом плане побед и боев,
Снова возник перед нами Ленин,
И смысл нашей жизни,

 и темп,
 и все, —

Как прежде — единственное направление.
Рыдали философы с древних пор,
Что жизнь — это миг,
 что напрасны дерзання,
Что человек —

 это так, —
 метеор,

Мелькнет, не влияя на мирозданье.
И вот десять лет прошумели — миг!
Победно колышутся наши знамена.
На мирозданье — не знаю,
 на мир —

Мы повлияли определенно.
Такое успели пройти расстояние,
Такие сумели дела прокрутить —
Не только выучиться,
 но знанья

В Магнитку,
 в Кузнецк,
 в Днепрострой
 воплотить.

Взгляните:

 комбайны собирают жатву,
Скользят самолеты, подобно лучу,
И в каждом моторе грохочет клятва,
Сталиным данная Ильичу.
Да! Мы изменим планеты вид,
Мы землю выведем из тумана, —
Недаром и слава о нас гремит
От Тихого Дона

 до Тихого океана.

Но нынче мы прежнюю скорбью томимы,
Нынче охвачены прежней тоской.
И музыка всех композиторов мира
Не в силах выразить нашу скорбь.
Печальной колонной, плечо к плечу,
Идем мы,

 а грусть все сильнее, шире.
Ведь нынче бы нашему Ильичу
Было всего шестьдесят четыре.
Взглянул бы на нас наш любимый старик,
Прищурил бы глаз, похвалил за работу.
Но ветер гремит,

 мавзолеем стоит,
И мчат боевые над ним самолеты.
Страна! Ты становишься шире в плечах.
Ты многие прежние звезды затмила.
И снова Сталин, друг Ильича,
Идет на трибуну съезда и мира.
Он скажет:

 — Мы сделали с вами — много,
Но это лишь первые наши шаги. —
И он нам укажет такую дорогу,
Что взвоют от ненависти враги.
На теле земли набухают войны,
Империи мчатся в огонь и тьму.
Так почему же мы так спокойны?

Врагов не пугаемся, почему?
Потому, что мы знаем свое направление,
Потому, что врагов мы сумеем отбить,
Потому, что сейчас говорить о Ленине, —
Это значит о Сталине говорить.

А. Безыменский

ПАРТБИЛЕТ № 224332

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю щупают — в руках чего-то нет...
— Скажи мне, Партия, скажи, чего ты ищешь?
И голос скорбный мне ответил:

— Партбилет...

Один лишь маленький... А сердце задрожало,
И в сердце вздрогнула последняя тропка.
Вчера я только лишь в руках его держала,
Но смерть ударила — и партбилет упал.
— Эй, пролетарии! Во все стучите двери!
Неужли нет его, и смерть уж так права?..
Один лишь маленький, один билет потерян,
А в теле Партии зияющий провал...
Я слушал Партию и боль ее почуял,
Но сталью мускулов наполнилась рука.
— Эй, слышишь, Партия? Тебе! Тебе кричу я!
Тебя приветствует рабочий от станка.
Пусть сердце сдавлено и боль неимоверна,
Тебе на помощь я пошлю миллионный вал.
Вал пролетариев под знаком Коминтерна
Заполнит в Партии зияющий провал.
А первый — я иду. Я — из Страны Советов!
Эй, слышишь, Партия?.. Даю тебе обет:
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов
Заменят Ленинский потерянный билет.

М. Исаковский

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Шумят плодородные степи,
текут многоводные реки,
Весенние зори сверкают
над нашим счастливым жильем...
Споём же, товарищи, песню
о самом большом человеке,
О самом родном и любимом, —
О Сталине песню споём.

За нашу счастливую долю
он шёл через все непогоды,
Пронёс он заветное знамя
над всей необъятной землей.
Вставляли поля и заводы,
и шли племена и народы
На зов своего полководца,
на смертный, решительный бой

В глазах его ясных и чистых,
как светлую воду в колодце,
Черпали мы бодрость и силу
на нашем пути боевом...
Споём же, товарищи, песню
о самом большом полководце,
О самом бесстрашном и сильном, —
о Сталине песню споём.

Согрел он дыханием сердца
полярные ночи седые,
Раздвинул он горы крутые,
пути проложил в облаках.

По слову его молодому
сады зашумели густые,
Забила вода ключевая
в сыпучих горячих песках.

Как солнце весенней порою,
он землю родную обходит,
Растит он отвагу и радость
в саду заповедном своём...
Споём же, товарищи, песню
о самом большом садовом,
О самом любимом и мудром, —
о Сталине песню споём.

Границы от вражьих нашествий
заделал он в броню литую,
Закрыв их стальными ключами
великих и славных побед.
В могучем Союзе Советов
он книгу нашёл золотую,
Которую люди искали,
наверное, тысячу лет.

И силу, и юность, и славу
он дал нам на вечные веки,
Зажег нерушимые зори
над нашим счастливым жильём...
Споём же, товарищи, песню
о самом родном человеке,
О солнце, о правде народов, —
о Сталине песню споём.

Я. Ильин

РЕЧЬ

(Отрывок из романа „Большой конвейер“)

Сзади, за спинами президиума, слышался шум. Орджоникидзе, сидящий, несмотря на то, что в зале было тепло, в зимней шубе, брошенной на плечи, привстал и оглянулся; его секретарь, в защитной гимнастерке, сказал ему что-то на ухо. Серго покраснел, глаза его округлились, он отдал какое-то распоряжение.

Шум усиливался; в толпе, позади президиума, началось беспокойное движение.

Орджоникидзе повернулся к залу и высоким голосом крикнул:

— Сталин приехал!

Но об этом догадались по тому движению, которое происходило за столом президиума. В рядах зашумели и захлопали, некоторые вытягивали головы, чтобы разглядеть среди толпившихся в президиуме людей Сталина. Но его еще не было.

Шум и крики возрастали; встал весь президиум. Орджоникидзе, поддерживая локтями спадающую шубу, бешено аплодировал. Все его лицо блестело, он влюбленно глядел, как сквозь расступавшуюся толпу несколько убыстренным, энергичным шагом прошел Сталин в обычном своем костюме цвета хаки. Вынув из кармана несколько исписанных листков, Сталин положил их перед собой на трибуну.

Крики, шум и грохот аплодисментов усилились, слились, звучали непрерывно, изредка прорывался чей-то голос: «Да здравствует вождь партии» — и снова тонул в общем шуме.

Сталин стоял, заложив большой палец левой руки за борт френча; правую он опустил на поручень три-

буны. Подождав некоторое время, он медленным и внимательным взглядом обвел хоры, партер, боковые ложи и, словно не желая терять больше времени, поднял правую руку. Аплодисменты затихли. Президиум сел. Сели все.

— Товарищи... — сказал Сталин.

Сталин говорил медленно и негромко. Жесты его были скупы. Изредка он подымал согнутую в локте правую руку до уровня плеча и опускал ее, сгибая кисть коротким движением, заканчивая, закрепляя мысль, как бы вколачивая ее этим жестом в сознание слушателей. Ставя вопросы, он отвечал на них, и самая повторяемость этого приема, ясное, четкое развитие мысли содействовали тому, что каждый мог повторить за ним его сложные обобщения, итог гигантской мыслительной работы.

— Есть ли у нас такая партия? — спрашивал он и смотрел прямо на аудиторию. — Да, есть. Правильна ли ее политика? Да, правильна, ибо она дает серьезные успехи.

И все знали, и все верили, и все были убеждены так же, как и он: действительно, такая партия у нас есть, и политика ее правильна, ибо она дает серьезные успехи.

Он говорил теперь о желании и умении претворить эти возможности в жизнь.

Игнатов¹ не занимался самоанализом. Он не видел Сталина, потому что сидел вполоборота к нему, чтобы лучше слышать. Когда Сталин говорил о старом, отжившем лозунге о невмешательстве в технику, о том, что лежало в основе объяснения такого пышного расцвета вредительства, о «руководстве» путем одного только подписывания бумаг — всего этого он не принимал на свой счет. Он, Игнатов, всегда и повсюду, где бы он ни работал, во все вмешивался, вредителей

¹ Игнатов — герой романа, быв. начальник строительства и директор тракторного завода.

у себя на стройке нашел сам, а бумаг он вообще терпеть не мог: ни подписанных им, ни не подписанных. Но когда Сталин сказал: «Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты, — толку не будет, единоначалия не будет!» — Игнатов почувствовал, что это относится прямо и непосредственно к нему, и даже оглянулся по сторонам.

Сталин отошел немного от трибуны.

— Задача, стало быть, состоит в том, — говорил он, — чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела. Только в этом гарантия того, что наши планы будут полностью выполнены, а единоначалие будет проведено...

«Да, да, — думал Игнатов, — я не вник глубоко в дело, не знал толком ни техники поточного производства, ни экономики его, никогда не интересовался финансами. Да, да, я командовал, администировал, во все вмешивался, писал резолюции, клялся, не спал ночами, других мучил и сам мучился, — и все просто, все объясняется просто: это было не то вмешательство и не то командование, которое требовалось».

И как геолог, напавший на долго не дававшуюся ему рудную жилу, обрадованный, не может отойти от нее, так и Игнатов, нашедший объяснение своему провалу в простом и ясном толковании Сталина, топтался, отходил от этих мыслей и снова возвращался к ним.

Между тем Сталин, как бы закончив первый круг своих мыслей, остановился и отпил глоток воды.

— Иногда спрашивают, — сказал он: — «Нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение?» Нет, нельзя, товарищи! — ответил он, повысив голос. — Нельзя снижать темпы!

Видно было, что он и сам увлекся речью. Аудитория молчала. Она не перебивала его ни репликами, ни аплодисментами — ничем. Люди слушали и ждали еще, еще слов, раскрывающих то, что волновало, мучило, тяготило их. Им партия доверила самое важное дело — хозяйство страны, промышленность. С них пар-

тия спрашивала ответа за срыв планов, она же учила, как жить и работать дальше. И эта постоянная, глубокая и сильная связь между членом партии на любом участке работы и руководством партии казалась сейчас ошутимой и конкретной, как никогда.

— Задержать темпы, — говорил Сталин, — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оканзаться битыми. Нет, не хотим! — сказал он и, снова отойдя назад, усмехнулся. — История старой России состояла между прочим в том, что ее непрерывно били за отсталость. — Остановившись, Сталин обвел взглядом, как и в начале своей речи, и партер и ложи. — Били монгольские ханы, — сказал он и коротко взмахнул рукой. — Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны... Били все, — сказал он, заключив мысль тем же коротким взмахом руки, — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную... — перечислял он. — Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно...

Сталин видел и не мог не видеть, что аудитория, весь зал, все сидящие здесь люди захвачены ходом его мыслей, и он понимал, что все, что он говорит, проникает в самые глубины сознания.

— В прошлом у нас не было и не могло быть отечества, — говорил он. — Но теперь... у нас есть отечество, и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, — спросил он, и все, все сидевшие в зале, чувствовали, что тут не ораторский прием, а самая острая и центральная проблема всей политики партии, партии, к которой они принадлежали, интересы которой они ставили выше всего, — ... хотите ли, — спрашивал Сталин, — чтобы наше социалистическое отечество было бито и чтобы оно потеряло свою независимость?

— Не хотите, — сказал он медленно. — Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет...

Селиверстов¹, много раз слышавший Сталина, привыкший к его складу речи и силе убеждения, чувствовал себя взволнованным. Ему даже неловко стало за себя. «Что это я, как мальчишка, расчувствовался», — подумал он, но оглянувшись, он увидел на всех лицах то же увлечение, то же торжественное и вместе с тем искреннее выражение, которое бывает у людей, когда они, если им предложить немедленно стать в строй и отправиться на фронт, не заезжая домой, не прощаясь с семьями, станут в строй и отправятся с сознанием, что только так и надо действовать и это единственно правильно.

Но от них требовали много большего. От них требовали осилить то, что было наиболее сложно и важно для страны, — овладеть хозяйством, знать технику, ликвидировать отсталость. И, заканчивая свои железные формулы, Сталин, обращаясь к залу, коротко суммировал:

— Мы отстали от передовых стран на пятьдесят — сто лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. В десять лет, — повторил он еще тверже. — Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР.

Когда Сталин кончил, зал несколько секунд, словно оглушенный его речью, сидел молча. И уже, когда его спина стала скрываться в толпе, окружавшей президиум, поднялся сначала медленный, потом все убыстряющийся и нарастающий вал аплодисментов и криков.

Людям казалось, что их раскрыли, очистили, дали им новый запас крови, мозга, энергии, бодрости и пустили их в ход. Они были благодарны искренне и глубоко: все, что тяготило их, находило выход, разрешение.

И хотя они, казалось, знали все, о чем говорил Сталин, и раньше — и необходимость овладения производством, и необходимость быстрейшей ликвидации

хозяйственной отсталости страны, и свои обязанности перед международным пролетариатом, — но все это было увязано теперь с их конкретными хозяйственными задачами.

Сталин словно приоткрыл клапан, через который могли выйти пары, и указал, что делать, чтобы паровоз пошел. Селиверстов связывал мысленно речь с замучившими его пятьюдесятью тысячами факторов.

Игнатов давал себе слово, что, зная теперь, за что ухватиться, он дело двинет и смоеет оставшееся после провала на Тракторном пятно.

Игнатов которому теперь все его прежние обиды и опасения относительно проработки казались мелкими, недостойными его как коммуниста, — теперь, после речи, испытывал настоятельную потребность что-нибудь немедленно сделать. Сквозь густую толпу он протискивался к Орджоникидзе: тот еще кричал и хлопал. Когда Серго повернулся, чтобы нагнать Сталина на лестнице, Игнатов схватил его за руку и сказал сердито и громко:

— Пошли меня куда хочешь, хоть на Сахалин...

— Завтра! — крикнул ему Орджоникидзе и, уронив шубу на кресло, поспешил к лесенке, к которой прошел Сталин.

— Ну, Коба, — называя его старым подпольным именем, сказал Серго, — ну... — и, словно больше ничего не мог выговорить от волнения, он перевел дыхание.

Ему хотелось сказать о том, что давно он не видел его таким, что его речь и для него самого была огромна и значительна, и еще многое ему хотелось сказать, но кругом были люди. Сталин улыбался...

¹ Селиверстов — герой романа, уполномоченный центра на тракторном заводе.

А. Сурков

ДЕЛЕГАТ

Густая его шевелюра
Засеребрилась давно.
Дрожал перед ней Петлюра
И хмурил брови Махно.

Слащев на всех перекрестках
Назначил цену бойцу,
Решив, что такой прическе
Пеньковый галстук к лицу.

И тот, и другой, и третий
С крапленных шли козырей.
Проставили все на свете,
И были биты в игре.

А он по студеным росам
Летал со своим полком.
Пошел на войну матросом,
Вернулся большевиком.

Куда его ни бросали?
Каких он ни делал дел?
Водил табуны на Сале.
В правлениях трестов сидел.

Снимал корабли с причала.
Солил за Вяткой грибы.
Везде его выручала
Большая правда борьбы.

Ему опускать глаза ли
Под взглядом большого дня?

Куда ни посмотришь — в зале
Сидит боевая родня.

Партийцы сталинской складки.
Строители и вожаки.
От Ладоги до Камчатки
Сбились его земляки.

Под гулким куполом сводов,
В мельканьи блуз и петлиц
Скрестился ветер заводов
С колючим ветром границ.

Ему ли не волноваться,
Не чувствовать в сердце дрожь,
Когда в ураган оваций
Уверенно входит вождь,

Когда в потрясенном зале
Знакомой походке вслед
Гремит «Да здравствует Сталин,
Великий мастер побед!»

Ведь там, в полях, на толоках,
Колхозы в бой выводя,
Он локтем чувствовал локоть
Товарища и вождя.

Сжигая сон на привале,
В степной предутренней мгле,
Он сердцем чуял, что Сталин
Вот так же не спит в Кремле.

И ноги ступали твердо,
И речь лилась горячей,
И прыгали фары «форда»
Сквозь чад посевных ночей.

В дремоте мутной и зыбкой
Спеша на шум голосов,

Он шел за этой улыбкой,
Пробившейся из-под усов.

Он шел за этой походкой
По теплой и влажной земле,
Чтоб радость его и гордость
Отметилась там, в Кремле.

Чтоб радость его и гордость
Строителя и вожака
Вошла надежно и твердо
В победный отчет ЦК.

Ну, как же не волноваться,
Не чувствовать в сердце дрожь,
Когда над морем оаций
Стоит на трибуне вождь?

М. Шолохов

ПИСЬМО СТАЛИНА

(Отрывок из романа „Поднятая целина“)

Есаул Половцев вынес седло. Вышли. Взяли лошадей. Тронули рысью. Речку переезжали за хутором вброд. Всю дорогу Половцев молчал, курить воспретил и ехать велел не по дороге, а сбочь, саженьях в пятидесяти.

В Войсковом их ждали. В курене у знакомого Якову Лукичу казака сидело человек двадцать хуторян. Преобладали старики. Половцев со всеми здоровался за руку, потом отошел с одним к окну, шопотом в течение пяти минут говорил. Остальные молча поглядывали то на Половцева, то на Якова Лукича. А тот, присев около порога, чувствовал себя среди чужих, мало знакомых казаков потерянно, неловко...

Окна изнутри были плотно занавешены дерюжками, ставни закрыты, на базу караулил зять хозяина, но, не смотря на это, Половцев заговорил вполголоса:

— Ну, господа казаки, час близок! Кончается время вашего рабства, надо выступать. Наша боевая организация наготове. Выступаем послезавтра ночью. К вам в Войсковой придет конная полусотня, и по первому же выстрелу вы должны кинуться и перебраться на квартирах этих... агитколонщиков. Чтобы ни один живым не ушел! Командование над вашей группой возлагаю на подхорунжего Марьина. Перед выступлением советую нашить на шапки белые ленты, чтобы в темноте своих не путать с чужими. У каждого должен быть наготове конь, имеющееся вооружение, шашка, винтовка или даже охотничье ружье и трехдневный запас харчей. После того, как управитесь с агитколонной и вашими местными коммунистами, ваша группа вливается в ту по-

лусотню, которая придет вам на помощь: командование переходит к командиру полусотни. По его приказу тронетесь туда, куда он вас поведет. — Половцев глубоко вздохнул, вынул из-за пояса толстовки пальцы левой руки, вытер тылом ладони пот на лбу и громче продолжал: — Со мною приехал из Гремячего Лога всем вам известный казак Яков Лукич Островнов, мой полчанин. Он вам подтвердит готовность большинства гремяченцев идти вместе с нами к великой цели освобождения Дона от ига коммунистов. Говори, Островнов!

Тяжелый взгляд Половцева приподнял Якова Лукича с табурета. Он проворно встал, ощущая тяжесть во всем теле, жар в своей пересохшей гортани, но говорить ему не пришлось: его опередил один из присутствовавших на собрании, самый старый на вид казак, член церковного совета, до войны бывший в Войсковом бессменным попечителем церковно-приходской школы. Он стал вместе с Яковым Лукичем, не дав ему слова вымолвить, спросил:

— А вы, ваше благородие, господин есаул, наслышанные об том, что... Тут вот до вашего прибытия совет промежду нас шел... Тут газетка дюже антиресная проявилась...

— Что-о-о? Что ты говоришь, дед? — хрипавато спросил Половцев.

— Газетка, говорю, из Москвы пришла, и в ней пропечатанное письмо председателя всей партии...

— Секретаря! — поправил кто-то из толпившихся.

— То-бишь, секретаря всей партии товарища Сталина. Вот она эта самая газетка от четвертого числа сего месяца, — не спеша старческим тенорком говорил старик, а сам уже доставал из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенную вчетверо газету. — Читали мы вслух ее промеж себя трошки загодя до вашего прибытия, и... выходит так, что разлучает эта газетка нас с вами! Другая линия жизни нам, то есть хлеборобам, выходит... Мы вчера прослыхали про эту газету, а ноне утром сел я верхом и, на старость свою не глядя, мотнулся в станицу. Через Левшову балку вплынь шел, со слезами, а перебрался через нее. У одного зна-

комца в станице за ради Христа выпросил. Купил я эту газету, заплатил за нее, пятнадцать рубликов заплатил! А после уже доглядели, а на ней обозначенная цена — пять копеек. Ну, да деньги мне с общества соберут, с база по гривеннику, так мы порешили. Но газета денег этих стоит, ажник, кубыть, даже превышает...

— Ты о чем говоришь, дед? Ты что это несешь и с Дона и с моря? На старости лет умом помешался? Кто тебе давал полномочия говорить от имени всех тут присутствующих? — с гневной дрожью в голосе спросил Половцев.

Тогда выступил малого роста казачок, годов сорока на вид, с кучыми золотистыми усами и расплоснутым носом; выступил из стоявшей возле стены толпы и заговорил вызывающе, зло:

— Вы, товарищ бывший офицер, на наших стариков не пошумливайте, вы на них и так предостаточно на шумелись в старую время. Попановали и хватит, а заразно надо без грубиянства гутарить. Мы при советской власти стали непривычные к таким обращениям, понятно вам? И старик наш правильно гутарил, что был промеж нас совет, и порешили мы все через эту статью в газете «Правда» не восставать. Разошлись поврозь наши с вашими стежки-дорожки! Власть наша хуторская надурила, кое-кого дуриком в колхоз вогнала, много середняков занапрасно окулачила, а того не поняла наша власть, что дуриком одну девку можно, а со всем народом нельзя управиться. Ить наш председатель совета так нас зануздавал было, что на собрании и слова супротив него не скажи. Подтягивал нам подпруги неплохо, дыхнуть нечем было; а ить хороший хозяин по песку, по чижолой дороге лошади чересседельню отпущает, норовит легче сделать... Ну, мы раньше, конечно, думали, что это из центру такой приказ идет, масло из нас выжимать, так и кумекали, что из ЦК коммунистов эта пропаганда пущенная, гутарили промеж себя, что, мол, «без ветру и ветряк не будет крыльями махать». Через это решили восставать и вступили в ваш «союз», понятно вам? А заразно получается так, что Сталин этих местных коммунистов, ка-

кие народ силком загоняли в колхоз и церква без спросу закрывали, кроет почем зря, с должностев смещает. И получается хлеборобу легкая дыханья, чересседельная ему отпущенная: хочешь — иди в колхоз, а хочешь, сиди в своей единоличности. Вот мы и порешили с вами добром... Отдайте нам расписки, какие мы вам по нашей дурости подписали, и ступайте, куда хотите, мы вам вреда чинить не будем через то, что сами мазанные...

Половцев отошел к окну, прислонился к косяку спиной, поблел так, что всем стало заметно, но голос его прозвучал твердо, с сухим накалом, когда он, оглядывая всех, спросил:

— Это что же, казачки? Измена?

— Уж это как хотите, — ответил ему еще один старик, — как хотите прозывайте, но нам с вами зараз не по дороге. Раз сам хозяин стал нам в защиту, то чего же нам на сторону лезть? Вот меня лишили зазря голоса, выселять хотели, а у меня сын в Красной армии и, значит, я своих правов голоса достигну. Мы не супротив советской власти. Нет, это не гоже! Возверните нам расписки, покедова добром просим...

И еще один пожилой казак говорил, неспешно поглаживая левой рукой кучерявую бородку:

— Промахнулись мы, товарищ Половцев... Видит бог, промахнулись! Не путем мы с вами связались. Ну, да ить от спыток — не убыток, теперича будем ходить без вилюжечков... Прошедший раз слухали мы вас, как вы нам золотые горы сулили, и диву давались: уж дюже ваши посулы чижолые! Вы говорили, что, мол, союзники нам — на случай восстания — в один момент оружию примчат и всю военную справу. Наше, мол, дело только постреливать коммунистов. А после раздумались мы, и что же оно получается? Оружью-то они привезут, это добро дешевое, но гляди, они и сами на нашу землю слезут! А слезут, так потом с ними и не раскобекаешься! Коммунисты — они нашего роду, сказать, свои природные, а энти чорт-те по-каковски гутарят, ходют гордые все, а середь зимы снегу не выпросишь, и попадешься им, так уж милости не жди! Я по-

бывал в 1920 году за границей, покушал французского хлеба в Галиполях и не чаял оттедова ноги притянуть! Дюже уж хлеб их горьковатый! И много наций я перевидал, а скажу так, что окромя русского народу нету желанней, сердцем мягше. В Константинополе и в Афинах в портах насмотрелся на англичан, французов. Ходит такая разутюженная гадюка мимо тебя и косоротится от того, что я, видишь ты, небритый, грязный, как прах, по́том воняю, а ему на меня глядеть — душу воротит. У него, ить, как у офицерской кобылы, все до самой подхвостницы подмыто и выскоблено, и вот он этим гордится, а нами гребует. Ихние матросы в кабаках, бывало, нас затрагивают и чуть чего — боксой бьют. Но наши донские и кубанские трошки приобькали в чужих краях и начали им подвершивать! — Казак улыбнулся, в бороде синеватым лезвием сверкнули зубы. — По-русски даст наш биток какому-нибудь англичанину, а он с ног — копырь, и лежит, за голову держится, чижело вздыхает. Нежные они на русский кулак, и хоть сытно едят, а квелье. Мы этих союзников раскусили и поотведали! Нет уж, мы тут со своей властью как-нибудь сами помиримся, а сор из куреня нечего тягать... Расписочки-то вы нам убагуйте назад!

«Махнет он зараз в окно, а я остануся как раз на мели! Вот так влез!.. Ох, мамушка родимая, в лихой час ты меня зародила! Связался с распроклятым! Попутал нечистый дух!» — думал Яков Лукич, ерзая по скамейке, глаз не сводя с Половцева. А тот спокойно стоял у окна, и теперь уже не бледность заливала его щеки, а темная просинь гнева, решимости. На лбу вздулись две толстых поперечных жилы, руки неотрывно сжимали подоконник.

— Ну, что же, господа казаки, воля ваша: не хотите итти с нами, — не просим, челом не бьем. Расписок я не верну, они не со мною, а в штабе. Да вы напрасно и опасаетесь, я же не пойду в ГПУ заявлять на вас...

— Оно-то так, — согласился один из стариков.

— ...И не ГПУ вам надо бояться... — Половцев, говоривший до этого замедленно, тихо, вдруг вскрикнул во

весь голос: — Нас надо бояться! Мы вас будем расстреливать, как предателей! А ну, прочь с дороги! Сто-ронись! К стенкам!.. — и, выхватив наган, держа его в вытянутой руке, направился к двери.

Казаки ошалело расступились, а Яков Лукич, опередив Половцева, плечом распахнул дверь, вылетел в сенцы, как камень, кинутый пращой.

В темноте они отвязали лошадей, рысью выехали со двора. Из куреня доносился гул взволнованных голосов, но никто не пытался их задержать...

СОБИРАЛИСЬ КАЗАЧЕНЬКИ...

(Песня советских казаков)

Собирались казаченьки, собирались на заре,
Думу думали большую на колхозном на дворе.
Если б нам теперь, ребята, в гости Сталина позвать,
Чтобы Сталину родному все богатства показать,
Чтобы Сталину родному все богатства показать.

2

Показать бы, похвалиться
Нашей хваткой боевой.
Приезжай, товарищ Сталин,
Приезжай, отец родной!
Мы пошлем тебе навстречу
Всех стахановцев полей,
Мы дадим джигитам храбрым
Самых лучших лошадей.

3

Будешь ехать через поле —
Полюбуйся чистотой, —
Как хлеба цветистым маем
Умываются росой.
Будешь ехать — сам увидишь —
На колхозном на дворе
Расцветают наши дети
Алым маком на заре.

4

На большом пиру казачьем
Наши девушки споют,

Зануздают самолеты,
Шелком небо разошьют.
От высокого Казбека
До каспийских берегов
Льется жизнь, тобой согрета,
Жизнь советских казаков.

КОЛХОЗНАЯ КАЗАЧЬЯ

Волны мутные шумели,
Шумят теперь чистые...
Наши песни полетели
К Сталину ручьиные.
Дорогой товарищ Сталин
Их в Кремле услышит,
Он письмо в степные дали
Казакам напишет...
А мы коня вырастим
Для отца родного,
Вымоем да вычистим
Друга боевого.
Эх, да конь, да чистокровный
Дона буйного рысак!
Скоро к нам приедет Сталин
В степь, почетный наш казак.
Разбело-белым платочком
Коня вытрем. Он — огонь!
Не замажется платочек,
Так уж вымыт будет конь.
И нарядная уздечка
Будет кольцами звенеть,
Позолоченным колечком
Будут стремяна гореть...
Он на этом на коне
Пролетит по всей стране,
Он заедет в поле к нам
И проедет по цветам...
О себе ему расскажем,
Эх, про соколов споем,
Нивы буйные покажем
И степями проведем...
Вот по небу ходит солнце,

Пики искрятся в степи.
Едут, едут комсомольцы
По счастливому пути!
Синий Дон волною бьется
О крутые берега...
Наша песня раздается,
Мчится пульей на врага.

*Из песни, записанной в колхозе
«Красный луч», Алексеево-Лозов-
ского района, Северо-Донского
округа.*

Ф. Панферов

СРЕДИ МАСТЕРОВ ЗЕМЛИ

(Отрывок из романа «Творчество»)

Зал бушевал...

Казалось, не будет конца этому безудержному восторгу людей. Люди били в ладоши, что-то кричали, каждый по-своему, каждый о своем, и их аплодисменты то затихали, то снова взрывались и оглушающей волной неслись туда — к Сталину, вождю народов.

Сталин стоял за столом президиума. Опустив глаза, он горбился и прятался за наркома Ворошилова. Казалось, тут на сцене этот твердый человек был впервые выбит из своего обычного состояния бурей аплодисментов, криками представителей полей, огородов, конюшен, тракторных бригад... и он, не в силах сдержать этот буйный восторг людей, горбился и прятался за спину Ворошилова. Но Ворошилов сам аплодировал. Он широким размахом бил в ладоши и, смеясь, кивал головой в зал, как бы поддавая жару. Заметь, что Сталин скрывается за него, он отступил на шаг и сам скрылся за Сталиным. И тогда от взрыва аплодисментов задребезжали стекла, заколыхались тяжелые, золоченые люстры.

— Сталину-у-у!

— Отцу нашему-у-у! — несло из семи тысяч глоток.

И вот на какую-то секунду аплодисменты стихли, кто-то в дальнем углу запел «Интернационал». Сталин глубоко вздохнул, поднял глаза и посмотрел в зал... и песня мгновенно смялась новым взрывом аплодисментов, а Сталин не выдержал, поднял руку кверху, повернул ее ладонью к знатным людям страны — и семь тысяч делегатов дрогнули, ибо каждому из них показало: Сталин поднял руку ему, для него...

Прошло пять, десять... пятнадцать минут. Люди все неистовствовали, аплодировали, кричали, пробовали запеть «Интернационал», но тут же сминали песню. Многие из них уже охрипли, многие, уже переполненные радостью, рыдали, многие рвались к столу, чтобы вплотную посмотреть на Сталина, чтобы навсегда запечатлеть его в своей памяти.

Сталин уже давно опустил руку и снова сгорбился, растерянно прятался за Ворошилова. Наконец, он вынул из кармана часы и показал делегатам, словно говоря: «Время бежит. Время дорого», но делегаты как будто только того и ждали — в крики, аплодисменты ворвался веселый смех...

Никита Гурьянов и Стешка чуточку припоздали. Виноват в этом оказался Никита. Года два тому назад, когда он был в Москве на совещании «мастеров земли», он вместе со всеми заседал в Малом зале Кремля. И теперь, несмотря на то, что распорядители совещания направили их в Большой Кремлевский дворец, несмотря на это, Никита тянул Стешку в Малый зал.

— Там же. Чай, я знаю. Что мне впервой, что ль?.. Обманывает Москва. Она такая. Ей не верь.

И, поплутав, они вошли в Большой Кремлевский дворец в то время, когда зал уже ревел от рукоплесканий. Зал был настолько огромен, что Никита, войдя в него, сжался, посмотрел кругом — и люди, сидящие на балконе, показались ему куколками. А людей было так много, что он даже пробормотал:

— Вся Расея собралась.

И сам зааплодировал, увидев Сталина.

Что было потом — он хорошо не помнит. Он лез вперед, кричал до хрипоты, в рукавом нового пестренького пиджачка смахивая слезы, и аплодировал Сталину, Молотову, Кагановичу, Калинин... и аплодировал даже тогда, когда председательствующий возвестил, что «в президиум предлагается избрать Никиту Семеновича Гурьянова, мастера земли, представителя колхоза «Бруски».

— Тебя выбирают, Никита, а ты аплодируешь, — сказала Стешка.

— А-а-а! Что ж, стало быть, достоин, — и не дожидаясь, когда его вызовут, направился в президиум.

Он шел неторопко, вразвалку, но на полпути остановился: председательствующий объявил, что «в президиум предлагается избрать Степаниду Степановну Огневу, лучшую трактористку Союза».

— Ого! — сказал Никита и поманил к себе Стешку: — И тебя туды же. Пойдем.

— Погоди, Никита Семеныч. Позовут.

— А чего годить. Раз выбрали — пойдем, а то всё расхватают.

И верно, не успела Стешка сделать и нескольких шагов, как места за столом в президиуме были заняты.

— Ну, вот, — поднимаясь по лестнице на сцену, начал Никита. — Говорил тебе, пойдем. Тут народ такой: живо первейшие места захватят, а тебе — задворки.

Стешке досталось место в самом последнем ряду. Она присела на крайний стул и, оглянувшись, увидела, что сидит в этом ряду одна, и ей стало неловко: ей показалось, что весь зал, все эти семь тысяч человек смотрят на нее, и ей захотелось смешаться с людьми, скрыться, но скрыться было некуда и она согнулась, прячась за спины сидящих впереди нее членов президиума. Временами она забывалась, но потом снова начинала беспокоиться, прятаться за спины.

А Никита действовал.

— Тут как на пустыре, — сказал он и пошел в первый ряд.

Как только Никита приблизился к столу, его подхватил под руку Сергей Петрович Подклетнов и подвел к Сталину.

— Вот наш мастер земли.

— А-а-а. Знаю. Никита Семеныч, — Сталин быстро встал, крепко пожал руку Никите и уступил ему стул. — Садитесь, садитесь, — проговорил он и чуть не силой усадил Никиту.

— Да я... Да я ведь, Иосиф Виссарионович, — отчество Сталина ему выговорить было трудно, он всю дорогу твердил его и теперь вышло хорошо. — Я ведь... ноги-то у меня хожены: и постоять могу... Ну, — Ни-

кита посмотрел в лицо Сталину, — да ведь ты хозяин всей нашей страны. Тебе найдут, где сесть.

— Оно верно, — и Сталин улыбнулся.

Стул, действительно, будто вынырнул из воздуха. И когда Сталин присел, Никита проговорил:

— Ну, что ж? Я сам-сорок смахнул. Тебе слово дал смахнуть сам-тридцать, а смахнул сам-сорок.

— Да ну-у! Сам-сорок?

— Вот этими лапами, — Никита положил на стол большие, узластые руки и, как бы гордясь, пристукнул ими. — Сам-сорок, значит. Ты проиграл, — чуть погодя добавил он.

— Почему я проиграл? — Сталин прищурил глаза, и Никита увидел, как в его глазах мелькнули огоньки.

«Этого на мякине не проведешь», — решил он и затопился:

— А потому проиграл, что — сомнение было? Было. А теперь награду мне давай, — неожиданно даже для себя выпалил он. — Ты награду мне давай. А то как же? Приеду, ребята спросят, где награда. Фик им покажу.

— Сам возьми награду, Никита Семеныч: ты хозяин.

— Это то есть как — я хозяин? Вот еще.

— Заработал — возьми.

Никита некоторое время думал.

— Это так! А ты благословляешь? Без твоего благословения награда — не награда.

— Обеими руками — и Сталин снова улыбнулся, затем, сдерживая смех, спросил: — Ну, а как — помирился с Епихой Чанцевым?

— А ты его знаешь? Это... безногий у нас.. безногий, а башка, право слово. Он, Епиха, у нас с тузом в башке. Как пойдет, так тузом кроет. Откуда его знаешь?

— А как же не знать? Если тебя не знать, Епиху Чанцева не знать, других таких же не знать, то ведь дела пойдут плохо. Так ведь?

Никита чуть-чуть опешил и пристально посмотрел на Сталина.

— Оно так. А ты вон какой, — он говорил, увиливая, уходя от вопроса, стараясь замаять дела с перегибом. —

Значит, глаз у тебя большой? На всю страну? Вот это да-а... А за Епихой послать бы. У него ноги закорючкой, передвижка ему во вред. А ты за ним аэроплан бы. Что, может, дорого?

— Вот это хорошо. Вспомнил. Это хорошо, — и Сталин, повернувшись, сказал какому-то человеку: — Пошлите аэроплан. Чтобы Епиху Чанцева сюда доставили.

— Во, во, — обрадовался Никита. — И подлечить, может, его тут придется. Эх, ноги бы ему вставить — рысак, а не человек был бы. Безногий — и то покою себе не знает.

Стешка видела, как Сталин то и дело нагибался к Никите, о чем-то расспрашивал его и, сдерживая смех, очевидно, не желая нарушать порядка совещания, крепился, но временами, прикрыв рот рукой, начинал вместе с Никитой хохотать — громко, заразительно.

«Ах, если бы он со мной поговорил», — мечтала в это время Стешка.

И вот Никиту пересадили ближе к Михаилу Ивановичу Калинин. Его о чем-то упрасивают и Сталин, и Калинин. Никита качает головой, отнекивается. И вдруг, приподнявшись, он громко заговорил:

— Ну, что же. Ну, давай. Давай поправлю, — он, видимо, не ждал, что его слова через радиоусилитель облетят весь зал, и, чтобы не быть смешным, добавил: — Граждане, приятели от полей и другого. Михаил Иванович тут на меня насел, говорит: «Правь пока народом». Что делать? Беру вожжи в руки и даю слово Константину Петровичу Каблеву.

Константин Петрович Каблев вышел на трибуну. Ему лет девятнадцать, не больше. У него только пушок на верхней губе. Он волнуется и никак не может начать речь.

Вот он надул щеки, и лицо у него стало похоже на самовар. Так он делал, когда приходил в хоровод, чтобы посмешить девчат. И тут он надул щеки, и зал грохнул хохотом, а те, кто приехал вместе с Костей, ахнули: вот провалит... вот позор!

— Валяй! Костя! Крой! — кричат они.

— Крой, крой, — поощряет Никита. — Тут окромя своих никого нет.

«Эка как легко — крой», — думает Костя и, глубоко вздохнув, так, что плечи у него чуть не коснулись ушей, заговорил:

— Приветствую любимых вождей наших — товарища Молотова и стоящего во главе партии товарища Сталина.

Эта часть речи по плану должна была быть на конце, но Костя все перезабыл. И люди бурно зааплодировали. Костя собрался с силой и «крыл» дальше. Он рассказал о том, как он работал на тракторе «Универсал-2» и как его, Костю, из одного колхоза «бабы тятками выгнали».

— И что ж получилось? Там, где я работал на «Универсале-2», где я произвел пятикратное мотыжение, букетировку и копку, там урожай свеклы — слушайте, какой был, — четыреста центнеров с га, а там, откуда меня прогнали неосознательные женщины тятками, — урожай восемьдесят центнеров. А когда окончил работу, — Костя ухмыльнулся, вытер рукавом пот на лице, — и когда я хотел отправиться домой, колхозники пригласили меня в гости и угостили меня хорошо, и даже вином поили, и домой отвезли...

Нет, зал не может спокойно слушать речь Кости. Семь тысяч представителей земли увидели в лице Кости себя и не в силах спокойно сидеть на месте: они то и дело возгласами одобрений прерывают Костю, как бы говоря этим: «Обратите внимание на Костю, мы все такие». Но Костя еще не кончил. Он непременно хочет сказать о том, как он живет. Он поворачивается к президиуму, отыскивает Сталина и сердито говорит:

— Что я имел раньше, товарищ Сталин?

— А сколько тебе годов было раньше? — перебивает Никита.

— А раньше я имел зипун и лапти — это лет пять назад. А теперь меня знает вся область и секретарь комитета партии принимает меня, как почетного гостя. Вот кто я теперь. А на заработанные деньги я купил корову, три овцы и свинью. — Костя передохнул и мечтательно посмотрел в пространство. — Она, видно, опо-

росилась без меня. Небось, штук тринадцать принесла. Во. Все! — выкрикнул он. — А теперь разрешите пожать руки членам правительства и вождю партии, — и под гром аплодисментов Костя обошел членов президиума.

Следом за Костей выступали другие — в клетчатых кофточках, в коротких юбках старого фасона, в неумело подвязанных галстуках, и корявым языком, корявым, но сочным, рассказывали о своих достижениях на полях, на огородах, на конюшнях, на скотных дворах, в тракторных бригадах. Выступали и агрономы, и ученые, и академики, и члены правительства...

«И я... и я буду говорить. Ну, разве я хуже их? Но что я скажу?» — мысли у Стешки бились, облекались в слова — крепкие, красочные, но тут же гасились страхом.

И вот кто-то к ней подошел. Это она услышала. И тот, кто подошел, проговорил с легким восточным акцентом:

— Здравствуйте, товарищ Огнева.

«Не тот ли опять, Мирзоян?» — вспомнила она армянина, которому пришлось на письмо отвечать через печать.

— Здравствуйте, — проговорила она и, не поднимая глаз, не поворачиваясь, подала человеку руку и вся вспыхнула, ибо увидела перед собой Сталина, и в тот же миг спохватилась: хоть бы встать! Она, было, и хотела встать, но Сталин уже сел рядом с ней.

— Почему в сторонке держитесь? Вам надо выступить. Вас вся страна знает и страна ждет вашего слова, — проговорил Сталин, внимательно рассматривая людей в зале.

Стешка растерялась. Она смотрела на лицо Сталина и чувствовала на себе взгляд тысячи глаз: люди из зала в эту минуту смотрели только на них — на Сталина и на Стешку, на них двоих фотографии наводили аппараты.

— Вы молодец, Стеша, — говорил Сталин, все так же рассматривая людей в зале. — Вы на своем примере показали, что вопрос женского равноправия у нас в стране разрешен, и окончательно. Вы знаете, как долго

шел — теперь все еще идет — спор о том, давать или не давать женщине политические права. Сколько ученых, политиков сломали себе шею на этом вопросе. А у нас вот в стране этот вопрос разрешен, и окончательно. Окончательно: трудодень разрешил его. — Слова Сталина были просты, но именно эти слова вдруг и осветили все перед Стешкой.

«Да, да, это так», — твердила она про себя и кивала головой и все порывалась что-то сказать, но что — не знала и в то же время боялась, что вот Сталин смолкнет, и она не сумеет сказать и одного слова.

— Раньше на женскую душу в деревне земли не давали — и даже говорили: «У женщины души нет, на место души лапоть». А мы вот — пробудили в женщине великую душу. Красивую душу, — проговорил Сталин и вдруг резким движением махнул на стаю репортеров, корреспондентов, фотографов, киносъемщиков, которые тянулись из-под сцены, как кобры. И все они скрылись. А Сталин продолжал говорить, отчеканивая каждое слово, повторяя главные слова, подчеркивая их, — он говорил то, что Стешка смутно чувствовала, понимала, что ее радовало, ставило крепко на ноги, и она все кивала головой и все боялась, как бы Сталин не смолк.

И Сталин, как будто зная об этом ее замешательстве, все говорил, говорил, тихо, спокойно, рассматривая людей в зале.

— Мне только что Сергей Петрович сказал, что вы здесь. И мне захотелось посмотреть на вас и поговорить с вами. Вот и поговорил, — он улыбнулся и привстал, ибо в это время к нему подошел академик Лысенко, творец «яровизации». И Сталин заговорил с ним, но уже другим языком — четким, отчеканенным, таким же простым, но слова были другие, обороты речи другие... И Стешка подметила, Сталин с каждым говорит по-своему: с Никитой — по-своему, с ней, со Стешкой, по-своему, с академиком Лысенко — по-своему.

«Вот он какой. Вот он какой великий, — думала она. — И нас он любит. И мы его любим».

РУССКИЕ ЧАСТУШКИ

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку.
Вывел он меня на свет,
Темную крестьяночку.

Не ходи, дружок, до света
И не мни в саду траву —
Портрет Ленина украсить
Я цветов с росой нарву.

Наши дни теперь лучисты,
Наше поле зелено.
Комсомольцы-трактористы
Носят орден Ленина.

Рулевой нам верный нужен
Для большого корабля.
С нами Ленина не стало, —
Верный Сталин у руля.

С неба звездочка упала
В колосистые поля.
С нами Ленина не стало, —
Стойкий Сталин у руля.

Приходи, весна красна,
Времячко весеннее.
Сталин партию ведет
По заветам Ленина.

По заветам Ленина,
По советам Сталина
Мы построили колхоз —
Верный путь крестьянина.

Вьются флаги, рвутся ввысь,
Украшают дали.
Нам зажиточную жизнь
Дал товарищ Сталин.

Мы, подруженьки, пойдем,
На полях цветов нарвем,
Крепко к сердцу их прижмем,
Потом к Сталину пошлем.

Вы завейтесь, голубочки,
Снеговыми стаями,
Отнесите мой привет
Дорогому Сталину.

Растопись на Волге, лед,
Задымись, проталина;
Нынче еду я на слет,
Там увижу Сталина.

А. Сурков

СЕРДЦЕ МИРА

За окном кричит ночная птица,
Дождь шумит в разбуженной траве.
Мне сегодня за полночь не спится,
Песня-дума зреет в голове.

Дождь прошел. По облачному краю
Расцветилось звездное шитье.
Я сегодня песне доверяю
Самое заветное свое.

Дождь прошел. И сразу стало ближе
Все, чем я волнуюсь и живу.
Вот глаза закрою и увижу
Отходящую ко сну Москву.

От болот Полесских до Памира
Даль видна с ее высоких крыш.
Город мой, надеждой светлой мира
Ты в просторах родины стоишь!

В духоте ночной изнемогая,
Город дремой голову прикрыл.
Но не спит, по комнате шагая,
Тот, кто эту песню окрылил.

Разве может речь моя скупая
Рассказать, как в полуночный час
Человек, часов не досыпая,
Думает о мире и о нас?

В час ночной, когда смолкают шумы
За седыми башнями Кремля,

Всех народов потайные думы
Открывает Сталину земля.

Входят в сердце чередой бескрайной
Наши думы, помыслы, судьба.
Слышит он, как в степь идут комбайны,
Как шумят высокие хлеба.

Все мечты и думы человечьи
Сталин в сердце выносил своим.
Оттого в его чеканной речи
Мы себя и время узнаем.

Оттого, когда туман слонится
По полям завесой голубой,
Человеку говорит столица:
Все народы, вся страна с тобой!

Наша стража у речного брода,
Наша стража сторожит мосты.
У кремлевских стен любовь народа
Проверяет зоркие посты.

Подошла к исходу ночь сырая,
День встает из-за Москва-реки.
По стране от края и до края
Скоро перекликнутся гудки.

Шаг страны размерен и уверен.
Флаг страны шумит на гребне лет.
Новый день уже стоит у двери,
Окрыленный сводками побед.

Борис Лебедев

СПОР

На улице
В праздничном блеске огней
Со мной поравнялось трое парней...
И первый сказал: «Я доволен вполне —
Сегодня особенно радостно мне.
Забыть не могу я, как, выравняв ряд,
Мы грянули марш из «Веселых ребят»...
Всех лучше играл я, не скрою того,
И Сталин смотрел на меня одного!..»
«Неправда, товарищ! — воскликнул второй. —
Подумаешь, тоже нашелся герой!
Скажу тебе честно, не хвастая зря,
Гуляла по лицам идущих заря
От бархата знамени моего,
И Сталин смотрел на меня одного!»
Но третий сказал, рассмеявшись: «Увы!
Друзья, глубоко ошибаетесь вы...
Когда к мавзолею, подобно реке,
Мы хлынули дружно, я поднял букет
Всех выше — и не было ярче его,
И Сталин смотрел на меня одного!»
Так шли они, споря, статны и ловки.
Мне крикнуть хотелось им: «Чудаки!»
Но я не решился ребят огорчать,
Я праздника ради сумел промолчать.
«Пусть, — думал я, — спорят, не зная того,
Что Сталин смотрел на меня одного!»

Джек Алтаузен

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Разве можно свой край не любить,
Отвоеванный саблей бывалой,
Где ты рос, где ты стал запевалой.
Самолет научился водить.

Где ты в бурю не раз на штурвал
Клал без страха тяжелую руку,
Где ты все — и любовь, и разлуку,
Сладость славы и дружбы — узнал.

Много стран есть на свете других,
Те же птицы там в воздухе реют,
Те же зерна там в яблоках зреют,
Те же косточки в вишнях тугих,

Но такая, как наша, — одна:
Всю ее омывает волнами.
Вся она и везде перед нами
Озаренная солнцем видна.

Ходит слава по нашей стране
Про того, кто стоит у кормила,
Чья работа, чья жизнь разбудила
Искры, спавшие долго в кремне.

Он, как ветер с далеких широт,
Он, как высшее в мире искусство,
Он, как мысль, перешедшая в чувство.
Движет нас неустанно вперед!

Демьян Бедный

ЦВЕТЕНЬЕ ЖИЗНИ

Цветенье жизни радостно и пестро,
Над ним простерт воздушно-синий зонт.
Но опытен наш вождь и смотрит остро,
Обозревая горизонт.

Он говорит. Спокойная, прямая,
Достоинства исполненная речь.
Словам вождя взволнованно внимая,
Мы в памяти все, все хотим сберечь —
От формулы и до щедринской сценки,
Весь ход и стиль критической оценки
Вещей, событий и людей,
Всю глубину, все краски, все оттенки
Кристаллизованных идей.

Как яростный блеск магических кристаллин!
Мы на вождя восторженно глядим.
— Наш вождь и друг, товарищ Сталин,
С тобой наш фронт непобедим!

А. Жаров

ПЕСНЯ КРАСНОАРМЕЙЦА

Страна закована в броню.
Над ней стальные птицы реют.
Я гордый рост ее храню,
Страны красноармеец.

Мой брат — на стройке бригадир,
Отец — в строю колхозных далей...
Я стерегу их труд и мир
С тобой, товарищ Сталин!..

Отец мой — красный партизан,
И в памяти его хранится
Рассказ о том, как белый стан
Зажал в кольцо Царицын.

Но мы смогли кольцо рассечь!..
В огне рабочих наковален
Был закален победный меч
Тобой, товарищ Сталин!..

Мой брат на южном фронте был
Красноармейцем Первой конной,
Которой Клим руководил
И командарм Буденный.

«С баронской сволочью в борьбе
Грозой красноармейцы стали»..
Гроза обязана тебе
Своим рождением, Сталин!

Союз советов в бурях рос,
Не никли Ленина знамена...

Теперь у нас побольше гроз
Громовой обороны!

Коль прогремит боев раскат,
К победе путь не будет дален..
Есть у меня
отец и брат,
И есть товарищ —
Сталин...

М. Голодный

МАРШ

Гремит Красной армии шаг,
Раскатами эхо над миром;
Под тучами — огненный флаг,
Заставы не спят у Памира.
Над Африкой солнце встает,
И жар полуденный все выше.
О нас африканец поет —
Он Красную армию слышит.

Вставай, пролетарий, на бой —
Товарищ Сталин с тобой!

Над Индией солнце встает,
От полымя небо, как рана.
Индус к арсеналам идет —
Услышал он дробь барабана.
Индус, своих братьев зови,
С тобою мир новый построим,
Довольно гандийской любви,
Нам ненависть будет сестрою!

Вставай, пролетарий, на бой —
Товарищ Сталин с тобой!

Над Азией солнце встает,
Над черными сопками пламя;
Китаец винтовку берет
И рядом становится с нами.
Лавиной несутся полки,
Как ветер, летят эскадроны,
И кони грызут мундштуки,
Над ними взлетают знамена.

Вставай, пролетарий, на бой —
Товарищ Сталин с тобой!

Над площадью солнце встает,
И неба края заалели;
И Сталин к трибуне идет —
Он в серой знакомой шинели.
Идут бригадиры — косцы,
С Урала идут сталевары,
Клянутся с Приморья бойцы,
Клянутся всех стран коммунары.

Вставай, пролетарий, на бой —
Товарищ Сталин с тобой!

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

От края до края, по горным вершинам,
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню слагает народ.
Летит эта песня быстрее, чем птица,
И мир угнетателей злобно дрожит:
Ее не удержат посты и границы,
Ее не удержат ничьи рубежи.
Ее не страшат ни нагайки, ни пули,
Звучит эта песня в огне баррикад,
Поют эту песню и рикша и кули,
Поет эту песню китайский солдат.
И песню о нем поднимая, как знамя,
Единого фронта шагают ряды.
Горит-разгорается грозное пламя,
Народы встают для последней борьбы.
А мы эту песню поем горделиво
И славим величие сталинских лет, —
О жизни поем мы, прекрасной, счастливой,
О радости наших великих побед.
От края до края, по горным вершинам,
Где свой разговор самолеты ведут,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню народы поют.

А. Сурков

ПЕСНЯ О ВОЖДЕ

Солнце идет по кругу,
Струна натянута туго.
В горле дыханью тесно,
Радость прибоем бьет.
Как спелый солнечный плод,
В сердце созрела песня.

Поет казахский джирши:
— Пастбища наши хороши,
Тучнеют наши стада.
Растут в степи города.
Могуча наша держава.
Великому Сталину — слава!

Поет ашуг Дагестана:
— Зажили старые раны.
Как звонкая сталь клинка,
Дружба народов крепка.
К счастью людей привел
Сталин — горный орел.

Поют чукотские дети:
— У края Большой Воды
В одиннадцать солнц светит
Созвездье Красной звезды.
Как вешняя зелень проталин, —
Песнь о тебе, Сталин.

Чабан балкарских предгорий,
Рыбак, уходящий в море,
Пилот, пробивающий облака,
Токарь, равняющий ход станка,

Люди, познавшие радость в труде,
Песню поют о мудром вожде.

Солнце идет по кругу.
Песня летит по кругу.
Джирши — далекому другу,
Прославленному ашугу,
Я русской песенной речью
На голос родной отвечу:

— Мы шли по низинам горя,
Мы видели крови море.
В годину борьбы кровавой
В поход за счастьем и славой
Позвал мое поколение
Великий и мудрый Ленин.

Нам штормы в лицо хлестали.
Мы в вихре свинца и стали
Мужали и подрастали.
Сквозь битвы и непогоды
К победам привел народы
Могучий и мудрый Сталин.

Над радостными городами,
Над селами и над садами,
Как налитый солнцем колос,
Звени, моей песни голос.
Могуча наша держава.
Великому Сталину — слава!

М. Хай

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Пусть говорят, долины Амазонки
По красоте ни с чем нельзя сравнить, —
Не им дано благоуханьем тонким
Свой аромат чрез океаны лить.

Весь мир свои к нам устремляет взоры,
Сияние страны — во всех концах земли;
О ней легенды созидает море,
И те легенды в дали потекли.

Нигде и никогда цветы, я знаю,
Подобные советским, не цвели.
На разных языках их прославляют
И в странах ближних, и совсем вдали.

Какие б только ни росли на свете, —
Им с нашими и не сравниться — нет!
Наш сад в мечтах не видели и дети,
Не мог его представить и поэт.

О, те цветы не знают увяданья,
Благоухая снежною зимой;
Цветут и на Памире, на Алдане,
И там, где смерч, и где пески — горой.

Их радостный садовник — мудрый Сталин —
Оберегает нежные ростки.
Векам — победы протянул он знамя,
Шаги идущих вслед за ним — крепки!

Все знания свои он отдал саду,
И счастье зацвело по всей стране.
Он больше, чем земля, цветам дает отраду,
Вставая солнцем возрожденных дней!

Какую жизнь стране моей он дарит,
Как четко пульс Республики стучит.
Мичурин жизни! Первый пролетарий!
Ты — солнце днем! И ты луна — в ночи!

С башкирского перевел Александр Чачиков

НАШ ТОВАРИЩ СТАЛИН

(Башкирская народная песня)

Сверкают самолеты в небесах,
Их крылья сделаны из светлой стали.
Да здравствует руководитель наш,
Великий друг людей — Иосиф Сталин!
На наш любимый праздник, Первый май,
Я в шелковой, я в белой выйду шали.
Блестящим белым шелком вышьем мы
На знамени родное имя: Сталин.
Перед моим окошком для цветов
Друг изгородь плетеную поставил.
Мы, как цветы в ограде, разрослись:
Садовник наш — родной Иосиф Сталин.
Колхозная пшеница высока,
Она созрела — желтая, густая.
Мы весело, зажиточно живем:
Учитель наш — родной Иосиф Сталин.

Не белые растут в полях цветы, —
Там алые раскинулись кустами.
Ведет нас к солнцу, впереди идет
Цветок наш алый, наш товарищ Сталин.

*Записана со слов колхозницы
Ишкуловой, ст. Юлдашево, Иванов-
ского района, Оренбургской обла-
сти.*

ЖИВ ИЛЬИЧ

Посмотрите: веселые люди,
Ясли, трактор, колхозный гурт...
Это значит, что он не умер,
Это значит, что жив Ильич.
Ведь колхозная жизнь без горя,
Светлый дом, побежденный бай, —
Это дело его и заветы,
Это ленинские мечты.

Ленин! Кто же его не знает?
От Кремля, где он крепко спит,
До хребта голубого Алтая
Слава Ленина ярко горит.
Выше гор, шире всякого моря,
Тяжелее земли самой
Было наше народное горе,
Когда умер он — самый родной.
Умер Ленин... Но тверже стали,
Крепче горных кремнистых пород
Ученик его — доблестный Сталин
Нас к победам и счастью ведет.

*Записано в колхозе имени Маркса,
в Онгудайском аймаке Бурят-Мон-
гольской республики*

Х. Намсараев

ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ

Все побеждающий
и стали тверже, Сталин!
Ты выше,
чем самый высокий
Саянский хребет.
Ты прозрачней и чище,
чем светлые воды Байкала,
несущие песнь о тебе!
Край наш
вперед устремился,
победой крылатый,
Ученье твое
стало пламенным сердцем аратов.
Раньше
в дикой степи
раздавались звуки
Бубна — хэсэ, хэнгэрэк — барабана;
Взлетали орхимжето ламы
и оргойто — ряса шамана
И развевались по ветру,
неся беднякам нашим муки.
Ныне
хлынула щедро
волна урожая.
Гул тракторов
унылые стоны сменил.
И в работе ударной —
от края до самого края —
Миллионами рук
мы взрастили стада,
не жалея, упорные, сил.

Счастливой мы зажили жизнью,
и радости зная
Радугой красной
взметнулось до самых вершин.
Пусть вечно пребудет
ученье твое, о наш Сталин,
Ленина друг — ученик,
мудрый вождь — исполин!

Перевел Александр Чачиков.

Сулейман Стальский

ДАГЕСТАН

(Отрывок из поэмы)

Мысль, словно море, глубока.
Он — мозг и руки бедняка.
Мир видящий издалика,
Сильней всех сильных, Дагестан.

Для нас среди крутых громад
Рабочими взращенный сад,
Приятный сердцу аромат,
Яйлаг¹ цветущий, Дагестан.

На ветер слов не бросит он,
Он правдой нашею силен.
Над целым миром вознесен
Утес высокий, Дагестан.

Он тучи черные рассек,
Дал бедным счастье в малый срок,
Он землякам моим помог
Прозреть и видеть, Дагестан.

Веков грядущих следопыт,
Везде любим и знаменит,

¹ Яйлаг — летнее пастбище.

Весь мир глазам его открыт,
Он зорко смотрит, Дагестан.

Вот образ — ярче вешних роз.
В суровый год военных гроз
Товарищ Сталин нам привез
Подарок красный, Дагестан.

В краю ущелий и долин
Раскрыл он свой большой хурджин.
Дал Ленин горцам дар один —
Ты стал советским, Дагестан.

Шел девятьсот двадцатый год.
На сходку Сталин звал народ.
Советских дней победных ход
Он разъяснил нам, Дагестан.

Муллы и бека злобный пыл
Он сильным словом охладил.
Болезни бедных исцелил,
Вернул нас к жизни, Дагестан.

Большую силу Сталин дал
Народам горским, Дагестан,
В ущельях наших диких скал
Гудят заводы, Дагестан.

К снегам заоблачных высот
Автомобильный путь ведет.
Мостов железный переплет
Сковал потоки, Дагестан.

Окинь глазами все вокруг.
Нам Сталин всем помог, как друг:
Машины — цеху, полю — плуг
Он дал для счастья, Дагестан.

Вождь Ленин, покидая свет,
Давал заветы, Дагестан.

Дал Сталин клятвенный обет
Исполнить волю, Дагестан.

Весть накатила, как волна.
Глухой тоской потрясена,
Оделась в траур вся страна
В знак тяжелой скорби, Дагестан.

Заветам Ленина верны
Великих дел его сыны.
Победной поступью страны
Их утверждают, Дагестан.

Тебя, Ильич, с живыми нет,
Но партия хранит завет.
Она идет путем побед
К социализму, Дагестан.

Со своей страной труды деля,
Великий Сталин у руля
Курс ленинского корабля
Надежно держит, Дагестан.

Стреножен бешеный верблюд,
Что лил наш пот, что жрал наш труд.
Пусть путь бойцов отважных крут,
Ведет к победам бедный люд
Вождь мудрый Сталин, Дагестан.

У Сулеймана свой закон:
Пустых стихов фальшивый звон
Всем сердцем ненавидит он.
Проклятый строй былых времен
Он не воспел бы, Дагестан...

Перевел с лезгинского **Ал. Сурков**

ПЕСНЯ

Наша жизнь — ковер, сотканный твоими руками, Ленин.
Ты сделал его красным, как огонь, и это наша жизнь,

Ленин.

Ты разбросал по ковру белые цветы, — это наши дети,
Ленин.

Ты разбросал по ковру розовые цветы, — это мы,
Ленин.

Ты разбросал по ковру синие цветы, — это наши мужья,
Ленин.

Ты разбросал по ковру розовые цветы, — это мы,
Ленин.

Ты сделал на нем желтые узоры, — это наши горы,
Ленин.

Ты сделал по краям его голубые узоры, — это наши
реки, Ленин.

Ты сделал по середине его зеленое поле, — это наши
равнины, Ленин.

Ты все это сделал для нас, а самого тебя нет с нами,
Ленин.

Ты лежишь в сакле, сложенной из цветных камней,
Ленин.

Тебя нет с нами, Ленин.

Перевел с лезгинского Р. Фатиев

Сулейман Стальский

ИГРАМИ, ДЮНЬЯДИН-НУР СТАЛИНАЗ¹

Был Ленин первым, кто повел,
Кто вражьи гнезда в прах размел,
Кто над землею, как орел,
Поднялся, став за бедных.

Рабочих всех объединив,
Царя-злодея низложив,
Ушел он, дело поручив
Тебе — великий Сталин.

Основы Ленин заложил,
Но ты постройку завершил,
И каждый счастливо зажил
Под новой кровлей, — Сталин.

Железным ломом горы зла
Тобой разрушены дотла,
Заря над родиной взошла,
Вселенной зодчий — Сталин.

Ты данный Лениным завет
Хранишь, держа в руках, как свет,
Спасаясь люд от черных бед,
Мир озаряя, — Сталин.

Твой всюду слышен мудрый зов,
Он в бой ведет большевиков,
Взрывая старый мир оков, —
Всегда победный — Сталин.

¹ Светочу мира, любимому Сталину.

Ты днем и ночью у руля,
Тебе послушна вся земля.
Прав Сулейман, так говоря:
Создатель счастья — Сталин.

Перевел с лезгинского *Эффенди Капиев*

Сулейман Стальский

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Живое двигая вперед,
Могучих партия ведет:
Шагает трудовой народ,
И ты их знамя, Сталин!

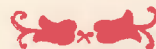
Для всех трудящихся, как свет,
Горишь ты с юношеских лет,
Ведя туда, где горя нет,
Где только радость, Сталин!

Ты в знойный полдень держишь зонт,
Нас охраняя от невзгод.
И дальний виден горизонт
Тебе, вершина-Сталин!

Ты вражью жадность иссушил,
Ты нас победам научил,
Ты в руки слабых ключ вручил
От новой жизни, Сталин!

Известен всей вселенной ты,
Деяний славных мастер ты,
Познавший мысли бедноты,
Тебя пою я, Сталин!

Перевел с лезгинского *Эффенди Капиев*

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Гора над долиной
Стоит высоко;
А небо стоит
Над торою высоко,

Но, Сталин, ты выше
Высоких небес,
И выше тебя
Только мысли твои.

Созвездий и месяца
Солнце светлей,
Но, Сталин, твой разум
И солнца светлей.

Лучистое солнце
Сияет лишь днем,
А разум твой светлый —
И ночью и днем.

Когда твои речи
Доходят до нас,
Орлиным становится
Взор у людей.

И если кто слово
Услышал твое,
Навеки запомнит
Он слово твое.

Идут за тобою
Мильоны людей,
Идут потому, что
Твой правилен путь.

И тот, кто однажды
Пошел за тобой,
Скорее умрет,
Чем покинет твой путь.

*Песня эта была записана в ноябре
1935 г. в отдаленном дагестанском
ауле Кая. Ее пели горянки.
Перевел и обработал Эффенди Капиев*

НАШ СТАЛИН

(Народная песня)

Разве может в песне рассказать певец,
Как нам дорог ты, любимый наш отец.
Ты, как щит, испытан в праведных боях;
Нами кован, нами ношен на руках.
В стужу зимнюю родная кровля ты,
В лето огненное — сад прохладный ты.
Для поднявшихся на небо крылья ты,
Для спустившихся под землю воздух ты.
Над врагами грозовая туча ты,
Над трудящимся народом солнце ты.
Кораблям, плывущим в бурю, берег ты,
Всем рожденным с честным сердцем слава ты.
Разве может в песне рассказать певец,
Как нам дорог ты, великий наш отец.
Солнце родины своей, клянемся мы,
Жизнь твою, как честь, беречь клянемся мы!
Твои взоры — наши взоры, вождь родной,
Твои думы — наши думы до одной.
Наших мыслей, нашей крови пламя ты,
Нашей крепости высокой знамя ты!

Записал в дагестанском ауле Ниж-
ний Дженгутай и перевел с кумык-
ского *Эфенди Капиев*

ЛЕНИН С НАМИ — ЗНАЕМ ТВЕРДО

(Даргинская песня)

Кто сказал, что умер Ленин?
Он живет!
В каждом новом поколении
Живет,
В нашей юности цветении
Живет,
В пролетарском единении
Живет,
В Конституции победной
Живет,
В революции всесветной
Живет,
В нашей правде беззаветной
Живет,
В клятве Сталина бессмертной
Живет,
В наших буднях и парадах
Живет,
На испанских баррикадах
Живет,
В Красной армии отрядах
Живет,
В мудрых сталинских докладах
Живет,
В каждом новом дне на свете
Живет,
В честных путников беседе
Живет,
В голосах фанфарной меди
Живет,
В каждой сталинской победе
Живет,

В лучших помыслах народных
Живет,
В МТС и на заводах
Живет,
В нашем сердце, в песне гордой
Живет,
Ленин с нами, — знаем твердо —
Он живет!

Записана в ауле Урахи, Левашин-
ского района, Дагестанской АССР
Перевел *Эфбенди Капиев*

Наби Ханмурзаев

КУМЫКСКАЯ ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Источник разума — глубокий и живой,
Лучистый светоч — взор горящий твой.
Маяк, сверкающий над беднотой,
Живи в веках, живи, великий Сталин!

Заветы ленинские ты осуществил,
Путь к коммунизму первый проложил.
Краса эпохи, гордость наших сил,
Живи в веках, живи, великий Сталин!

С стальным, несокрушимым сердцем большевик,
Твой зоркий взор в глубины душ проник,
Язык твой ясный — Ленина язык.
Живи в веках, живи, великий Сталин!

Как цели достигать, ты нам даешь пример,
Народов вождь, твой верен глазомер.
Ты — новой, светлой жизни инженер.
Живи в веках, живи, великий Сталин!

И песню о тебе с любовью, исполин,
Поют уста кумыков и лезгин,
Аварцев, лаков, тюрков, кубачин.
Живи в веках, живи, великий Сталин!

Тебя приветствует наш горный Дагестан
Даргинцев, татов и табасаран.
Ты излечил нас всех от прежних ран, —
Живи в веках, живи, великий Сталин!

Тебя приветствует наш горный Дагестан
Горячим сердцем старых партизан,
И вторят им колхозник и чабан:
Живи в веках, живи, великий Сталин!

ДАГЕСТАНСКАЯ ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Реки стремятся к морю,
Железо стремится к магниту,
Травы стремятся к солнцу,
Птицы стремятся на юг.
А люди стремятся к счастью,
Они стремятся к правде.
Сердца их стремятся к дружбе,
Мысли стремятся к тебе.

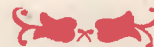
Ласточкой быть желал бы,
Ласточкой быстрокрылой,
Легкой и стройной телом,
Чтоб побывать в Кремле,
Чтоб хоть раз увидеть,
Как улыбнется Сталин,
Слушая речи новых,
Созданных им людей.
Листья трепещут в рощах,
Звезды трепещут в небе,
Волны в ручьях трепещут,
Когда встает заря, —
Так у людей трепещут
Руки в аплодисментах,
Когда они в меджлисе¹
Слышат имя твое.

Был я батрак и нищий,
Был подмастерьем, видел
Только хозяина руки
И мастерской порог.

¹ Меджлис — собрание, сход, заседание.

Сталин! Ты дал нам радость,
Радость и силу в руки,
Радость и правду в сердце,
Радость и счастья путь.

Эта песня записана в одной из кустарных артельных мастерских Дербента (Дагестан). По словам певца, ее сложил старый лудильщик *Муртузли*.

Каймурза Керимов
Народный ногойский прав (шевец)

ЭЛЬ-БАЖАМ

Каймурза — он очень старый;
Сто и сорок лет прожито.
Но поет степные песни
Очень старый Каймурза.

Своему элли-ногаю
Подарил немало сказок,
Много песен и мотивов
Он красивых подарил.

И когда играла домбра¹,
От большой ее печали
У людей сердца пустели,
Как пустеет ночь.

Но когда играла домбра
О великом Эль-Бажа²,
То печаль, боясь народа,
Скрылась, словно бурундук³.

Пусть слова об Эль-Бажа²
Молодым Кызыл-Куланом⁴
Облетят долины счастья
И гудят, не замирая.

Сталин — ты пришел батыром⁵
В наши бедные аулы

¹ Домбра — народный музыкальный инструмент.

² Эль-Бажа — вождь народов, так зовут ногойцы товарища Сталина.

³ Бурундук — маленький пугливый степной зверек.

⁴ Кызыл-Кулан — красный конь, у ногойцев символ богатства.

⁵ Батыр — богатырь.

И в большую непогоду
Нам помог расправить крылья.

Каймурза хотел с Казбеком
Высоту твою сравнить,
Но вершину у Казбека
Все же видно на рассвете.

Каймурза хотел однажды
Твою силу для примера,
Для блестящего примера,
С буйным Терек¹ сравнить...

Но в большое половодье
О крутые плечи скал
Разбивались все же волны,
Превращаясь как бы в дым.

И тогда ирав народный
Очень сильно растерялся,
Но ему сказали люди:
«Пой! Ведь ты же домраши?»

...Сталин! — На степных просторах
Мерно движутся стада,
О таких стадах, мы знаем,
Раньше в сказках говорили.

По твоей булатной воле
Зацвела в аулах наших
Жизнь, которую мы раньше
Лишь в мечтаньях находили.

Ты принес большую радость
В наши степи золотые,
Карды¹ вышли из аулов,
Домбры выбрали нежней,

Чтобы старому ираву
Лучше было петь про мудрость

¹ Карды — старики.

И про силу Эль-Бажама,
Для которой нет сравнений.

Пусть слова об Эль-Бажама
Молодым Кызыл-Куланом
Облетят долины счастья
И гудят, не замирая.

Записал и литературно обработал
Б. Шелепов

Б. Пачев
Народный певец

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Москвой называлось древнее царство.
Оно держало в страхе народы земли,
Грозой шумело в жерлах пушек,
Остриями шашек долго грозило,
Долго силой и властью владело,
Далеко шагало через пространства.
Но Ленин над Москвой руку простер —
И враги, смутясь, бросились в бегство.

Беззаконники писали народу законы.
Солдаты охраняли склады пищи.
Пши¹ беспощадно терзали невинных.
Невежда держал умы на узде.
Уздени защищали свое добро.
Царь и близкие его блистали, как звезды, —
Чванство охраняло порог дворца.
Народ был нищ, как тень на земле,
Влачил свои дни под горьким ярмом.
Усталые головы тяжко склонялись,
Метались в беспокойном сне
На окровавленных подушках.
Землею правил страшный дракон.

¹ Пши — господа.

Но мудрый родился, храбрый пришел, —
Крепости покорил, путы развязал.
Вы нас лишали молока и хлеба,
Как холеный скот, заплывали жиром,
Неправым хабзе¹, как стеной, ограждались,
Грабили нищих, пищу их ели.
Под подушкой у вас ключ от нив и пастбищ.
Источники богатств — в древней неправде,
Крови на нас — как ржавчина на стали, —
Ржавчиной стала наша кровь.
Уже затупилась сталь о наши сердца.
Железный град выпал в Москве.

Богатырские мосты в лунную ночь
Прошел Ленин на глазах у врагов
Под грозой пушек, под дулами ружей.
При рождении месяца меркнут звезды,
Умирает ночь при рождении дня.
Царское величье обратилось в тлен.
Третьей долей своей силы-мощи
Ленин сокрушил царя и пши.
Великий Ленин — чистая душа.
Ленин прав — оттого его лепят из белого гипса.
Мир увидел большую битву:
Уздени и пши стали волками и лисицами,
Ищут нор, теряя зубы,
Торопливо спасаются в чужих норах.
Но Ленин — воин неутомимый.
Царские законы он разрушил,
Зарыл их в землю, словно падаль.
И ныне они ржавеют там.
Дал вдоволь молока детям нищих.
Пши и узденей лишил довольства,
Сладкую жизнь у них отнял,
Запретил им вновь родиться на свет.

Буря была, но корабль шел вперед, —
Искусным кормчим был наш Ленин.

Берег счастья мы увидели.
Мы увидели землю радости.
В вечность он отошел, как звезда,
Но навсегда след свой оставил.
Никогда не забудем мы Ленина.

¹ Хабзе — устав.

Азрет Будаев

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Нам солнце закрывал туман.
Вокруг — насилие, обман;
Но ты сверкнул для братских стран
И жизнь вдохнул в нас, Сталин!

Известен облик твой земле,
И слово, равное стреле,
Наперерез помчалось мгле,
Родной, великий Сталин!

Умом ты озарил народ,
К вершинам счастья он идет,
И песни новые поет
Тебе, любимый Сталин!

Теперь в ущельях смуглых гор
Веселый слышен разговор,
И братских слов твоих дозор
Нас охраняет, Сталин!

Ты первым в гору зашагал,
Бессильному ты крепость дал,
В ком пламень жизни погасал,
Вдохнул ты силу, — Сталин!

Гремит заводами страна,
Цветет улыбками она,
А у руля рука верна
Твоя, великий Сталин!

Я высек песню из скалы,
Там, где гнездятся лишь орлы;
Рвет песня черный сумрак мглы:
— Гора золотая — Сталин!

Перевел с балкарского Александр Чачиков

СКАЗКА О СТАРОМ ТУТЕ И СТАЛИНЕ

Я расскажу вам сказку про нынешние времена, о старом Туте, о колхозном саде, о сыновьях Туты и Бетале Калмыкове и Сталине. Слушайте, молодые!

Тута был очень стар. Башня его лет упиралась в самое небо, и облака временами закрывали вершину ее: Тута стал забывать свои годы.

Он пешком дошел до горы нашего возраста и много силы потратил на этот путь. И пришел день, когда старый понял, что скоро ему надо спуститься в ущелье смерти.

Он жил у своих сыновей. Один сын его был председателем колхоза. Другой сын работал в партии. За ужином Тута знал уже все дневные дела колхоза. Ой, сколько их было! Они росли, как деревья. Первый сын сажал эти деревья, второй сын подстригал их, если они плохо росли. Ой, сколько дел знал Тута о своем колхозе!

Однажды утром смерть в первый раз напомнила Туте о себе. К нам, старикам, она стучится трижды, а на четвертый раз уводит за собой. Тута знал ее обычай, и утром родное село смотрело ему в спину.

Старый Эльбрус, наверное, смеялся, если только понял, за каким делом ушел старик из родного села.

Мудрый, как мудр тот, кто высоко забрался на гору времени, Тута пошел посмотреть родную землю. И он увидел не только хорошее, но и плохое.

И пошел старый Тута в Нальчик. Он пришел в каменный дом, на второй этаж, к Беталу, сыну Эдика Калмыкова.

— Где Бетал? — спросил Тута. — Я должен его видеть. Скажите Беталу, что его спрашивает старый Тута из маленького селения по большому делу.

— Входи скорей, Тута! — закричал Калмыков из-за

двери. — Я всегда жду хорошего человека. Чего ты хочешь, Тута? Может быть, тебе плохо спать в новом доме? Может быть, тебя плохо кормят? Может быть, кто-нибудь посмел обидеть тебя?

— Валлаги ¹! — сказал Тута. — Кто в Кабарде может обидеть честного человека?! Разве кто-нибудь хочет иметь тебя своим врагом? Разве кто-нибудь хочет иметь врагом всю Кабарду? Такой человек — сумасшедший.

— Если ты ничего не хочешь, пойдем тогда пить чай и говорить о хорошем.

— Не путай мне мысли, Бетал, — сказал Тута. — Я буду говорить о плохом.

— Я рад слышать о хорошем, — ответил Бетал, — но я рад слышать и о плохом.

— Ты, Бетал, говоришь загадками. Моя старая голова не понимает их.

— Какая тут загадка? Плохое станет хорошим и вернется к нам радостью. Если ты за этим пришел, говори мне о плохом, говори больше.

Большой аппарат загремел, зазвенел на столе Бетала.

— Тише! — крикнул Бетал.

И голос его, наверное, слышала вся Кабарда. Звонил из холодной Москвы сам Сталин.

Ой, как уважает Бетал Сталина! Он говорил стоя, как юноша стоит перед отцом и начальником.

Ой, как уважает Сталин Бетала! Он говорил ему только веселое, и Бетал все время смеялся.

— Меня вызывают соревноваться, Сталин, — сказал Бетал. — Начальник из другой области предлагает мне соревноваться.

— У тебя ударников, сколько звезд на небе, — сказал Сталин. — Получай орден, потому что ты достоин его.

— Благодарю за орден, — сказал Бетал. — Я отдам его всем колхозникам.

— Скажи Сталину, — подсказал Тута, который здесь

не молчал, — что старики будут носить кусочки этого ордена в своем сердце.

Бетал передал эти слова Сталину.

— Поблагодари мудрых стариков Кабарды, — сказал Сталин.

И старый Тута поклонился черной трубке и снял шапку.

Но какой он был беспокойный, этот Тута! Он опять стал говорить о плохом. Он положил перед собой большой лист бумаги и как будто писал, выкладывая все плохое из уголков своей памяти.

Угрюм и скучен стал Бетал. Он не стал пить чай, он не стал кушать, он надел свою короткую шубу, сел на свою машину-ветер и поехал по селениям. Ничего не успел сделать Тута.

Машина умчалась, а Тута кричал:

— Бетал, не надо себя беспокоить. Завтра все сделаешь. Попей чаю, Бетал, покушай, выпись.

Но разве может кто-нибудь остановить Бетала, если он куда-нибудь пошел? Нет в Кабарде такого человека.

Тута сел в кабинете Бетала и в сердце своем пожалел начальников тех селений.

— Ой, я не стану пить с вами чаю, — сказал им Бетал. — Валлаги, этот чай будет горьким!

Сидит Тута в кабинете и смотрит на драгоценные камни, что стоят у стены под стеклом, и вдруг опять загремел, зазвенел черный аппарат на столе Бетала.

Старый Тута снял шапку, встал и приложил черную трубку к своему уху:

— Я слушаю тебя, Сталин, — сказал он в трубку.

— Откуда ты знаешь, что это я говорю? — раздался из трубки голос, который молодит старые души и одевает теплою буркой холодное человеческое сердце.

— Я знаю, что это ты говоришь, потому что кто же другой не спит ночью в холодной Москве, кто смотрит за всеми, за всех беспокоится, кто смотрит ночью за путником, чтобы не сбиться с дороги, кто через ночь видит, какою встанет заря?

— Старый Тута, ты никогда не был льстивым. Благодарю тебя за доброе мнение обо мне. Не я один ду-

¹ Валлаги — клятва.

маю о дороге, твои сыновья тоже о ней думают, и ты, Тута, тоже смотришь за ней. Но ты не все плохое рассказал Беталу. У вас еще есть золотушные дети, еще чесотка мучит людей, еще не все овцы собрались в коши, еще мало у вас красавцев-коней, еще земля не раскрыла вам всех секретов своего плодородия, еще не выросла молодежь.

— Ты мудр и прав, великий Сталин, — сказал Тута.

— Так не сиди же, Тута, в кабинете. Иди на поля, иди по селениям и рассказывай все, что ты думаешь. Не давай начальникам долго спать под теплым одеялом, не давай им кататься на красивых конях. Надо еще много работать. Надо успеть, чтобы с вершины своей старости ты увидел землю такой прекрасной, когда людям уже незачем будет умирать.

И пошел Тута по аулам.

Я, кто рассказывает вам эту сказку, и вы, мои слушатели, мы не можем поспеть за ветром-машиной Бетала. Я не знаю, что он делал в селениях. Но он вернулся к себе в Нальчик и, как вылез из машины-ветер, сразу сказал:

— Найдите мне сейчас же того старика, Туту. Я хочу ему сказать, что все, что было плохим, стало хорошим. Я хочу еще раз попить с ним чаю, как с умным человеком.

Все поехали искать Туту, но смерть, которая не имеет над собой начальников, уже позвала его к себе.

Тогда Калмыков опять сел на свою машину-ветер и поехал к Туте на кладбище.

— Ты лежишь, Тута, — сказал Бетал, — а я стою, и лицо твое закрыто землей, но пускай оно там, под землей, улыбнется мне. Я сделал все, что ты посоветовал мне. Лежи спокойно, дорогой Тута, — сказал Бетал и запел русскую песню, что пели, когда умер Ленин. Но слова он пел другие. Бетал пел так:

Ты умер, наш инспектор по качеству,
Но сотни глаз смотрят кругом.
Ты умер, наш инспектор по качеству,
Но растет корнями вниз сад твоих сыновей.
Ты умер, наш инспектор по качеству,

Но растет сад твоего сына,
Который от партии смотрит за деревьями.

Так пел Бетал и велел всему селению вырыть тело старого Туты и похоронить его в саду. Когда созрели наши яблоки и груши, сливы и абрикосы, они падали с деревьев прямо на могилу Туты.

Записана в Кабардино-Балкарии со
слов *Кадиса Балтагизова*

Кякш Баяртаев

15 ЛЕТ

Сегодня первый день шестнадцатого года
 С тех пор, как принесли и счастье и свободу
 Забытому калмыцкому народу
 Вожатые страны — большевики.
 Советской матери калмык стал равным сыном.
 Не гнут калмыки пред зайсангом спины.
 Шумят в степи колхозные машины.
 Мы счастливы, свободны и крепки.
 Прошла пора ярма, плетей и стонов.
 Страна родная — счастье миллионов,
 Разбросанных по миру, угнетенных,
 Страна весны, свободы и труда —
 Страна цветет весенними лучами,
 Бойцы проходят крепкими рядами,
 Над городами, над полями, над садами
 Горит пятиконечная звезда.
 Мы шли вперед нелегкими путями.
 И вот она — победа перед нами.
 Сыны республики вздымают выше знамя
 И песнь о партии, о Сталине поют.
 Сейчас в Калмыкии живет народ свободный:
 В степях чабан, ловец в пространствах водных,
 Колхозники на черных землях плодородных
 Крепят колхозный большевистский труд.

Перевел с калмыцкого А. Исбах

ЛЕНИН И АЮ-ДАГ — ВЕЧНЫ, КАК ЭТО МОРЕ

Пять дней бушевало море.
 Пять дней на вспененной воде лежала скользкая муть.
 Пять дней синие барашки-волны разбивали о ноздреватые скалы пенистые лбы.
 Пять дней... На шестой — море стихло и от коричневого берега до бледносинего горизонта покрылось мелкой рябоватой зыбью.
 Шестой день — черный голубь на рассвете в пунцовом клюве принес черную весть:
 В Москве, в Горках, умер Ленин!
 Вновь на вечерней заре залетали сизые буревестники.
 А ночью шторм, раздирая в мелкие щепы рыбацкие ялики, стонал в смертельной тоске: — Умер Ленин!
 В городе на Яйле бушевал буран, заметая в долинах сакли.
 Бушевал и пел похоронную песнь —
 отходную о нем, усопшем.
 Внизу Аю-Даг — белый мертвец в темно-синем гробу;
 море сурово, но в молчании было:
 Так и Ленин застыл и лежит и на ноги встать не может.
 Так и Ленин застыл в сердцах миллионов, как в море.
 Так и Ленин и Аю-Даг — вечны, как это море.

Песня записана в августе 1927 года
 в Крыму, в Бахчисарае, со слов пятидесятилетнего неграмотного старика-садовника Вели Одибаш

ПЕСНЯ

Натянув сапоги, я шагал
К Перекопскому валу навстречу.
Вижу: стоит генерал
В английском зеленом френче.

Вижу: стоит генерал.
Генералу я пулю послал.

Батальон офицерский злой,
Не расстреляешь советы!
Вас сметут коммунисты метлой,
Беднота им поможет в этом.

Беднота им поможет в этом.
Беднота всегда за советы!

Словно дождь, большевистская слава
Прошумела по белому свету
О буденновцах — грозных лавах,
Пролетающих буйным ветром.

Пролетающих буйным ветром,
О джигитах Страны Советов.

Шагом опытного проводника
Все вперед и вперед неустанно
Вождь ведет нас через века,
Не страшась ни пурги, ни дали,
И зовут его кратко — Сталин.

И гремит его имя — Сталин,
Он в работе, как сталь, неустанен!

*Записано в деревне Ай-Василь,
Ялтинского района. Перевел с крым-
ско-татарского Борис Бендик*

РАПОРТ СТАЛИНУ

Идет республика весны,
Зимы деспотию свергает,
Войска морозов сражены
И зелень юная сверкает.

Весны советской нет светлей
И нет долин колхозных краше.
На небосклоне новых дней
Ты — солнце пламенное наше.

В садах весенних, трудовых
Мы — звонко-радостные птицы,
И любо нам в лучах твоих
К вершинам славы возноситься.

Живи и здравствуй, вождь и друг!
О счастья после долгих мук,
О Крыме старом и о новом
Теперь послушай наше слово.

Поносят предков наших зло
За их разбойные набеги.
Татар немало полегло
Для ханской славы, ханской неги.

Телами их был путь мощен
От гор Тавриды до Варшавы.
Владыке золото и жен
Везли дорогой той кровавой.

Но чужеземки не одни, —
Татарских девушек немало

В гаремной гибельной тени
Свой черный жребий проклинали.

Реками кровь лилась в полях,
Пал хан под натиском России.
Сказал народ: «Велик аллах!
Теперь настанут дни другие».

Но не добро тот день сулил,
Не пощадили нас тираны.
В дворец, где старый дьявол жил,
Вселились новые шайтаны.

Сел вместо хана русский царь
Народу нашему на спину,
И зажили рабы, как встарь,
Шепча проклятья господину.

Правитель, богатей, мулла
На части горемык терзали,
А те, домой придя, со зла
И с горя женщин истязали.

Не сыщешь в летописях след
О горестной судьбе татарок,
И ни один не пел поэт
Про нашу молодость и старость.

Когда ж на землю к нам ступил
Певец прославленной России,
Он в нашем прошлом различил
Лишь слез ручьи да кровь Марии.

И был опять грозой военной
Наш край однажды потрясен.
Борцов повел в сражение Ленин —
И Крым от рабства был спасен.

И вот раскинулась по склонам,
Светла, цветуща и юна,

В уборе солнечно-зеленом
Преображенная страна.

Страна, где нет вражды и горя,
Страна, где мир и счастье есть,
Где человек, с природой споря,
В труде, в победе видит честь.

Горит он пылом трудовым,
Назваться первым ищет права,
Гремит недаром в мире слава
Про наш орденосный Крым.

А мы, вчерашние рабыни,
Теперь хозяйки тут всего,
И неразлучны с нами ныне
Машины, книги, мастерство.

Тут сотни героинь-ударниц
Весной выходят на поля.
Табак и виноград янтарный
Дарит им щедрая земля.

И если из Украины дальней
Мария гостьей к нам придет,
Тот день — тобой клянемся, Сталин! —
Как праздник, встретит наш народ.

Где призрак пушкинской Марии?
Где душного гарема ночь?
Лучи победы озарили
Марию — сталинскую дочь.

Мария та в руках у хана
Терпеть училась и рыдать,
Мария эта нас, дехканок,
Стихии учит побеждать.

Марию ту встречали мстью,
Кинжала грозною игрой,

А нам обняться будет честью
С Марией, милою сестрой.

И если ту Марию славят
Фонтан печали, слез фонтан, —
Мария эта нам оставит
Побед и счастья океан.

Сложил стихами Г. Лахути по поручению слета 900 колхозниц-табачководов Ялтинского района. Перевод **Бану**

МАРИЙСКАЯ ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Если бы Кокшага-река
Да снова вернулась,
Если бы Кокшага-река
Да на север побежала,
Если б глаза мои блестели,
Как в семнадцать лет,
Если б розовели щеки мои,
Как спелое яблоко, —
Я бы съездила в город Москву,
Я бы сказала спасибо
Большому человеку —
Товарищу Сталину,
Отдала бы ему в руки
Деревянную киндэ-тэркэ¹,
До краев наполненную
Коман-мельна²,
Я поднесла бы ему
Тонкую полотняную рубашку
И сказала бы ему:
— Дорогой мой друг
И советчик Сталин,
Прими от меня подарки эти.

Пела Осык Марфа, колхоз Увий.

¹ Киндэ-тэркэ — хлебная чаша.

² Коман-мельна — блины.

Петр Эрьке

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СТРАНА СОВЕТОВ

Мы песни пели
Долгие века.
Мы плакали,
И слез текла река.
Проклятья
На тяжелую судьбу
Невольно падали
С потрескавшихся губ
За то, что
Горько нам жилось на земле,
За то, что
Счастья не было мордве,
За то, что с нами грубы были, злы,
За то, что
Осмеяли наш язык,
За то, что
Солнце не светило нам.
Кто видеть мог,
Что не судьбы вина?..
И кто бы мог
Об этом нам сказать,
Когда трахома
Ела нам глаза?
О, мы искали

Выхода из тьмы.
Мы верили
Пророчеству Кузьмы.
И Разин,
И Емелька Пугачев
Любимы нами
Были горячо...
Слепые шли
Мы долгие века.
Мы плакали,
И слез текла река.
Блуждали.
И казалась нам
Не матерью,
А мачехой, земля.
Но хлынула
Октябрьская волна,
И Ленин
Свою руку подал нам.
Глаза открылись.
О, силой скольких солнц
Нам осветило путь
Его лицо!
И первый раз
За много сотен лет
Тогда мы стали
Песни петь земле,
Мы стали славить
Счастье жить на ней
С любовью к Ленину,
К Сталину,
К стране!

ПЕСНЯ КОЛХОЗНИЦ О СТАЛИНЕ

Ой, как много-много света разлилось вокруг!
Ой, как белыми цветами расцветает луг!
Или впрямь не меркнет солнце в темноте ночной?
Или впрямь не стынет солнце белою зимой?
Это светит наше солнце — Сталин наш родной.
Много-много в ярком солнце света и тепла.
Но когда лесной тропинкой к нам придет зима —
Встанет в реках и озерах светлая вода,
Солнце яркое остудят злые холода,
Имя Сталина родного греет нас всегда.
Потому-то ярче солнца наш великий друг,
Потому так много света разлилось вокруг,
Потому земля родная расцвела навек.
Стала женщина с мужчиной равный человек.
Муж мой водит в поле трактор, комбайнерка я,
Мы живем с ним душа в душу, как живут друзья.
Ой, наступит день осенний, самый светлый день,
Муж мне скажет: «На дорогу лучшее одень,
Мы с тобой поедем вместе полем золотым,
Рапорт Сталину родному вместе отдадим».
Я пою, качая сына на своих руках:
«Ты расти, как колосочек в синих васильках,
Сталин — будет первым словом на твоих губах.
Ты поймешь, откуда льется этот яркий свет,
Ты в тетрадке нарисуешь сталинский портрет.
Ой, бела в садочках вишня, — как туман, бела.
Жизнь моя весенней вишней нынче расцвела.
Ой, горит, играет солнце в светлых каплях рос.
Этот свет, тепло и солнце Сталин нам принес.
Ты поймешь, мой ненагляда, что его тепло
Через боры, через горы до тебя дошло».

*Записано в с. Семилей, Кочкуров-
ского района, Куйбышевского края.*

ОСЕТИНСКАЯ ПЕСНЯ

Смертям и раньше не было конца,
Но умер он — и стали льдом сердца.
Его мы хоронили, как отца,
Знамена траурные наклонив.

Дохнет лишь осень — и увял цветок,
Звезде конец, лишь заалел восток;
Всему и всем положен в мире срок,
Но Ленин жив и вечно будет жив!

Мы — пастухи, когда пришла беда,
Свои в горах покинули стада,
Чтобы спуститься к Ленину, туда,
Где он лежал и тих, и молчалив.

Пусть воют ветры среди льдистых скал,
Пусть ночь, пусть путнику грозит обвал, —
Свое нам солнце Ленин завещал,
Его тепла мы чувствуем прилив.

И Сталину он, другу из друзей,
Доверил ключ от жизни нашей всей
И поручил: «Врагов моих рассей,
Будь стражем сел, и выгонов, и нив!»

И там, где высился гробовый тес,
Скорбящий Сталин, в утленьи слез,

К груди вождя свою ладонь поднес,
Железной клятвой нас объединил.

И эта грудь, что обрела покой,
Прикрытая хранительной рукой,
Осталась нам навеки дорогой
Под сенью пальм, и лавров, и олив.

Пусть блекнут звезды, лишь расцвел восток,
Пусть, чуя осень, морщится цветок,
Да, пусть всему положен в мире срок,
Но Ленин жив и вечно будет жив.

Перевел с осетинского М. Тарловский

ПЕСНИ О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ

В сад при клубе мы войдем.
Розы рдеют в нем огнем.
То, что Ленин предсказал,
Ближе, ближе с каждым днём.

В летний полдень горяча
Ласка знойная луча.
Нету правильной дорог,
Чем дорога Ильича.

Ранним утром спит река.
К ней идут издалека.
Только Ленин указал
Верный путь для бедняка.

Ярок на горе костер.
Озарен огнем простор.
Светом Ленин озарил
Глушь густых лесов и гор.

На больших дубах свои
Гнезда вили соловьи.
Ленин, в жизнь превращены
Нами все слова твои.

К ледяной воде ключа
Ива гнется трепеща.

Вьется в небе красный флаг —
Это знамя Ильича.

Красный флаг высоко взмыл,
Всю страну он озарил.
Ленин, наш отец и вождь,
Путь к свободе нам открыл.

Пусть бурлив поток речной, —
Крепок новый мост стальной.
Вслед за Лениным идем
Мы дорогою одной.

Славя солнечный восход,
Соловей поет, поет.
Лишь дорога Ильича
К жизни радостной ведет.

Все добыли мы в бою,
В славном ленинском строю.
Зорче, зорче от врага
Береги страну свою.

Даль светла и горяча.
Поезд мчится грохоча.
Так же быстро мчимся мы
По дороге Ильича.

Выйдет утром раньше всех
На работу дровосек.
Мы тропой Ильича
От нужды ушли навек.

На селе бедняк у нас
Стал зажиточным сейчас.
Только в ленинском пути
Счастье всех племен и рас.

Если умер наш Ильич,
Пусть летит по селам клич:

Будь стальным и бодрым будь,
Труд ударный увеличь!

Вот цветок, сухой на вид,
Чудный запах он струит.
Живо дело Ильича,
Хоть Ильич в гробу лежит.

Пятикрылая звезда —
Символ вольного труда.
Пять материков земли
Помнят Ленина всегда.

Спи, Ильич! Тебя хранит
Гулкий мрамор и гранит.
Слово мудрое твое,
Словно гром, в сердцах гремит.

Громко в зелени ветвей
Свищет песню соловей.
Слово Ленина в сердцах
С каждым днем звучит сильнее

Голубеет наш Урал,
И синее наш Урал.
Сталин нас ведет путем
Тем, что Ленин указал.

Встретим мы в полях весну,
Подымая целину.
Сталин, вождь любимый наш,
К счастью ты ведешь страну.

Над речною быстриной
Мост воздвигли мы стальной.
Вслед за Сталиным идем
Мы к победе всей страной.

Я не раз бывал в бою.
Из винтовки метко бью.

В нужный час с винтовкой я
Встану в сталинском строю.

Мы победно сквозь года
Шли дорогою труда.
Имя Сталина для нас
Светит ярче, чем звезда.

Твердо сталинским путем
К дням зажиточным идем.
По колхозным деревням
Жизнь счастливей с каждым днем.

Богатеет наш Урал,
Расцветает наш Урал.
Сталин нас ведет путем
Тем, что Ленин указал.

Перевел с татарского А. Миних

ЯРЧЕ СОЛНЦА

«Что ярче на свете солнца?
Что выше на свете тучи?
Что глубже на свете моря?»
Так спрашивал внук у деда,
И так отвечал ему дед:
«Счастье ярко, как солнце,
Мечты высоки, как тучи,
Глубок человек, как море, —
Найди мне другой ответ».

А внук засмеялся... «Слово
Твое драгоценно, дед.
Но жду я, мой старый, снова
На пять вопросов ответ».

«Кто дал удмуртам счастье?
Кто дал им силу и славу,
Открыл им ворота к солнцу,
Мечтой окрылил высокой, —
Кто лучший удмуртов друг?...»

«Сталин принес мечту нам,
Сталин принес нам счастье,
Сталин принес нам силу,
Сталин принес нам славу —
Он наш учитель и друг!

Он ярче солнца в июне,
Он выше июльской тучи,
Яснее летнего дня,
Сталин — орел могучий —
Ведет нас вперед, к Коммуне,
И пусть он слышит меня.

Да светит над миром Сталин,
Как солнце,
Как песня,
Как знамя!
Всегда и повсюду с нами
Сиянье его огня!»

Перевел с удмуртского **А. Алдан.**
Записано в Балезинском районе
Удмуртской АССР.

ЦВЕТИ, РЕСПУБЛИКА!

Страна чеченцев, ингушей,
Одежды праздничные шей:
У всех нас радость на душе,
Ту радость дал нам Сталин.
Вершины наших снежных гор,
Колхозных пажитей простор,
Советских горцев гордый взор —
Тебя все славят, Сталин.
Жизнь наша — алый полный цвет.
Живи, любимый, много лет,
Оставим внукам мы завет —
Петь о тебе, наш Сталин.
Ты — друг, товарищ и отец.
Ты — сердце всех людских сердец.
Живи на радость нам, творец
Законов наших, Сталин.
Советский мирный мы народ,
Но если враг войну начнет —
Мы на врага пойдем вперед,
Как ты нас учишь, Сталин.
По большевистскому пути
Легко и радостно идти.
Цвети ж, республика, цвети:
Тебе дал счастье Сталин.

Народн. песня, записан. в ауле Урус-Мартан.

ОРЕЛ И БЕДНЫЙ ЧУВАШ ЭНДРИ

(Народная чувашская сказка)

Жили в одной деревне старик со старухой. Было у них три сына. Жили очень бедно.

Видит старик — придется всей семьей голодной смертью умирать. Что делать?

Слышал старик, когда еще был молодым, чудную сказку, — будто делили когда-то счастье между людьми. Не попало счастье первому чувашу, от которого чувашский народ пошел, потому что опоздал он — лапти одевал.

И решил старик послать своих трех сыновей по трем дорогам искать счастья.

Самого младшего сына звали Эндри.

Шел он, шел по дороге, дошел до места, где дорога на две делится. Столб стоит, а на столбе надпись: «Вправо пойдешь — к медведю попадешь, влево пойдешь — орла встретишь».

Долго думал Эндри, по какой дороге пойти. Решил идти по левой.

На второй день пути дошел он до опушки леса, увидел сияющее солнце, а на солнце орел сидит.

— Куда идешь, Эндри? — спросил его орел.

— Иду вот счастье искать, не стало сил больше в нужде-голоде ходить.

Подозвал орел к себе Эндри и говорит ему:

— Счастье на дороге не валяется, его суметь взять

надо. Вот возьми эту дубину и иди обратно. Встретится тебе по дороге медведь. Ударь этого медведя дубиной, распори ему живот, и выпадет оттуда золотая коробочка. Сумеешь ее открыть — найдешь счастье.

Послушался Эндри орла, убил он медведя, достал коробочку, открыл ее, и выскочили оттуда свинья и овца.

Идет Эндри домой, радуется: нашел свое счастье. Пожил Эндри в деревне немного — видит: хоть жить и легче стало, а до счастья — ух, как далеко!

Решил он снова пойти искать счастья. Встретил он снова орла, а тот его спрашивает:

— Куда опять идешь, друг Эндри?

Тот все по порядку ему рассказал.

— Ладно, — говорит орел, — вот тебе дубинка, пойдди обратно, встретишь волка. Убей его, распори ему живот, выпадет к твоим ногам коробочка. Откроешь коробочку — найдешь свое счастье.

Так все и сделал Эндри, как сказал ему орел. Открыл он коробочку, и выскочили оттуда корова и конь.

«Вот оно, наконец, счастье», — подумал Эндри и побежал домой.

Пожил он немного в деревне — видит: жизнь куда легче стала, а все же до счастья далеко. Решил он снова пойти искать счастья. Встретил он орла и рассказал ему, как все же трудно живется.

— Ладно, — говорит орел. — Вернись обратно, встретишь лису. Убей ее, и на месте, где ее уничтожишь, найдешь свое счастье.

Так и сделал Эндри. У самой своей деревни встретил он лису, убил ее, смотрит на свою деревню и не узнает ее: вместо знакомой деревни — новая, дивная деревня, с хорошими постройками, с амбарами, полными зерна, с конюшнями и коровниками, полными скота, а на главном здании этой деревни написано звучное слово — «колхоз».

Так бедный чуваш Эндри, убив медведя — царя, волка — помещика и лису — кулака, нашел, наконец, свое счастье.

А имя орла, который показал дорогу бедному чувашу, — Сталин.

ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ

(Из письма ойротского народа)

Нет! Родины нашей бескрайные шири,
Закон, что написан твоею рукой,
Твою Конституцию — лучшую в мире —
Никто не отнимет, нет силы такой!

Счастливая жизнь и прекрасное время!
Ах, жить бы нам сотни и тысячи лет!..
Сегодня, в день Съезда, с народами всеми
Мы шлем тебе, вождь наш,

горячий привет!

Живи же, любимый наш, долгие годы!
Ты — горной вершиной у всех на виду,
Учитель, маяк зарубежным народам,
Великий садовник в прекрасном саду
Советских республик...

Ты — призыв и знамя

Для всех угнетенных планеты большой.
Восстанут и там наши братья! За нами
Пойдут на тиранов в решительный бой!
Наш стяг победит!

И в устах поколений —
Счастливых, свободных —

в грядущих веках
Звучать будут вечно два имени: **Ленин**
И **Сталин** повсюду, на всех языках.

За радостный труд, бытие золотое,

Добытое в жаркой, упорной борьбе,
За солнце познания — спасибо большое
Правительству,

партии нашей,
тебе!

В тебе все надежды великой планеты..
Веди же вперед нас, как вел и ведешь!
Здоров будь,

на радость трудящимся света,
Отец наш, учитель, наш друг и наш вождь!

Теучеш Цуг
Народный певец

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Родина
Счастьем, как небом, покрыта,
И Сталин, как солнце,
Сияет для нас.

Он нашу нужду и мечту понимает,
Когда тебе трудно,
Он даст совет.
Он в битву ведет,
И в труде помогает,
И мыслью своей озаряет свет.

Слово вождя
Освещает дали.
Оно пролетает огнем по горам.
Пусть вечно живет
Драгоценный Сталин
На радость друзьям
И на страх врагам!

Измаил Семенов
Народный поэт

СТАЛИНУ СЛАВА, ПАРТИИ СЛАВА!

(Карачаевская народная песня)

Великому Сталину шлю я привет!
Как знамя, он ленинский держит завет.
Да здравствует партия большевиков!
Она с наших ног сбила бремя оков.
Великому Сталину шлю я привет!
С именем «Сталин» познали мы свет.
Да здравствует партия наша в веках!
Мы с нею почуяли силу в руках.
Великому Сталину шлю я привет!
Он бедных избавил от горя и бед.
Да здравствует партия!

С ней мы пришли
К расцвету и юности нашей земли.
Великому Сталину шлю я привет!
В сердцах наших сгинул уныния след.
Да здравствует партия!

Наша страна,
Как улей медовый, весельем полна.
Великому Сталину шлю я привет!
Он к счастью ведет нас путями побед.
Да здравствуют партии нашей ряды!
В колхозах шумят золотые сады.

Могучему Сталину шлем мы привет!
И жизни желаем на множество лет.
Да здравствует партии стяг боевой
На суше, на море, над всею землей!

Литературная обработка Эффе́нди Капиева

В. Сосюра

СКВОЗЬ ГОДА И ВЕТЕР

— Сквозь года и ветер всходит над веками
Дальнее сиянье первых Октябрей.
И в огнях и зорях тот, кто вечно с нами,
Кто пути наметил армии своей.

И шумят знамена, и знамена эти
Сквозь года и ветер вторят дальним дням.
Ленин смотрит, Ленин, сквозь года и ветер,
И его улыбка так знакома нам.

Перевел с украинского Ник. Ушаков

СОКОЛЫ

(Украинская песня)

На дубу зеленом,
Да над тем простором,
Два сокола ясных
Вели разговоры.

А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин.

Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин,
А кругом летали
Соколята стаей.

Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался:

«Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться,
Все труды-заботы
На тебя ложатся».

А другой ответил:
«Позабудь тревоги,
Мы тебе клянемся:
Не свернем с дороги».

И сдержал он клятву,
Клятву боевую:
Сделал он счастливой
Всю страну родную.

Записана на заводе «Ленинская кузница» в Киеве. Перевел М. Исаковский

М. Рыльский

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Взмыл орлом от гор высоких
Сизокрылый великан...
Крыл не сложит он широких,
Их не сломит ураган.
Тянет солнце нас к вершинам,
Не робеем мы ничуть...
Лётом солнечным, орлиным
Вождь указывает путь.
Будь прославлена певцами,
Мать-отчизна, в этот час!
Слово Сталина меж нами,
Воля Сталина средь нас!
Нам покорны стали воды,
В ноги нам легли поля,
Создаются заводы,
Обновляется земля.
В нашей армии единой
Большевистский дух живет.
Мыслью сталинской, орлиной
Мудрый вождь нас всех ведет.
Ярко-красными огнями
Нам сияет новый час...
Слово Сталина меж нами,
Воля Сталина средь нас.

Перевел с украинского *Марк Тарловский*

В. Сосюра

ТЫ НАС ВЕДЕШЬ

То имя — как трубы призывной звук,
В борьбе за свет всегда ты перед нами.
Тебя до звезд вознесли миллионы рук,
Чтоб ты сиял, как знамя, над веками.

Ты нас ведешь на всех земных путях
Огнем идей и воли непреклонной.
Великий воин! Ты рожден в боях,
Ты вождь и брат наш смуглый и бессонный.

Ты нас ведешь, как вел уже давно,
Коммуны светом покоряя дали.
Когда б сердца миллионов слить в одно,
Твое родное сердце было б, Сталин!

В тебе весны дыхание. С тобой
Мы все, как юноши, готовы к бою.
Тебе отчизна шлет свою любовь
От всех сердец, наполненных тобою.

Все города, и села, и поля,
И даль степей — в безоблачной лазури, —
То сделал ты и партия твоя,
И все мы, все рожденные для бури.

И не напрасно, нет, боями край гремел,
Прошли года сурового ненастья,
Прими от всех, цветущих славой дел,
Народа песнь, как знак большого счастья.

Прими ее в грозовый этот час,
Чтоб за тобой она вела знамена.
В грядущий светлый день зовешь ты нас,
Веков маяк и слава миллионов.

Перевел с украинского *Николай Браун*

НИКОГДА ТАК НЕ БЫЛО

(Украинская песня)

Никогда так не было
В поле зеленó.
Небывалой радостью
Всё село полно.

Никогда нам не была
Жизнь так весела.
Никогда досель у нас
Рожь так не цвела.

По-иному светит нам
Солнце на земле:
Знать, оно у Сталина
Побыло в Кремле.

Парни есть и девушки
Не в одном селе,
Те, что речи Сталина
Слышали в Кремле.

Не вмещает вод столькох
Ширь Днепра сама,
Сколько есть у Сталина
Светлого ума.

В небе столько звездочек
Нету в синеве,
Сколько дум у Сталина
В светлой голове.

Как вкруг дуба молоди
Не видать конца,

Так и мы вокруг Сталина —
Дети вокруг отца.

Как полотнам парусным
Ветер мощь дает,
Так и к нам от Сталина
Сила-мощь идет.

Как плотина в паводок
Борется с волной,
Так и мы за Сталина
Станем все стеной!

*Записано в Ичнянском районе, Чер-
ниговской области.*

Мыкола Бажан

ЗНАМЯ, И СОЛНЦЕ, И ВЕТЕР

Каштан — как зеленая башня;
 мерцает узор на каштане.
Скользят облака над рекою,
 и тени качаются барж.
Над зеркалом площади ясной,
 где розы цветут, не устанет
Греметь полыхающей медью
 в сердца ударяющий марш.

Огромны цветы, словно солнце,
 знамена просторны, как ветер.
И светлые грозы оркестра,
 и песни рабочих капелл!
Мы подняли город, как чашу
 напевов и яблонь в расцвете.
Сады раскрываем мы настужь
 для всех, кто молод и смел.
Ведь Киев нам отдан навеки,
 и счастливы улицы эти, —
Ведь замечательным людям
 Киев назначен в удел.

Как нынче деревья бушуют,
 как веет кумач на трибуне, —
Так эскадры летели
 и сабли их были шумны.
Как орден, торжественно-просто
 возносится солнце июня,
В почетном стоят карауле
 лучи на равнинах войны.
Скользят над равнинами Сквыры,
 где фронт был размыт, словно гребля,

Где земли гремели прибоем
о семьдесят тысяч копыт,
Где шляхтич спасался в колосьях,
хватаясь за тонкие стебли,
Где Ворошилов над картой,
где враг отражен и разбит.

Как знамя, склоняется солнце
над братской зеленой могилой,
Над Ржищевым на высотах,
над залитым светом Днепром.
Над Кременчугом, где когда-то
о новых боях возвестило
И в вечность вписало сраженья
недрогнувшее перо.

Шесть букв — в этой подписи мудрой,
«3 июня», и номер.
Победоносная дата,
дыханием славы цвети!
В серой шинели товарищ
пути начертал на Житомир,
Чтоб, линию фронта разрезав,
к радости людям притти.
Товарищ встает, подписавшись,
и подпись прочитана: С т а л и н.
И слово в строках телеграммы
решеньем эпохи легло.
Врывается гром эскадронов
в Бердичев, и в Фастов, и в Малин.
Орел на малиновом стяге,
седея, ломает крыло.
И Киев, свободный наш Киев,
встает из кровавых проталин.
Товарищ поднялся. И солнце
его увенчало чело.

Плакаты, сердца и знамена
несут его слово и образ,

И Майка моя приколола
к груди любимый портрет.
И это лицо с улыбкой,
с усмешкой тихой и доброй
Взлетает на крыльях штандартов,
которыми город согрет.

Товарищ поднялся. Он смотрит
в грядущее пристальным взглядом.
Он мир созерцает. Как прежде,
как три пятилетия назад.
Глядит он с полотнищ плакатов,
следит он за гордым парадом,
Он смотрит с плакатов на Киев,
и город — как сердца каскад.

Под крики трубы, что ликует,
под звон площадей спозаранку
Знамена по улицам реют,
простые, как доблесть и честь.
Раскрыв броневые заслоны,
танкист появился над танком
И флаги встречает, ответив
воспоминаниям: «Есть».

Перевел с украинского Н. Ушаков

НАША ЗЕМЛЯ

Ранним утром в поле
Выйду не спеша,
На пшеницу гляну, —
Ой, как хороша!

Это ж та пшеница,
Что я высевал,
Это ж та земляца,
Где пан катовал!

Где нагайкой били
Бедноту внахлест, —
Там теперь пшеницу
Сеет наш колхоз!

Ой, пришла, настала
Светлая пора:
В нашем поле ходят
Наши трактора!

Вся земля покрыта
Золотом литым,
И конца не видно
Волнам золотым!

Отдали нам землю
Да на все века.
Враг протянет руку —
Отлетит рука!

Много силы, мощи
В молодой стране:
Мы в воде не тонем,
Не горим в огне.

Что ни год — растем мы,
Делаясь сильней,
Потому, что стало
Жить нам веселей.

Мы крепки, как скалы,
Нас нельзя сломить,
Потому, что Сталин
Научил нас жить!

Дал он в руки счастье,
Вывел нас на свет...
Твое имя, Сталин,
Знамя всех побед!

Мы его поднимем
Надо всей землей,
Мы свое спасибо
Шлем тебе, родной!

На земле советской
Радостно живем!
Твое имя, Сталин,
С гордостью несем!

*Записано со слов колхозников в
селе В. Рогачик, Бол.-Лепетихского
района, Днепропетровской области.*

ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ

(Из письма белорусского народа)

Родимая партия волей едина.
А знамя у ней — это Ленин и ты!
И наша болотно-лесная краина
Сегодня чудесной полна красоты.

Мы дружбу народов лелеем и холим
Советским единством борьбы и труда.
Клянемся: нарушить ее не позволим
Ни в чем и ничем! Никому! Никогда!

Давно эту дружбу в подпольи глубоком
И Ленин и ты создавали в бою,
Отчетливо видя прозорливым оком
Советских республик большую семью.

Сквозь рабство и тюрьмы, сквозь битвы и бури
Нашла эта дружба свой радостный час —
И от Негорелого до Амура
Спаяла великая родина нас.

Сражен был Котельников пулей убийцы...
Но выстрела грохот еще не затих.

Как выехал к солкам восточной границы
С границ Беларуси Георгий Черных.

Мы к битве готовы, и бой нам не страшен.
Мы каждый вершок от врагов отстоим!..
Выходит навстречу нам родина наша
С великим и щедрым богатством своим.

Она оделяет работой и славой.
Она — это мощный советский народ,
Она нам вручила бессмертное право
На радость, на труд, на размах, на полет.

Над старой землею, окованной горем,
Огни большевистских идей расцвели
И светят низинам, приморьям и взгорьям,
Как новое солнце счастливой земли.

Ты, мудрый учитель, среди гениев гений!
Ты солнце рабочих! Ты солнце крестьян!
Твоя Конституция — стяг поколений,
Надежда и свет угнетенных всех стран.

Твой образ, как призыв, встает над землею.
Зовет он весь мир к большевистской борьбе.
Мы все у Кремля нашим сердцем с тобою,
И лучшая песня у нас — о тебе.

Ты солнце для нас, что весь мир осветило,
Ты слава и гордость семьи трудовой,
Ты рек полноводных могучая сила,
Прозрачность криницы, — наш вожь дорогой!

Сквозь три революции, битвы, восстанья
Ты с Лениным рядом водил нас на бой.
Ты наших садов и полей красованье,
Ты песня победы, — наш вожь дорогой!

Тебе — наша радость, любовь и отвага,
Все силы, все сердце громады людской.

Веди нас, любимый, под ленинским стягом!
Ты жизнь для народов, — наш вождь дорогой!

Работникам родины счастья и света,
Правительству, Партии нашей родной
За ширь, за величье людского расцвета
Спасибо, спасибо, — наш вождь дорогой!

Высоко подняв боевые знамена,
Свою благодарность, любовь и почет,
Как дар человеческий, как леснь миллионов,
Приносит тебе белорусский народ.

*Письмо подписали два миллиона
трудящихся советской Белоруссии.*

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

(Народная белорусская сказка)

Жили в деревне два брата. Поле они пахали, землю слезами поливали и горбы себе наживали. Хлеб и скотину у них паны забирали, а платили за это кулаками в спину.

Жили братья не год и не два, а неизвестно сколько. Вокруг и другие мужики так же жили.

Надоело братьям работать на чужое здоровье. Решили они отправиться по России-матушке правды искать.

Идут они месяц, идут они год. Видят — стоит большое село. Посреди — панский дом и церковь каменная.

«Дай, — думают братья, — зайдем сюда и спросим правды».

Идут они по деревне, а навстречу им пан в коляске едет.

— Чьи вы, мужички, откуда идете и чего ищете? — спросил их пан.

Братья отвечают ему:

— Жили мы, жили в нищете, в горе, больше сил не хватило так жить. Идем правды искать. Научи нас, пане, где ее найти.

— Хорошо, — говорит пан, — покажу я вам правду, если пожелаете, только вы мне поработайте за это.

Согласились братья.

Работали они, работали: поле пахали, землю слезами поливали. Прошел год. Приходят они к пану и говорят:

— Научи сейчас, пане, как нам правду найти.

— Ну, вот вам и правда, — отвечает им пан, — голь немытая, работать вам всегда на нас, панов.

Плюнули братья и пошли дальше.

Идут они месяц, идут год. Видят — стоит поп.

— Научи, отец. Где правду найти? — спрашивают они.

— Хорошо, — говорит он, — я вам правду у царя небесного вымолю, а вы у меня поработайте за это.

Согласились братья. Работали они, работали, слезами землю поливали. Прошел год. Пришли братья к попу, а он им говорит:

— Работайте вы хорошо и не гневите бога, — вот и ваша правда.

Плюнули братья и пошли дальше.

Приходят они к купцу. Вышел он полный и богаче пана и попа.

— Хорошо, — говорит купец, — научу я вас правде, только поработайте на меня.

Согласились братья. Стали братья работать и горбы наживать. Учил их купец, как честный народ обманывать и бедноту обмеривать. Не дождались и года, как младший брат и говорит:

— Не пойду я больше правды искать: нет ее на свете, правды мужицкой.

И вернулся он в свою деревню. А старший брат настоящий — не хотел он без правды домой возвращаться. Пошел он один к фабриканту.

Фабрикант и за пана, и за попа, и за купца богаче. Начал старший брат работать у него. А на фабрике много людей работает.

Работали они много лет. Горбы наживали, а правды не видели. Только раз услышал брат на смене тихую беседу.

— Есть человек один — он и правду знает. Зовут этого человека Лениным, а живет он на севере, в Питере.

Запомнил брат имя это и пошел искать этого человека.

Шел много дней, а может быть и месяцев. Пришел в Питер. Видит — идет рабочий. Он его спросил тихонько:

— Где здесь Ленина найти?

А тот ему еще тише:

— Пойдем со мной, я тебя доведу.

Вот и пришли они в обыкновенную комнату. Кругом

разных книг много. Вышел к ним человек, одет не богато, но чисто. Он и говорит:

— Здравствуйте, товарищи, что скажете хорошего?

Рассказал ему брат, как он правду искал. Долго с ним говорил Ленин, о порядках на фабрике расспрашивал, о деревенской бедноте, а потом сказал:

— Правильно ты сделал: на фабрике правду ты лучше узнаешь. Вы ее там в руках держите.

И рассказал Ленин брату, как надо за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни панам, ни купцам, ни фабрикантам, и как выгнать их вместе с царем.

Вернулся брат обратно на фабрику и начал другим ленинскую правду тайными словами рассказывать. Один рассказывает, а десять слушают, десять рассказывают — сто слушают. И пошла ленинская правда по всему свету.

Много лет ходила она по фабрикам и деревням. Поднимала она рабочих и крестьян на борьбу. А в Октябре 1917 года объявилась эта правда громким голосом, залпами на весь мир. Пошли рабочие и крестьяне беспощадной войной на помещиков и фабрикантов. А вел их тогда сам Ленин со своим лучшим помощником Сталиным. И взяла верх в Октябре ленинская правда.

С тех пор рабочие и крестьяне больше не работают на панов и фабрикантов, горбов не наживают, землю слезами не поливают, сами хозяева своих фабрик, своей земли и своей жизни.

Записано в деревне Заломное, Жлобинского района, БССР

Янка Купала

ТЕБЕ, НАШ УЧИТЕЛЬ

...И пусть никогда тебя грусть не тревожит, —
Восходит ли солнце, иль ночь настает.

(Из письма белорусского народа великому Сталину)

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заране,
Что стану я вольным, что стану счастливым?

Кто мог бы поверить, что нынче я буду,
Как птица, как ветер над нивой богатой,
И жечь, и дивиться великому чуду,
Которое ходит сегодня по хатам?

Что ты, наш учитель, как ясное солнце,
Глаза мне откроешь на землю, на небо...
Свети ж, мое солнце, сияй мне в оконце,
Тебя я встречаю и солью и хлебом.

Выходят стальные плуги
Пахать молодые поля.
Ни пана нигде, ни слуги, —
Свободною стала земля.

И в землю ложится зерно
Под радостным светом зари.
И, голод забывши давно,
Уходят в луга косари.

Мелькают в колосьях серпы,
И — есть подивиться чему —
Увесисто, грузно снопы
Ложатся один к одному.

А песня звенит и звенит
И вторит серпу и косе.
Сверкает вода у криниц,
Купается солнце в росе.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает,
О радости песнь запевай,
Родной белорусский народ!

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заране,
Что буду я вольным, что буду счастливым?

Былое прошло, пронеслось, миновало.
А было одно — темнота и тревога.
И черная свора народ истязала,
И кривда бродила по нашим дорогам.

Туман застилал нам и души и очи,
И люди сгибали усталые плечи.
Казалось, не будет конца этой ночи,
Казалось, что нету путей человеческих.

Пришел ты, учитель и друг,
Растаяла темень и мгла.
И радостно стало вокруг,
И слава о счастье пошла

И родина встала моя,
Своими делами горда.
Недоля, как злая змея,
Убита теперь навсегда.

И сломан неволи замок,
И выброшен тягостный груз.
Нарядный весенний венок
Одела моя Беларусь.

Она нарядилась в шелка,
В атлас нарядилась она,
Дорога ее широка,
И жизнь, словно чаша, полна.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает.
О радости песнь запевай,
Родной белорусский народ!

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы!
Кому это снилось, кто знать мог заранее,
Что буду я вольным, что буду счастливым,

Что славное время такое настанет,
И сменит весна бесконечные зимы,
Что смело поднимется, к солнцу воспрянет
Родная Республика — край мой любимый?

Я вижу повсюду — на фабриках, в селах,
Как радость идет по дороге раздольной.
И слышу раскаты я песен веселых,
И сердце мое подпевает невольно.

Под молотом искрится сталь,
Все двери распахнуты в жизнь.
Бесстрашные соколы — вдаль,
Бесстрашные соколы — ввысь.

Плывут по морям корабли,
Плывут между рифов и скал.
И реки иначе легли,
И лег за каналом канал.

Где пустошь веками была —
Заводов стоят корпуса.
Насквозь, как стальная стрела,
Чугунка пронзила леса.

Огни золотые горят, —
Ни ветер не страшен, ни мгла.
То светят, не зная преград,
Твои, наш учитель, дела.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает.
О Сталине песнь запевай,
Родной белорусский народ.

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы.
Кому это снилось, кто знать мог заранее,
Что буду я вольным, что буду счастливым?

Твоей Конституции мудрое слово
Услышано всюду и всеми на свете.
Оно с обездоленных снимет оковы,
Сотрет казематы на целой планете.

На все времена и для всех поколений
Закон твой звездой путеводною будет,
Звездой желаний, звездой стремлений,
Звездой, дающей уверенность людям.

Настанет счастливейший век,
И все будут радостно жить.
Не будет тогда человек
Другого терзать и душить.

Не станет на свете границ, —
Их люди успеют стереть.
И пушки из мрачных бойниц
Не будут выбрасывать смерть.

В далекой иль близкой стране
Не сможет кровавая рать
Народ убивать на войне,
Костями поля засеять.

Весь мир зашагает вперед
Под радостным стягом труда.
До самых счастливых высот
Поднимутся люди тогда.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает.
О Сталине песнь запевай,
Родной белорусский народ.

Тебе, наш учитель, мои все желанья
И песни, и думы, и сердца порывы.
Кому это снилось, кто знать мог заране,
Что буду я вольным, что буду счастливым?

Ты делаешь явью мечты миллионов,
Людей ты избавил от бед и страданья,
Чудесным посевом засеял загоны,
И жизнь превратилась в легенду, в сказанье.

На небе заря разгорается краше,
В полях колосится пшеница и жито..
Тебе, наш учитель, все помыслы наши,
Тебе наше жаркое сердце открыто.

Из ближних и дальних мест
Съезжаются люди страны
На свой чрезвычайный съезд,
На праздник великой весны.

Они навсегда укрепят
Счастливых народов семью,
Они навсегда утвердят
И долю и правду свою.

Под радостный шелест знамен
Войдут они в залы Кремля.
И руку за мудрый закон
Поднимет вся наша земля.

И слава о нем обойдет
Весь мир без дорог и путей
И новую силу волеет
В сердца угнетенных людей.

Цвети ж, наливайся, мой край, —
Уходит ли день иль встает.
О Сталине песнь запевай,
Счастливый советский народ.

Перевел с белорусского М. Исаковский

Якуб Колас

ВОЖДЮ НАРОДОВ

Мы из тьмы жестокой
Вышли на свободу,
На широкий шлях,
Сокол яснокий,
Гений всех народов,
Сталин — ты наш стяг!
Шли года — столетья
В горе да в напасти,
Счастья мир не знал.
Ты нашел, приметил
Путь-дорогу к счастью,
Счастье в руки дал.
И любуюсь новью,
С радостью поэта
Я гляжу вперед.
Окружен любовью,
Ласкою согретый,
Ты ведешь народ.
Пред тобою тают
Ледяные горы
И молчит прибой.
Песня молодая
Над землей и морем
Ходит за тобой.
Пусть на нас фашисты
Точат злые зубы,
Поднимая вой, —
Мы не устрасимся:
Ты ведь с нами, любый,
Мудрый рулевой!

Перевел с белорусского М. Исаковский

ОН ВИДЕЛ НА ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ ВПЕРЕД...

(Азербайджанская народная песня)

Раз в сто лет родится великий человек,
И он, словно большая гора, виден всему миру;
Но такого большого человека, как Ленин, мир еще не
видел.

Были великие люди у разных народов...
Он же — велик для всего человечества.
Его любит и знает каждый, кто трудится и не угнетает
других.

Когда он родился, весь мир увидел его,
Как солнце, поднимающееся с горизонта.
Он знал, что нужно для счастья
Каждого народа и как направить жизнь.
Он не забыл даже о самом жалком бедняке и амбале.
Он видел на тысячелетия вперед.
Он направил нас на новую жизненную дорогу к лучше-
му будущему.

Поэтому, когда он умирал, все люди узнали об этом, так
как птицы перестали петь и солнце затмилось.
Его имя будет звенеть в песнях наших на протяжении
тысячелетий...

Самед Вургун

СТАЛИНУ

От звезд, проплывающих над Баку,
От женщин, не знавших чадры на веку,
От крыл журавлей, что звенят наверху,
И песен, что множат струну на строку,
Где солнце Восточных ворот на-чеку,
Где дни, словно спелые дыни в соку,
Где чувству свободно и языку,
От сердца любимой — щекой о щеку, —
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Цветами цветут наши годы и дни,
Ширвану, Мугани и Милю сродни,
В долинах и горах пунцовая рань.
Пахнет апельсинным цветком Ленкорань,
Нуха расцветила шелками дворы,
Чернеют каймою кубинцев ковры,
Под камнем дорожным сверкает гуда,
Роднится с тобою величье труда.
И движется рядом — щекой о щеку —
С рабочей Москвою рабочий Баку.
Ведь наши — и воздух, и жизнь, и земля.
Ворота Востока — ворота Кремля.
Ведь к солнцу наметил наш путь караван,
И солнечный луч нам водителем дан.

От тех, кому лица забронзовил свет,
От солнца, от сердца, от силы — привет!
О сталинском имени — всюду молва.
Но это не славы обычной слова:
Оно вызывает великую страсть,
И страсти той имя — народная власть.

Перевел с тюркского Н. Асеев

Усеин Бозалганды

Ашуг из Тауза

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

От холодных дождей и вьюг
К морю, к солнцу, на теплый юг
Устремляются птичьи стаи.

Так к улыбке вождя, отца,
Миллионы стремят сердца,
Наш любимый и мудрый

Сталин.

Ты отважнее, чем орел,
Ты народ за собой повел
Сквозь туманы и грозы,

Сталин.

Вся страна превратилась в сад,
Расцветает в ней стар и млад.
Кто растил этот дивный сад?
Садовод-большевик

Сталин.

Слышишь сердца большого стук?
То бурильщик, рыбак, пастух,
То боец на своем посту
Славят гордое имя —

Сталин.

Видишь лес миллионов рук?
Это летчик, шахтер, ашуг
В неприступный сплотились круг,
Охраняя тебя,

Сталин.

Перевели с тюркского М. Василенко,
С. Иванова, И. Оратовский

С. Нуриева

**
*

Видишь, товарищ Сталин,
брызги звезд голубых?
Выше созвездий этих
слава идей твоих.
Слово твое разбило
душный гаремный плен,
Вместо чадры тюрчанка
носит пилота шлем.
Вместо адата в сердце
имя твое ношу.
В тучах теперь летаю,
даже стихи пишу.
Вождь, ты помог тюрчанке,
мне ли теперь тужить?
Режет пропеллер воздух,
хочется петь и жить.

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Кто рабской жизни цепь порвал
И новый путь нам указал,
Горянке свет, свободу дал —

Сталин!

Кто батальоны вел на бой,
Чтоб не вернулся царь-злодей,
Прогнал из гор всех палачей —

Сталин!

Кто ханов, мулл и всех врагов
Народу победить помог,
Колхозной жизни дал устав —

Сталин!

Кто корабля большого рулевой
И друг, и брат, отец родной
Народам всей земли большой —

Сталин!

Чье имя — солнце впереди
На нашем радостном пути,
Родней кто всех у нас в груди —

Сталин!

Мы песни радости поем,
Свет увидавши, мы идем
Тобой указанным путем —

Сталин!

Сердца любовью в нас горят
К тебе, могучий человек,
С высоких гор тебе привет —

Сталин!

Записал и перевел с тюркского А. Годник

Но оставался
 среди нас,
Как равный
 с равными —
 соратник.

Перевел с грузинского В. Бугаевский

Алио Машашвили

ЛЕНИН В НАШЕЙ БОРЬБЕ

Вспоминая тебя, вспоминает бои
Закаленный в сраженьях поэт...
Мне отрадны усмешка и взоры твои,
Как бесстрашный и строгий декрет.

Навсегда ты останешься нашим главой,
Нам сияет твой взор издали.
И могучий твой череп похож на крутой
Титанический глобус земли.

Ты в селенья кидал свой призыв, в города, —
И вставал за заводом завод.
И, спеша за тобою, мы знали всегда:
Грудь вождя — для врагов эшафот.

Снова грозен прибой большевистской волны,
Пролетарии — морю сродни.
И глаза их звездятся, отваги полны,
И вольны, как Октябрьские дни.

Сколько жизни в глазах непокорных бойцов!
Как бушует их яростный гнев!
И взвивается стяг, окрылен и пунцов,
Знаменосцев зарею одеv..

Как страна пролетарская, необозрим,
Ты народом могучим рожден,
И, шумя, протекают по венам твоим
Полноводная Волга и Дон.

Говорим мы на разных земных языках,
Коммунары хребтов и полей,

Но идем за тобою, и в наших зрачках —
Отражение славы твоей.

Ты с врагами бороться всегда был готов
И учил нас свободу беречь.
И обильными зернами русских хлебов
В наше сердце легла твоя речь.

Ты грозой гремел, боевой капитан,
Ни тоски, ни бессилья не знал.
И умелой рукой, проходя океан,
Ты держал коммунизма штурвал!

Снова Азия с Африкой вместе идут,
Вновь послышался грохот пальбы.
И от края до края на белый редут,
Негодую, стремятся рабы.

Большевистским рядам поражений не знать!
Массы двинув в последний поход,
Обходя и хребты и равнинную гладь,
Имя Ленина массы ведет.

И, припомнив твой взор, вспоминает бои
Закаленный в сраженьях поэт.
И, как прежде, отрадны мне взоры твои,
Как бесстрашный и строгий декрет.

И живешь ты, как жил, боевой капитан,
И, как компас, ведешь за собой...
Это будет, Ильич, мировой ураган,
Это будет решительный бой!

Перевел с грузинского **Б. Брик**

Г. Леонидзе

СТАЛИНУ

Родине Сталина грани не знаю,
Не обвести рубежами ее;
Небо лазурное, правда земная,
Дно океана — все это твое.

Словно орел, воспаривший к светилу,
Глазом вбираешь ты весь окоём,
Пристальным взором даруешь нам силу;
Сердце народное — в сердце твоём.

Солнцу подобен, по тверди и водам
Мудрость свою ты разлил навсегда.
Гнезда навеки вернул ты народам,
Выпавшим встать из родного гнезда.

Солнце — твой брат, и, бывшая рабыня,
Наша республика рвется к нему.
Что неприступным останется ныне?
Мужеству что не сдалось твоему?

Миру гремит, как из огненной кущи
Бурей разносится имя твое.
Меч охраняет нас остросекущий,
Мирное мы обрели бытие.

Девятивратно и девятикрыло,
Ты не померкнешь вовеки, светило¹.

Перевел с грузинского **Б. Брик**

¹ Народный образ; в грузинском эпосе солнце имеет девять врат и девять крыл.

К. Чичинадзе

КАВКАЗ — СТАЛИН

Стоит, небеса подпирая
Зеркальным щитом ледников,
И розы цветущего края
Хранит от полярных ветров.

Раскинуты в стороны, сосны
Крутой обрамляют карниз,
А тучи, и хмуры и грозны,
Свисают с чела его вниз.

В ущельях прилег, беспределен,
Скалистых сынов легион,
И, сжатый зубами расселин,
Как трубка изогнут Рион.

Лавины нависли угрюмо,
Метелицы слышится вой,
Но неба лазурная дума
Светла над его головой.

И взоры его кругосветны,
И, чувствуя пристальность их,
Умолкнули кратеры Этны
И сам Фузи-Яма притих.

Крылами свободно разрезав
Тумана глубокую муть,
К вершинам далеких Вогезов
Орлы его держат свой путь.

На юге виднеется Конго,
Река человеческих слез;

Там бич извивается звонко,
И звук этот ветер донес.

Надеждой блесит его контур
Рабам, проклиная плеть.
Напрасно пытался бы кондор
Вершины его одолеть.

И если, в предел его прынув,
Стервятник отнимет хоть пядь —
Потухшие недра вулканов
Весь мир поколеблют опять.

Перевел с грузинского Б. Брик

Валериан Гаприндашвили

ДУМА О ВОЖДЕ

Ликует село и столица,
Когда, по стране проходя,
Гремит стоголоса столица
Отважное слово вождя.
Идет пред народом, как знамя,
Крылатое имя его...
Не в нем ли слышано нами
Грядущих побед торжество?
Во взоре лучится, играя,
Сверканье звезды и волны,
И страны, от края до края,
Его вдохновеньем полны.
Труды боевого столетья
Несет он на славных плечах.
Завещан ему, как наследье,
Марксизма могучий рычаг.
В его голове создается
И двух пятилеток напор,
И точный расчет полководца
Родимых просторов и гор.
С ним дружат и Лена и Волга,
Стремятся к нему ходоки.
Стахановцам помнится долго
Пожатие сильной руки.
Присуще величие этим
Изваянным в камне чертам.
И он склоняется к детям,
Как мудрый садовник к цветам.
Кура его детство видала,
Метех его знал молодым,
Мятелью Сибирь заровняла

Дороги, пройденные им.
А ныне стальной его голос
По миру гремит из Кремля,
И знаем, что вспять ни на волос
Не сдвинется наша земля.
Одною своею улыбкой
Без меры он радует нас,
И мать, напевая над зыбкой,
Его вспоминает не раз.
И думы поэта любого
Единым желаньем полны —
Воспеть в нем заветное слово
И гений советской страны.

Перевел с грузинского Б. Брик

Татар Чинчараули
Сказитель-хевсур

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Я вам должен пропеть песню новую,
Чтобы звука в ней не было старого,
И, возможно, дойдет и до Сталина
Моя песня, вам ныне пропетая.
За пределами родины славится,
Родной Сталин, великая мощь твоя.
Рубежи наши крепки,
Как крепости.
Ты их держишь рукой своей сильной.
На земле нашей враг не покажется:
Поблдноло от страха лицо его.
Если рыла свиные полезут к нам,
Страна на них тиграми бросится.
За тобой и хевсуры последуют,
Лишь услышат в горах мощный голос твой;
Бьют без промаха ружья хевсурские,
А мечи наши остро отточены.
Приезжай к нам сюда, в Хевсуретию,
Погляди наши гнезда орлиные;
Приезжай — вместе с нами порадуйся
На счастливую жизнь нашу новую.

Л. Квициния.

МОЙ СТАЛИН

Ходил я по большой земле,
по травам, влажным от дождей.
Я долго думал о Кремле,
о наших людях, о вожде.

Ни летом, ни среди снегов,
ни днем, ни в ранний час зари
нигде я не встречал его,
ни разу с ним не говорил.

Я недоволен был собой, —
проходят дни; идут лета...
Орел взметнулся над скалой,
ступает ветер по цветам.

леса шумят. синеют дали,
гудят дороги от шагов, —
и всюду слышу имя Сталин.
Когда же встречу я его?

Я ждал особенного дня,
но вдруг глаза острее стали;
я вижу — около меня
стоит родной товарищ Сталин.

Я увидал, что светлы дни,
что ласковы мои года,
что быстры облака мои,
что Сталин близок мне всегда.

Я смел, я становлюсь
как птица, я лечу вперед.
Мы города в пустынях строим,
страна моя в садах цветет,

звонят сухие листья летом,
их скоро освежит дождем...
Ко мне доходят волны света
от звезд, стоящих над Кремлем.

Вождь видит Киев и Баку,
Эльбрус, хлопковые поля,
приходит Сталин в мой Сухум
прямой дорогой от Кремля.

Он слышит песни горных птиц,
он слышит гулкий шум морей,
он видит линии границ,
меня, мой дом, моих друзей.

Зеленые побег встали,
суда проходят по морям.
Все это он — товарищ Сталин!
Все это — партия моя!

Мой Сталин — это город мой.
Мой Сталин — это свет и воздух.
Мой Сталин — это шар земной,
Леса, поля, цветы и звезды.

Иду я по его следам
через вершины гор и доли,
иду вперед, иду туда,
куда зовет могучий голос!

Перевела с абхазского Е. Шевелева

Акоп Акопян

БЕССМЕРТЕН ЛЕНИН

Кто говорит, что умер Ленин?
Ведь солнце светит, не сгорая,
И дышит океан, волной вскипая,
И Марс на небе неизменен,
И высятся крутые Гималаи.

Его дела, как солнце, светят нам,
Как волны океана, закипая,
Его завет высок, как в небе Марс,
Непоколебим, как горы Гималаев.

Кто знает то, быть может, день придет,
И солнце догорит на небосклоне,
И океан, владыка грозных вод,
В предсмертных судоргах застонет,
И Марс падет, в ночи сгорая,
И рухнут камни Гималаев...

Но до последнего дыханья человека
Да будет жить, велик и неизменен,
От века нашего, от века и до века
Бессмертное, простое имя Ленин.

Перевел с армянского Б. Соловьев

Н. Зарьян

ЛЕНИН

Нет! Ты живешь, ты рядом, вождь.
Ты — солнце в блеске синевы.
Твой гений, разум твой и мощь
И страсть не могут быть мертвы.

Ты рядом с нами в дни труда
И в дни тревоги боевой.
Ты строишь наши города,
Нам путь указываешь свой.

Ты не погиб и не погас.
Ты — молодость у нас в крови.
Ты — пламя ненависти в нас,
Зов побеждающей любви.

Ты вновь торопишь молодежь
Встать на посту, сойти в рудник.
В колоннах шествий ты идешь,
Сверкаешь на страницах книг.

Ты — в разных жизнях, там и тут,
Жив, от Мадрида до Кремля.
Берлин и Токио прочтут,
Как Лениным полна земля.

Как имя Ленина зовет
Стрелков Астурии на бой,
Как каждый новый наш завод
И каждый цех сильны тобой.

Ты — наша родина, наш кров.
Ты — наше светлое жилье.
Вверху, в снопах прожекторов
Читаем слово мы твое.

Ты — в каждой песне детворы.
Ты — в каждом стебле наших нив.
Ты к нам приходишь на пиры,
Свою улыбку сохранив.

Твой светлый разум не погас.
Он в слове Сталина горит.
В законах сталинских для нас
Он каждой буквой говорит.

Ты — нескончаемая жизнь.
Ты — гул истории людской.
Ты с древних снеговых крутиз
Мчишь полноводною рекой.

Пока река бурлит и бьет,
Пока в ней не иссякнет мощь,
Пока история идет, —
Ты будешь рядом с нами, вождь.

Перевел с армянского **Павел Антокольский**

СКАЗ О ЛЕНИНЕ

Мир и хвала тебе — кого чтит бедняк!
Мир и хвала тебе — кого чтит народ!
Мир и хвала тебе — кого чтит весь мир!
Мир тебе, хвала тебе, Ленин-вождь.
Был один закон для всех: коммунизм.
Был тот, кто закон писал: Ленин-вождь.
Было так: богатство у тех, кто богат;
Имущество, добро у тех, кто богат.
Поля и пастбища у тех, кто богат.
Было так: богач ест масло и мед.
Бедняк ест ячменный хлеб и чортан¹.
Было так: за богача работает ноляр,
Бедняк работает, но никогда не сыт.
У богачей — царь-султан и его закон.
У бедняков — ветер в полях, роса в лугах.
Смотри: богачей одна лишь горсть, пиять,
Бедняков — тысячи тысяч, не счесть!
Уже дошел нож беды до костей.
Тогда встал с места, поднялся Ленин-вождь,
Сказал в глаза султану и богачам:
«Я сын бедняка и брат всем беднякам.
Выходите: будем биться на жизнь и на смерть».
Царь-султан созвал свое войско и воевод.
Богачи принесли свои деньги в казну.
Все беки и все аги сели на коней.
Пошли, поскакали на Ленина-вождя.
Бедняков своих созвал Ленин-вождь.
Рабочих своих созвал Ленин-вождь.
Хлеборобов своих созвал Ленин-вождь.
Пришли — кто взял кирку, кто — молот, кто — серп.
Сам Ленин сел на коня, поскакал.

¹ Чортан — высушенное кислое молоко, которым питаются бедняки, предварительно растворяя в воде и приготавливая суп.

Мясникьян сел на коня, поскакал.
 Шаумян сел на коня, поскакал.
 Микоян сел на коня, поскакал.
 Калинин сел на коня, поскакал.
 Сам Сталин сел на коня, поскакал.
 Смотри: за ними пошла беднота. Арач!¹
 Смотри: богачи свое войско взяли, пришли.
 Приспешники их свое войско взяли, пришли.
 Инглиз² свое войско взял, пришел.
 Француз свое войско взял, пришел.
 Чин-Мачин³ свое войско взял, пришел.
 Чай-Фун⁴ свое войско взял, пришел.
 Осман-Таджик свое войско взял, пришел.
 Мсыр-Абаш⁵ свое войско взял, пришел.
 Аджам-перс свое войско взял, пришел.
 Американ свое войско взял, пришел.
 Герман свое войско взял, пришел.
 Увидим: будет битва на жизнь и смерть!
 Часть войска их — те, кто куплен на серебро.
 Часть войска их — те, в ком белая кость,
 Часть войска их — те, кто шкуру свою бережет.
 Часть войска их — те, кто всем чужой и плюет на все.
 Те, кто куплен, не хотят умирать.
 Те, в ком белая кость, любят жизнь.
 Те, кто трус и шкурник, бегут кто куда.
 Остались те, кто много бед и горя в жизни знал.
 Но сердце одно у всех, чья жизнь — голод и труд.
 Но сердце одно у всех, чей хлеб горек и черств.
 Но сердце одно у всех, кто обездолен судьбой,
 Потому что гневом опалены их сердца,
 Потому что они — лишены мира сего.
 Арач! Вы те, с кем Ленин-вождь!
 По эту руку — гроза, по другую — гром.
 По эту руку — войска, по другую — народ.

¹ А р а ч! — вперед!

² И н г л и з — англичанин, Англия.

³ Ч и н - М а ч и н — Китай.

⁴ Ч а й - Ф у н — Япония.

⁵ М с ы р - А б а ш — Египет, Абиссиния (намек на колониальные войска империалистов).

«Эй! —

крикнул Ленин. —

Час мести настал!

Бейте врагов, как ячмень на току!

Топчите, как в точиле виноград!»

«Эй! —

крикнул царь-султан, мечом взмахнул. —

Бейте эту голь, как лисиц и волков!

Топчите эту голь, как ослиный помет!

За голову — крест, за две головы — медаль!

Истребляйте всех, кто руку поднял,

Чтоб корону мою, чтоб меч мой отнять!»

Все утро бились, весь день, до тьмы.

Сказал хлебороб:

«Зачем я в войске царя?»

Сказал поденщик:

«Зачем убивать своих?»

Поймали ночь, ушли в стан Ленина-вождя.

Все утро бились, весь день, до тьмы.

Там пушки, каждая — столетний дуб.

Тут карабины — тонкий камыш.

Там лес винтовок и на каждой штык.

Тут лес кос, вил, грабель, могил, серпов.

Там пулеметы, танки, чархи-фалак¹.

Тут пистолеты, молоты, колья, дубье.

«Эй! —

крикнул Ленин. —

Арач! Арач!»

На стременах поднялся, взлетел, вскричал:

«Доколе, —

сказал, —

водою будет наша кровь?

Доколе, —

сказал, —

вы будете землю есть?

Доколе, —

сказал, —

вы будете хлеб наш есть?

¹ Ч а р х и - ф а л а к — дословно: колесо судьбы, также — колесо с фейерверком. В народе — название аэроплана.

Доколе, —

сказал, —

вы будете мир обременять?»

Сказал, поскакал, красное знамя развернул.

За ним пошли рабочие —

тысяча тысяч.

За ним пошли хлеборобы —

тысяча тысяч.

За ним пошли безработные —

тысяча тысяч.

За ним пошли безземельные —

тысяча тысяч.

За ним пошли безводные —

тысяча тысяч.

Прошли весь мир —

с восхода по закат.

Прошли горы —

с восхода по закат.

Прошли ущелья —

с восхода по закат.

Прошли леса —

с восхода по закат.

Прошли поля —

с восхода по закат.

Прошли моря —

с восхода по закат.

Сошлись, ударились грудь о грудь, —

Присел Алагяз¹ перед горою тел.

Сошлись, ударились грудь о грудь, —

От крови вздулись ручьи, как весной Араз².

Сошлись, ударились грудь о грудь.

Уже за порог заката шагнул день.

На землю легла, на сердце легла тьма.

Устал, ослабел, сдавать стал Ленин-вождь,

На сердце, как ночь, забота легла.

Сюда-туда гонцов шлет Ленин-вождь.

Тревогу бьет, подмоги ждет Ленин-вождь.

Идут бойцы с четырех сторон.

Поспешила, подоспела помощь, пришла.

Ослабела, погнулась сила врагов.

Сошлись, ударились грудь о грудь.

Рубились, бились, — Ленин-вождь победил.

Смотри туда: как баранта бегут. Арач!

Смотри туда: бросают пушки, бегут. Арач!

Смотри туда: ложатся ряд на ряд. Арач!

Смотри туда: разве косят траву? Арач!

Смотри туда: лихая косьба! Арач!

«Эй! —

крикнул Ленин-вождь. —

День наш!»

Поднял, простер красное знамя, сказал:

«Мир наш!»

Поскакал, потоптал конем не мало войск.

За ним идет беднота и голь.

Это весенний поток дробит скалу.

Это огонь съедает сухой дубняк;

Это ветер-смерч разносит пыль по земле.

Это обвал горы сотрясает землю и твердь.

Ленин-вождь поскакал, победил, взял все:

Взял пушки их и ружья их взял;

Взял пулеметы их и танки их взял.

Взял бомбы их и патроны их взял;

Все взял, роздал народу и бедноте.

Из войска богачей, кто не ушел, тут лег,

Сдул ветер с дороги жизни их след.

Закон большевиков дал Ленин-вождь.

У тех, кто был богат, отнял все,

Беднее кошек сделал богачей.

Тем, кто не имел ничего, дал все, —

Одел, обул, пашами сделал бедняков.

У беков взял почет, достатка лишил.

Нокаров¹ и чобанов² поставил вверху.

¹ Алагяз - Арагац — гора в Армении.

² Араз — народное название реки Аракс в Армении.

¹ Нокаров — слуга.

² Чобан — пастух.

Тех, кто не умел читать, научил,
Чтоб каждый мог прочесть его закон.
Вся страна рабочим поклонилась до земли.
Вся страна хлеборобам поклонилась до земли.
Вся страна чобанам поклонилась до земли.
Вся страна носярам поклонилась до земли.

*Авторство приписывается Сепо,
неграмотному кустарю. Записано в
1934 г. со слов 65-летнего негра-
мотного кустаря Габа Барцумяна.
Перевел с армянского А. Глоба*

Акоп Акопян

В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ

Словно грозами
Юный май взыграл.
Словно гром в лесу
Из конца в конец, —
Так они, когда
Сталин вышел в зал,
Бурей радости
Потрясли дворец.

Словно тысячи
Пулеметов бьют,
Чтоб услышали
На земле на всей.
Полководцу так
Отдают салют,
Возвратившемуся
С боевых полей...

Улыбается
Он, велик и строг.
Он обрадован —
Ведь побед не счесть.
Расцвела страна,
Нет былых тревог,
И у всех границ
Оборона есть.

И — вверху, среди
Боевых знамен —
Ленин так же рад
И улыбку шлет.

Это Сталину
Улыбнулся он.
Клятва Сталина
Нас ведет вперед!

Перевел с армянского Александр Гатов

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ В ДЕРЕВНЕ

Электричество в деревню пришло,
В деревню пришло.
Столбы поставили, и стало светло,
И стало светло.

Здравствуй, время,
Ленинское время!

Ленинским светом деревня ярка,
Деревня ярка.
Оправдал колхоз мечты бедняка,
Мечты бедняка.

Здравствуй, время,
Социализма время!

Нет чадящих ламп и коптилок нет,
И коптилок нет.
Электрический зажигают свет,
Зажигают свет.

Здравствуй, время,
Колхозное время!

Осчастливил свет трудовой колхоз,
Трудовой колхоз.
И раскрылись сердца лепестками роз,
Лепестками роз.

Здравствуй, время,
Сталинское время!

*Записано со слов К. Арутюняна в
с. Арташат, Камарлинского района,
Армянской ССР.*

ПИСЬМО КОЛХОЗНИКОВ-ДЖИГИТОВ ТУРКМЕНИИ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!
Из первых первому, тебе, родной наш Сталин.
Любимый друг, учитель и отец,
Мы шлем привет — и песни льются сами
Из переполненных сердец.

И вновь, и вновь, почетный наш джигит,
Сыны и дочери страны свободной
Тебя приветствуют. Привет народный
Из тысяч уст, как речь одна, гремит.

Со всех концов страны своей родимой
Мы собрались в наш праздничный поход.
«Счастливый путь!» — сулил нам взор любимой,
И с гордостью нас провожал народ.
Мы смело шли в безводных Кара-Кумах,
Шли радостно в ликующих степях,
Шли с песнями под тенью скал угрюмых
На боевых колхозных скакунах.

И где б ни ждал джигитов час привала —
В полдневный жар, в густой тени ночной —

В кругу живом беседа не смолкала
О Ленине и о тебе, родной.

В столицу вольную — цветущий Ашхабад
На торжество сегодня собрались мы.
И песни в честь счастливейшей отчизны —
СССР — восторженно звенят.

Мы годовщину славного похода
Здесь празднуем, как всенародный той¹.
Подстать ему нет в памяти народной, —
Свершить его готов из нас любой.

Посланцами своей родной земли —
Чье солнце радости идет к зениту,
Летели в Кремль отважные джигиты
И знамя славы с честью донесли.

На их привет — привет вождя ответный,
Как молния, вдруг озарил весь мир.
Твои слова, как талисман заветный,
Из уст в уста передавали мы.
Алмазом слов ты дал нам ясность цели,
Мы место новое в истории нашли.
Достойные оправы драгоценной,
В сердца бойцов слова твои легли.
Великий вождь! Товарищеским словом
На высоту ты поднял наш народ.
И жизнь для нас открылась в свете новом, —
Мы за нее в любой пойдем поход.

Веселый той! И скачки, и борьба...
Дни радости цветами жизнь венчает.
И в прошлое навеки отступает
Страны родной суровая судьба.

И как не петь от радости сердцам?..
Века наш день, не рассветая, гас.

¹ Той — праздник.

Улы тельпек, ишак¹ — вот кличка нам,
В числе скотов — последний счет для нас.

Груз тяжких дней влачившие рабы..
Народ родимый, мы — твои сыны.
Твоя мечта — тысячелетий сны —
У нас в руках, заветный плод борьбы!

Как мать родную, родину ища,
Ты сотни лет, кочуя, растерял.
И каждый день безрадостный очаг
С утра дымил, а в полдень остывал.
По всей земле ты не нашел, где сесть.
Ты родину прозвал — «хатаб-кала»²,
Но и в седле одну ты слышал весть:
Что день — беда, как мать, тебя ждала.
Во все концы пустыни бороздя,
Ты вечно вел неравный, страшный бой
За жизнь свою — едва-едва бредя,
За вольный труд — едва-едва живой.

Бросались всадники твои, как львы,
На полчища джигитов Чингиз-Хана,
Без страха шли навстречу Тамерлану —
И вновь очаг тонул в твоей крови.

Хивинский хан, эмир из Бухары,
Ирана шах — ты всех в бою пытал.
Умолкнет бой — джигитов до поры
Вновь Челистан³ в груди своей скрывал.

Топча конями, гнали мы врагов —
Шел в ханский юрт⁴ войны кровавый дар.
Бежали мы от них — двойной удар
Ломал хребты израненных рабов.

¹ Улы тельпек, ишак — большая шапка, осел.

² Хатаб — передняя лука верблюжьего седла; кала — крепость.

³ Челистан — пустыня.

⁴ Юрт — двор, место стоянки.

Вода войны — в арыках кровь текла.
Вражды людской не прекращался гул.
На племя племя шло — спалить дотла,
И на аул с ножом вставал аул.
Как лютый зверь, сосед соседу враг.
Прижав к земле, брат брата разорял.
Ты орошал поля свои с утра;
Взошла луна — ты сам их потоптал.
Отец, и сын, и внук — из рода в род,
Из века в век влачили жизнь раба.
Нужда и темнота, позор и гнет —
Страны родной суровая судьба.

Но — худшую готовили тебе.
С ножом в руках, на палках — стригуны¹,
За волю в бой пошли твои сыны
И души отдали в Геок-Тепе².

Огнем и кровью белый падишах
Из края в край прошел тебя, страна.
Кость обглодав, стравил он, как собак,
В песках затерянные племена.

Так, без пути бродя из года в год,
В кровавой мгле несчетных переходов,
В тоске по родине — и мы в тюрьму народов
Попали в свой черед.

Тюрьмой, Россия, называлась ты,
Сдавила грудь державшая рука...
Какой нам прок от мира широты,
Коль обувь на ногах узка?..

Октябрь Великий руку протянул —
И родину нашли мы на земле!
Туркмен и русский, город и аул —

¹ Стригуны — ножницы для стрижки овец.

² Геок-Тепе — последняя опора — крепость туркмен в борьбе против царизма.

От всех ворот в одной сошлись семье.
Могучий стан твой взором не объять.
Красы твоей не охватить умом...
О, родина! Как любящая мать,
Печешься ты о малом и большом.
Век спавшее, — в руках народа счастье.
Для нас сияет солнце Октября.
Для нас — земля, для нас — лесные чащи,
Поля и горы, реки и моря.

Родимый наш! Во глубине веков
Кто мог мечтать, увидев — позабыть?..
Сад изобилия кто б мог еще взрастить —
Кто, кроме племени большевиков?

Как сталь крепка, навек нерасторжима
Народов-братьев дружба и любовь.
И каждого, как зверя, поразим мы,
Кто братскую пролить посмеет кровь.
Вождь и отец наш! Знай, сыны Туркмении
Геройства знамя держат высоко.
Отвагу, доблесть, силу и умение
Владеть клинком — несем мы из веков.
И если враг в советский огород
Посмеет сунуться, — взметнув клинки,
За родину поднимется народ,
И в дерзости раскаются враги.

Костры войны пылают с двух сторон, —
Об этом нам сказал недаром ты.
И наши зоркие следят посты
За каждым шагом вражеских колонн.

В жестоких битвах мы не ищем славы,
Мы испытали тяготы войны.
Наш долг святой, желание и право —
Счастливый труд на благо всей страны.
Крепить колхоз, беречь его поля,
На тучных пастбищах растить стада,
Лелеять хлопок... Старая земля

Такой любви не знала никогда!
Большевикам нигде преграды нет —
Мы помним, вождь, завет великий твой --
День ото дня ковать звено побед..
А нас ведет любовь к стране родной!

Настанет день — и шашка под рукой,
Клинок остер и крепок, как алмаз.
Оседлан конь, к походу — хоть сейчас!
Ждет у ворот товарищ боевой.

Как молния в горах рождает гром,
Как в небеса взметает вихрь пески, —
Так родину взбурлила весть о том,
Что на тебя замыслили враги.
В могучей поступи большевиков,
В дыхании мощном зреющих полей
Биенье сердца слышим твоего,
Сверканье мысли узнаем твоей.
Вершиной встал ты в череде веков.
Поднявший руку на тебя — умрет.
Обвалом с гор на головы врагов
Обрушил свой великий гнев народ.

Всей силой страсти ненавидя их,
Всем пылом сердца родину любя, —
Живой стеной мы оградим тебя
И боевых соратников твоих.

Не знают страха гордые отряды,
Сомнений тень не омрачит чела.
Вели, наш вождь, — на свете нет преграды,
Чтоб твой приказ остановить могла.
Как первенца, лелеять Солнцестан
В ладонях рук — тебе клянемся, вождь!
За праздник радостный в стране отцов
К тебе, родной, все помыслы стремим.
Наполнив доли мощью голосов,
Над родиной мы песней прогремим.

Пышной розой, полной жизни,
Расцветает край родной.
За тебя, моя отчизна,
Рад я сердцем и душой.
Лучший друг и вождь наш Сталин,
Мастер счастья и побед —
От туркменского народа
Мы несем тебе привет!

Письмо подписали 976 колхозников-джигитов, участников первого всетуркменского слета.

ВОИНЫ И ЛЕНИН

Много людей прошло по земле, не оставив следов,
Но некоторые из людей оставили за собою след.
Хоть немного было таких, но следы их были велики —
Или злодейством или добрыми делами...

Давно-давно прошел по земле Тамерлан,
И оставил он след кровавый, покрытый пеплом от
сожженных городов.

Он сзади оставлял пустыни и трупы,
А впереди, если он видел свет и радость, —
Шел туда и сеял там мрак и печаль...
Тамерлан был сильным, но свою силу
Он употребил на горе земле.

Чингиз-хан привел с собой на землю дикие толпы,
И у него был один закон — убивать и грабить.
Он прошел по пескам и пустыням,
По лесам, степям, городам и равнинам,
И по его пятам текли реки крови,
Слез, а вслед ему шипели проклятия...
Могуч был Чингиз-хан. Но его дикие орды
Не оставили камня на камне на земле...

ЛЕНИН СДЕЛАЛ ЛЮДЕЙ СЧАСТЛИВЫМИ

(Узбекская легенда)

Как грузный медведь разрушает муравейник и языком слизывает тысячи муравьев, так войны разрушали мир и уносили тысячи жизней.

Войны устраивали князья и баи, чтобы больше захватить денег, и заставляли крестьян, подчиненных им, идти на убийство и на смерть.

Когда преисполнилась чаша терпения неба, когда кровью насквозь пропиталась одежда аллаха, когда от дыма пожаров и смрада гниющих трупов нечем стало дышать на небе, аллах собрал всех слуг своих и спросил:

— Кто сделает счастливой землю, кто из вас пойдет в эту бездну горя и крови и прекратит убийства и грабежи?

Стал аллах выбирать сильнейшего и умнейшего, чтобы в силах был пойти на землю и сделать землю счастливой. Он положил большой камень, весом в шестьдесят пудов, и сказал:

— Того пошлю на землю, кто перевернет этот камень...

Потом он задал три загадки:

— Кто сильнее всех в этом мире?

— Кто счастливее всех в этом мире?

— Кто слабее и несчастнее всех в этом мире?

Многие пробовали перевернуть этот камень, но не могли даже шевельнуть его. Многие отгадывали загадки, но ответы их были лживы и неумны. Говорили, что аллах — сильнее и счастливее всех, что несчастнее и слабее всех — шайтан. Но глухо к лести было сердце аллаха, и тень печали ложилась на глаза его. Говорили, что умерший Али был сильнее всех, что богачи — счастливее всех, что тащишки — слабее всех.

Но не мог достойного найти среди своих слуг аллах. И надел аллах халат дервиша¹ и сошел на землю, окровавленную и измученную, и стал искать освободителя среди людей.

Первым увидел он человека, перебрасывающего кули с зерном, как мячики, и подошел к нему и сказал:

— Идем со мной, человек.

Привел его аллах к камню и сказал:

— Попробуй. Переверни.

Человек взялся за край камня, поставил его на ребро и вдруг упал мертвым от натуги.

Дальше пошел аллах, и много людей он пробовал, — так много, что на камне осталось пять углублений от пальцев рук, пробовавших поднять камень. Но не находил подходящего аллах. И когда он в горести и печали задумался, где искать ему избранника, увидел он человека с высоким лбом. И сказал себе: «Попробую этого». Он повел человека к камню и сказал:

— Попробуй. Переверни.

Когда снял человек рубашку, заплакал аллах: у человека руки были тонкие, и не его рукам было перевернуть камень... Но человек и не взялся за камень. Он пошел, принес два бревна и одно подsunул под камень, а другое подложил под первое и, нажав на противоположный конец, перевернул камень легко и без усилия. И когда камень был перевернут, из-под камня потекла кровь. Аллах увидел, что там лежит раздавленная ок-илен², которая держала камень с силой сто пудов и не давала перевернуть его предшествующим, ибо нет человека, могущего поднять шестьдесят пудов веса камня и сто пудов силы ок-илен. И изумился аллах уму своего избранника, который, не обладая силой, перевернул сто шестьдесят пудов. И задал он ему три загадки и получил ответы, достойные великого мудреца:

— Самый сильный — самый умный, кто пользуется любовью мира.

¹ Дервиш — нищенствующий странник-монах (мусульманин).

² Ок-илен — весьма ядовитая змея.

— Самый счастливый — самый честный и кто дал счастье многим.

— Самый несчастный — тот, кого не любит никто.

Увидел аллах, что велик по уму этот человек, что в его руках не пропадет дело освобождения, и взял он его в свои чертоги и там держал его около пятидесяти дней и пятидесяти ночей и передал ему часть своей мудрости и послал его на землю. Избранника звали Ленин. Ленин пошел на землю в блеске своей мудрости и сразу прекратил кровопролитие и сделал людей счастливыми. Потом он ушел отдыхать в чертоги аллаха, оставив землю освобожденной и счастливой, и имя его будет жить, пока живет слово «счастье».

Записана в кишлаке Махрам со слов дехканина **Махмуда Заиджинова**

ОТ МЕСЯЦА И ЗВЕЗДЫ РОДИЛСЯ ЛЕНИН

(Узбекская легенда)

Нельзя жить людям без счастья. И люди ищут счастье, они чувствуют, где оно, и идут к нему. Но путь лежит через холодные снежные горы. И это бы еще ничего, но на пути к счастью — ок-илен, стрела-змея. Все злые силы приказали ок-илен: не пускай! И она не пускает. Но людям нельзя жить без счастья. И вот люди выдумали лук. Люди вооружились луком и пошли искать счастье. Напрасно: стрелы лука не могут уязвить ок-илена, они ломаются, они только щекочут злую змею. Задумались люди и придумали щиты. Люди прикрылись щитами и двинулись к счастью, но и на этот раз ок-илен прошибла щиты насквозь, и много пролилось человеческой крови.

Тогда в отчаянии люди стали выдумывать все новые и новые орудия — нельзя людям жить без счастья — и род за родом, племя за племенем двинулись к счастью. Но ок-илен попрежнему никого не пропускала. Ок-илен все больше крепла, с каждой новой людской выдумкой она становилась все сильнее и сильнее. И не знали люди, что делать, уже хотели люди остановиться на пел-пути.

И тогда пришел человек. Он был одет как дехканин¹, у него были мозолистые руки, руки дехканина, и в руках у него был хлеб. У человека не было никакого оружия, у него был только хлеб. И с одним хлебом он пошел на ок-илена. Человек приблизился к ок-илену, ок-илен приблизилась к человеку, и вот они остановились. Ок-илен собралась с силой и бросилась на человека. Человек не стал защищаться, он только протянул вперед мозолистые руки, в которых находился хлеб. Ок-илен

¹ Дехканин — крестьянин.

прикоснулась к хлебу, ок-илен ударилась о хлеб и упала замертво. И дорога к счастью освободилась, и люди пошли за человеком к счастью. Человек, который их повел и освободил от ок-илен, был бедняк, но родился он от месяца и звезды и от них получил силу.

Слушайте, слушайте, узбеки: его — человека, освободителя — зовут Ленин...

Записана в Ургуте (Узбекистан)

ПЕСНЯ ФЕРГАНСКОЙ ДЕВУШКИ

Вы просите, подруги, чтоб песню спела я,
Твердя, что нет милее, чем песенка моя.
Ее не сочиняли седых певцов уста.
Она легка, как ветер; как молодость, проста.
Иду по кишлаку я, а ичиги скрипят...
О чем они, подруги, в песнях говорят?
Таких цветных, красивых в других местах не шьют.
И мягкие, со скрипом, вот о чем поют.
Уверенна походка, свободна и легка.
На родине счастливой дорога широка.
Белы от урожая хлопчатника поля,
И изобильем дышит советская земля.
Сады, заводы, села...
Нам дорог каждый пласт,
Такой земли ни пяди
Никто врагу не даст.
Наряд мой из отборных шелков на праздник сшит.
О чем он в этой песне и шепчет и шуршит?
Прислушайтесь — поймете! Не всем шелка даны, —
Девушки-дехканки за рубежом бедны.
И вот при дуновеньи над полем ветерка
Об этом тихо шепчут упругие шелка...
Мы были достояньем гаремов и дворцов,
Мы одевали туши имамов и купцов,
Мы были достояньем наживы и стыда, —
Мы стали достояньем свободного труда
Зажиточных колхозов, счастливых городов...
Но не забудьте, сестры, тех матерей и вдов,
Сестер и жен голодных, чья хилая рука
Для прихоти злодеев доньне ткет шелка
За рубежами нашей счастливейшей страны.
Пусть взоры наши будут на них обращены.
Пусть породнит навеки и девушек, и жен

Во всем широком мире наш красный шелк знамен.
Подруги, нынче праздник!
Для танцев шире круг,
Пусть песней будет пара моих же белых рук.
Они изящны в танце и плавны, и легки.
Но на уборке хлопка вот эти две руки
В труде не уставали, как знает вся страна,
Собрав быстрее и больше всех прочих волокна.
Пусть песней будет этот девичий гибкий стан,
Пусть им гордится светлый, родной Узбекистан.
На нем видны здоровья и юности следы,
Его не гнули силы ни рабства, ни нужды.
Глядите мне, подруги, в глаза — они горят,
О чем они, счастливые, в песне говорят?
Не в них ли, словно в зеркале вод, отражены
Все радости, все счастье, вся молодость страны?
Цветут сады и годы, глаза мои цветут;
Зажег огонь в них славный и доблестный наш труд.
Свободно бьется сердце, в нем молодая кровь, —
Подруги, это сердце есть песня про любовь!
Споем ее. Прославим, как родину свою, —
Ей, славной и счастливой, я сердце отдаю.
И песня — это люди и жизнь. Она проста.
О ком же в этой песне поют мои уста?
О том, кто этой песни прославленный творец,
О том, кто жизни нашей любимейший отец,
О том, кому обязана радостью страна, —
О мудром и великом, о Сталине она!

Записана в колхозе Ферганского района.

СТАЛИН

Когда над миром всходит солнце,
мои глаза обнять не в силах
Всей прелести его блистанья,
его величия всего.
Я вижу отражение солнца
в домашнем небольшом бассейне,
Я обогрет его лучами
и светом озарен его.

Когда над майской Ферганою
пропитан воздух ароматом
Садов цветущих, я не в силах
вобрать весь аромат сполна.
Я наклоняю ветвь граната,
я упиваюсь ароматом.
И в этом маленьком цветеньи
живет огромная весна.

Когда я белым полем хлопка
прохожу с большим канаром¹,
Я чувствую в пушинке каждой
живую радость Ферганы
И вижу новые халаты,
и слышу гул текстильных фабрик.
В одной коробочке пушистой
я сердце чувствую страны.
Когда на родину смотрю я,
мой чистый взор наполнен счастьем;
Смотрю, не в силах насмотреться,
величием жизни потрясен.

¹ Канар — мешок для сбора хлопка.

И нет предела изобилью,
и мало слов, чтоб вылить радость,
Тогда произношу я — Сталин,
и в этом выражаю все!

О, ты, великий вожь народов,
призвавший к жизни человека,
Призвавший земли к плодородью,
призвавший к юности века,
К цветению — весны, к песне — струны,
к любви — сердца, к труду — заводы...
Повсюду явно ощутима
твоя отцовская рука.

Ты — цвет весны моей. Ты — солнце,
что отражается в миллионах
Людских сердец. Не ты ли поднял
мою страну из века сна?!
Не ты ли осветил долину
великим солнцем Конституции,
Чтобы жемчужиной сияла
моя родная Фергана?!

Записано в колхозе Ферганского района.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Дедушка Ленин —
Учитель трудящихся масс.
Лучший учитель у дедушки Ленина —
Маркс.
Автомобиль дали нам,
Самолет стал арбою у нас.
Короткими сделались
Длинные раньше пути.

Стали записывать в книги
Посевы и скот,
Стал вырастать у дехкан
Ежегодный доход.
Грамотным стал
Наш неграмотный раньше народ;
Начали видеть
Незрячие раньше глаза.

Ленин для нас
Арыком многоводным стал.
Слушайте все,
Что учитель наш — Ленин — сказал.
Он равноправие
Женщинам, девушкам дал,
И равноправными
Женщины стали у нас.

Раньше возить не хотели тебя
Ишаки —
На быстроногом коне
Ты несешься теперь.

Злой Николай,
Аталики¹,
Ишаны² и хан,
Все, кто накинул
На шею народа аркан, —
Где они? Всех их унес
Октября ураган!
Стали короткими
Длинные наши пути.

Перевел с кара-калпакского **Н. Панов**

¹ А т а л и к и — землевладельцы

² И ш а н ы — духовенство.

Далн Насбергенов

ЛЕНИН

Без отца и без матери с детства
Я остался давным-давно,
И куда малышу было деться?
Сердце страхом истомлено.

Обессилен я. Где б укрыться?
Где поесть бы — всегда о том
Я мечтал, но чужие лица
Отвечали мне холодком.

Будь для бая рабом покорным, —
Непокорные не нужны!
Видно, дни мои были черные,
Ночи черные без луны.

О, как долго страданье длится,
Яду горя предела нет.
Все ж с мечтою освободиться
Я дружил уже с малых лет.

Я дождался моей свободы —
Всех врагов пробирает дрожь.
Кто тот муж, что прогнал невзгоды?
Это Л е н и н — народа вождь!

Голытьбы угнетенной много
На земле было — без земли!
По прямой, по его дороге
Миллионы людей пошли.

Смерть подкралась, и Л е н и н умер!
Как песок пронеслись года,
В наших песнях и в наших думах
Он останется навсегда.

Перевел с кара-калпакского **А. Ситковский**

Аяк Берген

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

На путь борьбы вместе с Лениным встал
Товарищ Ленина — Сталин.
Оружие взял, обещание дал
Товарищ Ленина — Сталин.

Над миром гремит его мощный зов.
И стали дряблыми лица врагов.
На смену Ленина вставший, таков
Товарищ Ленина — Сталин.

Аральское море — большая вода,
Широкая степь — Казахстан, Кзыл-Орда,
Но блещет звездой за ними всегда
Москва, где товарищ Сталин.

Богатство мира пред нами горой,
Могуч и прекрасен советский строй,
Из всех героев главный герой —
Таким является Сталин.

Он дал дехканину новый закон.
Пусть здравствует дальше и дальше он.
Ишанов и баев выгнавший вон —
Таким является Сталин.

Он солнцу врагов закатиться велел,
Сказал — и восток для друзей заалел;
Скажи он, чтоб уголь сделался бел,
И будет, как хочет Сталин.

Над миром рука его поднялась,
Он видит и вправо и влево враз,
Ведет он дорогой правильной нас —
Таким является Сталин.

Умом его наша страна горда,
Разбиты им за ордою орда,
Он кровь проливал для победы труда —
Таким является Сталин.

Он голову баям снимает с плеч:
«Не кончился бой!» — такова его речь.
Разящий, отточенный меч —
Таким является Сталин.

Он — луч в темноте, освещающий герб:
Переплетенные молот и серп,
Плодовое дерево СССР —
Таким является Сталин.

Бедняк! Ты попробовал эти плоды,
И сахара сладость почувствовал ты...
Всегда против баев, за власть бедноты —
Таким является Сталин.

Он видит сквозь степи, над волнами вод:
Вот бедный, богатый скрывается вот!
Пусть многие, многие годы живет
Товарищ Ленина — Сталин!

Готовы одежда для нас и еда
И будут готовы и дальше всегда.
Бесчисленны села у нас, города,
Но всюду присутствует Сталин.

Был раньше заброшен Каракалпакстан.
Закон справедливый нам Сталиным дан.
Республика мы — в сад советских стран
Привел нас товарищ Сталин.

Но если на путь ты партии стал, —
Смотри, чтобы не поскользнулся, не сдал...
Хоть мало я знаю, но много видал:
Следит за тобою Сталин!

Перевел с кара-калпакского Ник. Панов

ЛЕНИН И КУЧУК-АДАМ¹

(Таджикское сказание)

Недавно было это. Еще живы все люди, которые помнят тяжелые дни. Земля окуталась плащом невзгод и горя. Стыли люди под ярмом богачей, лили слезы и жаловались степи солнцу и звездам на земной произвол.

Тогда на земле появился Ленин, и сказали степи солнцу и звездам:

— Вот он, чья рука создаст новый мир!

Ледяными от ужаса стали сердца богачей, когда услышали они о Ленине. Собрали они совет и подлыми языками лили яд в уши друг другу и шептали:

— Надо убить Ленина.

Был на земле злой колдун Кучук-адам. Сердце его давно поросло отвратительной коростой злобы и бесчестья.

Позвали его на совет богачи и сказали:

— Кучук-адам! Ты помогал нам властвовать, и мы награждали тебя. Ты помогал нам убивать и грабить, и

¹ Кучук-адам — собака-человек.

мы награждали тебя. Помоги нам уничтожить Ленина, и мы выстроим тебе золотой дворец, осыпем его алмазами и поселим в нем сорок четыре девушки, равных которым по красоте не видала земля и которых ты возьмешь себе в жены.

Кучук-адам ответил:

— Дайте мне сто таких дворцов, четыре тысячи четырехста жен, дайте мне десять тысяч рабов, наполните мои подвалы алмазами, наполните стадами мои земли, дайте мне сто тысяч танапов¹ виноградников, и я убью Ленина!

Богачи дали все это Кучук-адаму и прибавили каждый от себя по перстню, и один перстень, подаренный Кучук-адаму Кара-адамом², имел силу делать носителя его невидимым.

Вышел Кучук-адам с совещания и пошел домой. Дома раскрыл он черные книги, жег волшебные травы, а после убил ребенка и, смешав его кровь с пеплом от трав, прочитал слова из черной книги и стал смотреть в кровь.

И кровь показала ему горы, долины, ущелья и пещеры и там Ленина, который легкой поступью ходил и искал кизыл-таш³ и ок-таш⁴. Кизыл-таш нужен был ему для борьбы, а ок-таш — для счастья.

Затрепетало сердце Кучук-адама, — испугался он, что Ленин найдет камни и будет непобедим.

Приказал Кучук-адам подать ему коня, быстрого, как вихрь, подать ему меч и пояс богатыря Али⁵. Запер он дверь в черную комнату пятью замками и помчался в горы.

А Ленин ходил по горам, ущельям и пещерам и увидел в одном ущелье на дне ручья кизыл-таш и ок-таш.

И когда хотел Ленин достать их, на него напал не-

¹ Танап — мера площади земли, равная 1/6 гектара.

² Кара-адам — черный человек.

³ Кизыл-таш — красный камень.

⁴ Ок-таш — белый камень.

⁵ Али — легендарный узбекский богатырь.

видимый Кучук-адам, схватил Ленина поперек тела и бросил его на камни.

Но отшвырнул ногой Ленин Кучук-адама, и завязалась между ними борьба.

Гремел гром. Горы кидали камнями направо и налево, надеясь хоть случайно задеть Кучук-адама. Молнии сыпались дождем, но Кучук-адам спрятался за спину Ленина и был неуязвим.

Изнемогал уже Ленин в тяжелой, неравной борьбе, и пот крупными каплями капал с его лба.

И одна капля случайно упала на руку Кучук-адаму и прожгла его руку насквозь. Взмахнул от боли рукой Кучук-адам, кольцо слетело с его руки, и стал он видимым.

Обратили на него ярость свою горы и тучи, били его камнями, жгли молниями, и пал Кучук-адам, погребенный под скалами.

Снял с Кучук-адама Ленин пояс богатыря Али, достал кизыл-таш и ок-таш и пошел по горам освобождать землю.

Горы давали тень ему от зноя, и солнце умерило пыл свой и не накаляло камней, чтобы не жгли они ноги Ленина. Когда он хотел пить — небо проливало дождь, когда он хотел есть — барсуки приносили ему пищу и джейраны¹ давали ему молоко.

Так шел он пять дней и остановился поспать в одном ущелье.

Когда он заснул, очнулся Кучук-адам, лежавший у ручья, и, собрав стаю демонов, обманул бдительность гор и пошел убивать Ленина.

Горы не заметили его. Он пронесся над горами. Небо спало и не заметило его. Но заметил его маленький воробей. Он напряг всю силу своих слабых крыльев и полетел к Ленину быстрее ветра предупредить его об опасности.

Он прилетел раньше Кучук-адама, предупредил Ленина — и упал мертвым.

Ленин разбудил горы, натер меч свой поясом Али, и

стал меч тяжелым и огненным, а когда налетела на него черная стая, то горы сдвинулись и образовали крышу, и некуда было бежать демонам, а огненный меч разил их и жег.

Пали все демоны в этом ущелье, а Кучук-адам, превратившись в червяка, прополз в щель между гор и убежал от гнева Ленина.

Когда утром взошло солнце и растопило мрак в ущелье, нашел Ленин среди трупов демонов труп маленького воробья, зарыл его в землю и, поцеловав могилу, сказал горам:

— Воздвигните над телом его гробницу великую и великолепную, ибо мало было тело его, но велик дух, и жизнь свою он отдал за общее счастье.

Сдвинулись горы над могилой воробья, и ушла гробница, равной которой не было ни у кого, вершиной за облака и рассказала тучам о смерти воробья.

Тучи, собравшись около вершины, слушали и плакали, что умер в маленьком теле великий и сильный дух.

Дальше пошел Ленин, а Кучук-адам, забежав вперед, перегородил дорогу ему саем¹.

Отравил он воду в сае и думал:

«Коснется Ленин воды и умрет, пораженный ядом».

Но Ленин подошел к саю и бросил в воду палку. Палка сгорела, сожженная ядом, а Ленин крикнул орлов, и перенесли они его через сай.

Кучук-адам, увидевши неудачу, побежал вперед и, дождавшись, когда Ленин лег спать под горой, забрался наверх и хотел сверху сбросить трехпудовый камень на голову Ленина.

Но камень спустился вниз тихо, лег около головы Ленина и стал мягким, как пух. И положил Ленин камень под голову вместо подушки.

В ярости стонал и трыз камни проклятый огненный Кучук-адам и бросал богохульства в небо, но небо отвечало ему презрительным молчанием.

Пролил от злобы слезы Кучук-адам, и слезы те, падая на каменные скалы, прожигали камень насквозь.

¹ Д ж е й р а н — дикая коза, ланч.

¹ С а й — горная речка.

Вышел из гор Ленин в степи, и мягки были степи под ногами его. Ядовитые змеи, ящерицы и лягушки уползали с дороги, дабы видом своим не осквернить глаза Ленина, а сами тайком из травы смотрели на него и плакали, что никого не оставил без ласки Ленин, кроме них.

Ленин услышал этот плач и позвал к себе змей, ящериц и лягушек и всех обласкал он, не оставив никого не замеченным.

А Кучук-адам нашел в горах камень кара-таш, обладавший силой убивать все, чего он коснется. Кучук-адам он не убил, потому что Кучук-адам был волшебник.

Погнался за Лениным Кучук-адам и думал в тусной радости:

«Догоню я Ленина, брошу в него кара-ташем, и умрет Ленин».

Когда бежал Кучук-адам степью, то змеи сплелись и загородили ему дорогу. Споткнулся о них Кучук-адам, упал и выронил черный камень. И когда он хотел взять его снова, подпрыгнула лягушка к кара-ташу, проглотила его, прыгнула в воду и умерла в воде.

Ужи закопали ее в ил, а около воды легла ок-илен.

И не решался подойти к воде Кучук-адам, ибо нет лекарства от укуса ок-илен.

В ярости вырвал себе бороду Кучук-адам и бросился на ок-илен с камнем, но встала ок-илен, посмотрела зеленым взглядом на Кучук-адама, и холоден был взгляд ок-илен и спокоен, ибо уверена была змея в своей силе.

Испугался взгляда змеи Кучук-адам, заledenело ужасом и жутью его сердце, и, завыв от страха, трусливо убежал он от воды.

А Ленин вернулся, извещенный ласточкой о случившемся, и, перешагнув через ок-илен, приказал ужам принести ему труп лягушки.

Закопал он труп в землю и сказал степи, небу и гадам:

— В этом теле жили великая смелость и большая душа. Плачьте над ней! Она жизнь отдала за общее счастье.

И плакали степи, и плакало небо дождем над маленьким скользким трупом, и вопили змеи и прочие гады плачем великим и скорбным...

И дальше легкой стопой, не мнущей травы, пошел Ленин, проливая слезы о воробье и о лягушке. Его большая душа умела скорбеть о маленьких.

Прошел Ленин степь и пришел в леса.

Колочие деревья отстраняли ветки с пути его, чтобы не оцарапать светлого лица. По ночам путь ему освещали ут-чуальчаки¹, и, если он спал, деревья стлали ему постель из своих веток.

Но впереди ждала Ленина смерть. Выкопал на пути его яму Кучук-адам и заложил ее ветками и землей так искусно, что ничего не было заметно. А внутри ямы натыкал он острые колья и думал, что пойдет Ленин, упадет в яму и порвут колья его тело.

Но втянула земля в себя торчащие колья и сделалась мягкой, как пух, потому что не хотела больше земля пить слезы рабов и голодных, которых шел освобождать Ленин. И когда упал Ленин в яму, он не ушиб даже пальца.

Деревья наклонили ветви в яму и сплели из веток лестницу, и выбрался Ленин из ямы целым и невредимым.

Прошел Ленин горы, степи, леса и вышел в болото.

Кучук-адам с тучей демонов летал по болоту, жег живые огни и манил Ленина в трясину, но перед Лениным летел кулик и указывал Ленину правильный путь. Тверды были болота под ногами Ленина, и только трава-тирмуз цеплялась и царапала его ноги и мешала ему идти. И проклял Ленин тирмуз, и стал с той поры тирмуз горьким, как полынь.

Вышел Ленин из болот, израненный тирмузом, и вступил в большие каменные города, где проходит тимур-юл² и летают в небе машины.

И направил путь свой Ленин в самый большой город, стоящий на берегу моря, на севере.

¹ Ут-чуальчак — светлый червь (светлячок).

² Тимур-юл — железная дорога.

Пока шел он городами, уши его слышали плач, глаза видели кровь и слезы. И великим гневом, ненавистью и жалостью наполнилось сердце Ленина.

Следом за Лениным в город пришел Кучук-адам. Он думал опередить Ленина и, раньше его попав в город на севере, посадить в тюрьмы всех угнетенных: знал Кучук-адам, что достаточно сказать Ленину рабам одно слово — и они пойдут за Лениным, и Ленин будет победителем.

Сел Кучук-адам на машину-птицу и полетел на север. Но напали на машину орлы, исклевали ей крылья, и не мог дальше лететь Кучук-адам.

А Ленин сел на орлов и перелетел в этот город.

А орлы, принесшие Ленина, каждый день летали смотреть далекого от города Кучук-адама, идущего пешком.

Когда на следующий день прибыл Кучук-адам, на главной площади увидел он Ленина, говорящего народу о правде.

И еще увидел Кучук-адам трупы богачей-притеснителей. Они лежали без покрывал, и собаки лизали их кровь. Застыло сердце Кучук-адама, объятые холодным ужасом, и убежал он от гневного пламенного города.

А Ленин кизыл-ташем победил врагов и ок-ташем начал строить новую жизнь.

Но велика была злоба в сердце Кучук-адама, и, превратившись в женщину, он решил еще раз попытаться убить Ленина.

Однажды пошел Ленин к освобожденным говорить им слова правды, и когда выходил он с собрания, прямо в сердце пустил ему две стрелы, напитанные ядом, Кучук-адам, превратившийся в женщину.

Но не умер Ленин. Приполз к нему ак-чуальчак¹, раз в сто лет выползающий из земли, и пустил своей слюной в раны Ленина.

Ленин выздоровел, а женщину-Кучук-адама совет освобожденных приговорил к смерти.

Но не испугался Кучук-адам. Он знал, что ничто не

¹ Ак-чуальчак — белый червь.

может убить его, кроме яда ок-илен. И думал он: «Приворюсь я мертвым, а после незаметно убью Ленина».

Но приползла в совет ок-илен и своим ядом наплатила стрелы. Поразили те стрелы прямо в сердце Кучук-адама, и от его тела распространился смрадный дым.

Шли года. Ленин строил новую жизнь. Не слышно было на земле стонов. Не было видно слез и крови. И говорили степи солнцу и звездам:

— Вот Ленин, освободивший землю.

А Ленин с помощью ок-таша без устали строил и строил. И был он в строительстве так же искусен и могуч, как в борьбе.

Когда почувствовал Ленин приближение смертного часа, он пошел в степь и зарыл в землю кизыл-таш, чтобы не попал он к богачам и не воспользовались они им для порабощения бедных.

Потом он заперся в комнате и написал большую книгу, которая начиналась золотыми словами:

«Не жалейте жизни своей для счастья народа, как не жалел ее я!»

И относительно всех народов написал в книге Ленин. И относительно узбеков, таджиков, туркмен и киргизов отдельно.

Потом умер Ленин, и мы оплакивали его; и горы, по которым ступал он, лили слезы о нем, и вздыхало небо о нем громами.

Умер Ленин. И помощники его схоронили его тело, чтобы всякий бедняк мог притти и увидеть своего освободителя. И исполнили они его заветы, и стала земля счастливой.

А имя его записал народ, и пройдет мой рассказ ступени тысячелетий, и узнают правнуки моих правнуков о Ленине.

И будут славить они его имя. А Кучук-адаму, грязному душой своей, как дикий кабан, не устанут они слать проклятия.

Записано в Канибадаме в мае 1925 года со слов слепого старика-маддаха (рассказчика, бродячего певца).

СЛОВО ЛЕНИНА

В далекой, холодной России в бедности
Родился в 1870 году Ленин — освободитель
человечества.

И сразу заметили близкие его
Печать величия и ума, лежавшую на нем,
И догадались, что он отличен от всех,
И в счастье плакала его мать:

Через нее сошел на землю великий человек!
Он не имел намерения судить всех
И разбирать, кто виновен.
Он увидел бедняков и сказал:

— Не плачьте! Не бойтесь!
Рвана ваша одежда? Ничего!
Я знаю. Откуда будет у вас новая рубашка?
Откуда будет у вас новый халат?
Вы отдадите рубашки и халаты хозяевам вашим.
А сами потом поливаете свои одежды.
Не бриты головы ваши? Ничего!
Я знаю. Нет у вас пятака на цырюльника,
Пятаки вы отдаете хозяевам вашим.
А сами разводите вшей в голове своей!
Взор ваш тускл и неясен? Ничего!
Я знаю — это от слез, пролитых вами.
Вы отдали ясность взора и веселие души хозяевам
вашим,

А у самих слезы и пот едят глаза.
Вы не наденете чистых одежд,
Вы не обреете себе голову,
Вы не выплачете свои слезы,
Если не сделаете так, как скажу вам я!
Люди, разогните спины!
Люди, откройте уши! Слушайте мое слово!.. —
И страшно было слово пророка для богачей.

Но радостно было оно для бедных:
— Смерть хозяевам вашим!

Вам их халаты!
Вам их кибитки!
Вам их сады!
Вам их хлеб!

Не будет это против закона,
Ибо вашими руками заработано это! —
Громом был голос пророка.

Услышали его и Москва и Бухара —
И поднялись всюду сторбленные,
Истомленные, рваные, плачущие.
Гневом горели сердца их,
Местью пылали уста их.
А голос пророка гремел и призывал к последнему
газавату¹

За свой хлеб, за свое добро.
Услышали этот голос богачи,
Те, кого проклинал пророк,
Затрепетали они, хотели что-то сделать,
Но не успели — и погибли.
Огнем и мечом прошел пророк по полмиру
И оставил за собой разоренные пепелища богачей,
И вел бедняков вперед и вперед,
Огненной рукой показывая на восток.
Падали усталые, умирали.
Роптали трусливые. Но смелые шли вперед, —
И победен был их путь.
И они дошли до конца и нашли
Царство без царя, где была свобода
И где царем были — законы Ленина.
Ленин освободил полмира,
Самых угнетенных и темных,
И сказал остальному полмиру:

— Я показал вам пример. Учитесь у своих
братьев —

¹ Газават — обыкновенно словом «газават» («муссават») мусульмане называют войны, имеющие священный (идейный) характер, за веру (ислам), за национальную самостоятельность и т. д.

И исчез бесследно. А чтобы не было недоумений,
Тело свое он оставил на земле
И завещал не уничтожать тело.
— В теле, — сказал он, — частица моего духа.
Положите его на видное место...
И если кто сробеет в великой борьбе,
Пусть подойдет ближе к моему телу —
И опять гневом запылает сердце его,
И преисполнится он смелости,
И сильным будет дух его,
И опять он пойдет на борьбу,
Храня в памяти мои огненные заветы.
И уши его в бою будут слышать
Мои призывные слова!

Записано в Канибадаме в сен-
тябре 1925 г.

АПРЕЛЬ И ЯНВАРЬ

В апреле родился Ленин,
В январе умер Ленин,
И эти два месяца красным и черным
Отмечены в нашей памяти.

Апрель — месяц весны, радостный и теплый
Дал нам освободителя.
Январь — месяц зимы, мрачный и холодный
Унес его от нас.

И теперь, в апреле, мы будем надевать
Красные одежды в знак радости,
Что в этом месяце родился Ленин.
А в январе — черные одежды
В знак того, что он умер.

В апреле будем мы петь песни радостные,
В январе — грустные.
В апреле с нами радостно будет петь солнце,
А в январе с нами заплачет холодный ветер.

В апреле цветет миндаль и урюк,
В воздухе разносится благоухание...
И радостно вспоминаем мы о Ленине,
Которого нам подарил апрель.

Не видно звезд в январскую глухую ночь.
Кругом темно. Ослепленная земля плачет...
И мы плачем вместе с нею
Об умершем в январе Ленине.

Записано в Канибадаме в мае 1925 г.

Г. Лахути

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

(Отрывок из поэмы)

Опять необычайный вижу день я,
Опять в Москве народное движение,
Опять повсюду рокот и кипенье...
Ты скажешь — началось землетрясение.
Иль это ленинские дни пришли,
Дни траура трудящихся земли?

Одета площадь панцырем из стали,
Ей стаи самолетов шлемом стали.
Рабочим гимном огласились дали.
Деревья в хлопьях снега, серебра ли?..
Массы ли идут иль движутся цветы?
Несет он снег иль хлопок Ферганы?

Вот пролетарский львиный род приходит,
Нахмуря лоб и сжавши рот, приходит,
Хозяин туч, земель и вод приходит,
К почившему вождю народ приходит.
Идет гигант, чье темя в облаках,
С мечом у бедер, с книгою в руках.

Гигант, над миром гордо вознесенный,
Под кем скакун победы укрощенный.
Гигант, чье имя — Труд освобожденный,
Труд-повелитель, Труд вооруженный,
С рукою, простертой к мрамору, стоит
И Ленину громово говорит:

«Ты помнишь день, когда рукою твердой
Меня из плена вывел на простор ты?

Сияющий на мне покоил взор ты,
Но омрачен был грустью лоб твой гордый
Затем, что был тогда я нищ и наг,
И надо мной глумился дерзкий враг.

Я тот, на ком висели встарь оковы,
Я тот, кто жил в тисках нужды суровой,
Я тот, кто жертвой был насилия злого,
Кто изнывал от мрака векового...
Теперь богат, могуч и весел я,
И славой обо мне полна земля.

Из молнии мой дух, из стали тело,
Я мудр, моим познаниям нет предела,
Свободен мой народ, единство цело,
Удар врага готов отбить я смело.
Махну — и все идет на лад иной.
Дерзну — и опрокину шар земной.

Все, что мне партия твоя внушала,
Рука моя бестрепетно свершала,
Препятствия сметала, сокрушала,
Направо и налево поражала,
Не отступлю и дальше я в борьбе.
Дорогу к счастью проложу себе.

Ведет меня вперед твой сын любимый, —
Он друг мой, он мой вождь непоколебимый,
Он свет очей моих неугасимый,
Он ясный разум мой непобедимый.
Мне партия твоя — оплот стальной,
Со мною Сталин: торжество за мной».

Перевела с фарси Бану

Али Ибрагим Сафаров

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Где у нас в горах увидишь орла,
У которого тысячи тысяч орлят?
— Нет в горах у нас такого орла.
За горами широко долина легла,
Там такого увидишь орла.
Сталин — такой орел
С тысячей тысяч орлят.

Где в горах у нас тысячи таких орлят,
Что любой за старшего сразиться рад?
— Нет в горах у нас таких орлят.
Под горой кишлаки и заводы шумят, —
Там таких увидишь орлят.

Где в горах у нас тысячи верных орлят,
Что без сна и без пищи за тысячи верст полетят
Через горы — на зов старшего орла?
— Из городов, из кишлаков несут таких орлят
На сталинский зов два железных крыла.

В горах орлятам чему
У старшего учиться орла?
— Чтоб снова и снова
Добыча была у орлят.
А нашим орлятам чему
У своего учиться орла?
— К новой жизни лететь
И не лететь назад!

Отчего за Пянджем змеи
Извиваются и шипят?

— Оттого, что видно из-за Пянджа
Много пестрых и жирных стад.

Отчего воронья стая
Крик такой подняла?
— Оттого, что красные орлы
На вороньи гнезда летят.

Отчего в горах за Пянджем
Шакалы завывали в лад?
— Оттого, что из-за Пянджа
С завистью на нас глядят.

Отчего в Афганистане
Девушка горькой слезой изошла?
— Оттого, что увидала,
Как наша девушка весела.

Перевела с таджикского В. Дынник

Бану

МЕМЛЕКЕТ

В тюбетейке веселых цветов
Среди пышных высоких кустов
Мемлекет-пионерка стоит,
Белым хлопком передник набит.
В целом крае проворнее нет
Смуглых маленьких рук Мемлекет.
У таджиков звучны имена,
Мемлекет — это значит страна.

В тюбетейке веселых цветов
По паркету кремлевских дворцов
Мемлекет-пионерка идет,
А кругом рукоплещет народ.
Поднимает глаза Мемлекет
И не знает — поверить иль нет.
Все сильнее рукоплещет народ,
А над нею склоняется тот,
Кто ей снился высокой звездой,
Кто ведет весь народ за собой,
Кто заботится днем и во сне
Все о ней, Мемлекет, о стране.
Про часы на руке Мемлекет
И про сталинский теплый привет
Мчится слава вблизи и вдали
Среди всех пионеров земли.
Радость Сталина миру ясна:
Мемлекет весела и юна,
Мемлекет героизма полна,
Мемлекет — это значит страна.

Гасем Лахути

ДЖАМБУЛУ

Порхай, ликуй, свободный соловей,
Над розою счастливою своей!
Рассыпь на землю серебристый гром,
Навстречу солнцу трели звонко лей.
Пусть мир услышит, что родной твой сад
Еще прекрасней стал, еще пышней.
Любуйся нежным пурпуром цветов
И плодоносной тяжестью ветвей.
Пой тополи: свободно ввысь расти!
Тюльпану пой: красуйся и алей!
Запой, и всюду смолкнут соловьи,
Певцы иных садов, иных полей,
С восторгом песни слушая твои,
Акын Джамбул, казахский соловей!
Прославь того, кто этот сад растил,
Того, кто всех отважней и мудрей,
Пой Сталина, весну народов пой,
Пой солнце родины моей, твоей!

Перевела с фарси Бану

Джамбул
Народный певец

ГАСЕМУ ЛАХУТИ

О дружестве песен на светлом пути
Ты мне по-фарсидски пропел, Лахути.
С открытой душой я твой голос встречаю
И песней казахской тебе отвечаю.
Твоими устами таджикский народ
Свою соловьиную песню поет.
Моими словами казахский народ
Заветную песню пускает в полет.
Под ласковым солнцем, в счастливые годы
Меняются песнями наши народы.
Как лебеди, песни плывут в небеса,
За ними родные спешат голоса.
Прислушайся, — в дымных горах Дагестана
Журчат родниками слова Сулеймана.
И Янка, акын¹ белорусских полей,
Льет песни теплее, чем крик журавлей.
Запел весь Советский Союз многоликий —
Русские, турки, казахи, таджики.
На празднике песни звени и цвети,
Фирдоуси правнук — акын Лахути!
Как воды арыков под сенью зеленой,
Поем мы и с нами поют миллионы
О родине нашей, о славных делах,
О коннице вражьей, развеянной в прах,
О дружбе народов, о солнечном братстве,
О щедром обильи, о пышном богатстве,
О том, что не стало насилия и зла,
О том, что земля на заре расцвела.
Взгляни, Лахути! Разрастается сад,

¹ Акын — певец, поэт.

Тюльпаны и розы в саду шелестят.
Волна ароматов нам головы кружит.
Росинки лежат ожерельем жемчужин.
Над нами яснее небес бирюза,
Цветение радуг ласкает глаза.
И ветер в плену соловьиного щелка
Нежнее, чем шорох иранского шелка.
Я в старости вызнал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл сокровенный,
И выси хребтов, и пространства степей,
И недра земли, и глубины морей.
Мы были слепыми, но зрячими стали,
Глаза нам открыл на вселенную СТАЛИН.
Кто к солнцу и к ясному счастью ведет
В огне Октября возрожденный народ;
Кто самый большой человек на планете,
Кто дал Конституцию лучшую в свете,
Кто судьбы народные держит в руках,
Чья светлая слава сияет в веках.
Одно у нас пламя бушует в груди,
Одно у нас знамя, акын Лахути.
Мы дружно, как братья, народам поем
На разных наречиях, но об одном.
В казахском жире¹, в иранской газелле
Одни у нас мысли и чувства созрели.
Один в наших песнях батыр и герой,
Кого не сравнить ни с звездой, ни с зарей,
Чьим именем названа наша эпоха,
Кого будем петь до последнего вздоха.
Клокочет созревшая песня в груди,
Ударим по струнам, акын Лахути.
И грянем о Сталине непобедимом,
О самом великом, родном и любимом, —
Да так, чтобы песня звенела в веках
На всех человеческих языках.

Перевел с казахского К. Алтайский

¹ Жир — одна из форм казахского стихосложения.

Джамбул
Народный певец

В МАВЗОЛЕЕ ЛЕНИНА

От гор бирюзовых, от желтых степей
Пришел я, как странник, к тебе в мавзолей.
Знамена склонились, скорбя, над тобой,
Но ты, наш любимый, лежишь, как живой.
С тобою Джамбул, как с отцом, говорит,
И старая кровь, молодея, горит,
И домброю сердце звенит в тишине
На самой высокой и чистой струне.
Стоит мавзолей посредине земли.
Народы, как реки, к тебе потекли.
Идут и туркмен, и узбек, и казах,
Чтоб лик твой увидеть, бессмертный в веках,
Чтоб слово сыновнее тихо сказать,
Чтоб крепкую клятву тебе прошептать.
Мы каждое слово твое бережем,
Для нас оно — луч, для врагов оно — гром.
Цена твоих слов на земле высока,
Как в знойной пустыне вода родника.
Мудрейший из всех! Ты, как солнце, горел,

Ты солнечным сердцем планету согрел,
Миллионам, кто в горе и бедности жил,
Ты к счастью прямую дорогу открыл.
Ты умер — и осиротела земля...
Но вспыхнули звезды на башнях Кремля,
Но слышим мы ночи и дни напролет
Могучее сердцебиение твое.
На радость народам, на счастье земле
Живет твой наследник в московском Кремле.
Он мудр и отважен. Он — горный орел.
Как ты, он народы к победам повел.
На крыльях могучих сквозь тучи всех гроз
Он ясное счастье народам принес.
...И детям, и внукам, и правнукам враз,
Как старший в роду, я оставлю наказ:
Учитесь у мудрого Ленина жить,
Народ до последнего вздоха любить,
Умейте все мысли и чувства собрать,
Умейте все силы и волю отдать
Тому, кого Ленин, как друга, ценил,
Тому, кого Ленин, как брата, любил,
Тому, кого Сталиным мир весь зовет,
В ком солнечный ленинский гений живет!

Перевел с казахского К. Алтайский

Алибек
Народный певец

НАШ ОТЕЦ

Гранитным утесом ты стоял,
Драгоценным алмазом ты сиял,
Самородком золота, Ленин, ты был,
Серпа и молота пророком был.
Был беспощаден твой правый суд,
Единым ударом ты разбил
Романовых трехсотлетний сосуд.
Ты выкорчевал все корни зла, —
Гнездо насилия ты сжег до тла,
Злоба и страх капитал трясут,
Царям и баям ты был — гроза,
Кедр погнулся, как лоза.
Помог ты выйти в люди нам,
Вздохнуть ты дал всей грудью нам,
Малодушным ты отвагу дал,
Свободу нам на благо дал.
Ты нас избавил от рабских уз,
В братский нас ты связал союз.
Казахи! Чем раньше были вы?
Живыми жили в могиле вы.
Мышами робкими были вы,
Служили вы пищей жирным котам,
Собак своей кровью поили вы,
Были рассеянной пылью вы,
Бич за вами ходил по пятам.
Человеком ли был в царских глазах
Степной трудящийся, бедный казах?
Кто знал наше имя до Октября?
Дал Ленин-герой свободу нам,
Вернул он имя народа нам,

Светит равенства нам заря,
Край наш зовется Казахстан.
Не напрасны были твои труды,
Мы на твоём пути тверды,
Враг не расстроит наши ряды.

Перевел с казахского Лев Пеньковский

Джамбул
Народный певец

ПЕСНЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОРДЕНА

Джамбулу девяносто лет...
Я пел всю жизнь. Я стар и сед.
Но стал на старости кедей¹
Счастливей всех людей!

Я счастье выразить смогу ль?
Расцвел я, как душистый гуль².
Мне Сталин молодость вернул —
Помолодел Джамбул.

Беру я орден и пою
И клятву верную даю —
Все песни обновленных дней
Отдать родной стране.

Вольется песня в шум работ,
Орлом над степью поплывет.
И будет чище серебра
Звенеть моя домбра.

Услышат звон моей струны
На шумных праздниках страны.
Жить стало лучше, веселей
На родине моей.

Аскер³ с винтовкой ходит в бой,
Джамбул — с любимой домброй...

¹ Кедей — бедняк.

² Гуль — цветок.

³ Аскер — боец, солдат.

Я песней из каленых слов
Пойду разить врагов.

А песню лучшую мою
О Сталине я пропою.
Ее со мною запоет
Счастливый мой народ.

Ты, Сталин, — солнце наших дней,
Ты всех дороже и родней,
Тебе несем тепло сердец,
Мудрейший наш отец!

Я, вдохновляемый тобой,
Поеду в Казахстан домой,
И будет песнь моя звонка,
Как небо, высока.

Я по степям родным пойду,
И песней путь в сердца найду.
И буду петь все веселей
О родине моей!

Перевел с казахского К. Алтайский

Джамбул
Народный певец

СУЛЕЙМАНУ СТАЛЬСКОМУ

Ашуг Сулейман,
Соловей Дагестана, —
Счастливые трели пролей на заре.
Прошли лихолетья тяжелых туманов,
Глухой темноты и засилья зверей.

Взгляни-ка!
Тюльпаны цветут по курганам.
Мы звоном наполним тугую струну,
Прославим бескрайний простор Совет-стана,
Счастливых певцов золотую страну.

Везде соловьиная песня желанна,
Не в клетках, —
На свежих ветвях тополей
В горах Дагестана, в садах Казахстана
Поют соловьи с каждым днем веселей.

Лучи разогнали покровы туманов,
Над нами горят бирюзой небеса...
То Ленин и Сталин — земные титаны
Законы счастливые дали всем странам,
Земле — урожай, соловьям — голоса.

Пред родиной меркнут цветы Гюлистана,
И старость и дряхлость бессильны пред ней.
И разве не чудо: Джамбул с Сулейманом,
Седея, поют год от года звучней?

Орлами парят наши песни по странам,
Плывут наши песни к орлу из орлов,

Чья мысль необъятна, как глубь океана,
Чья сила кипуча, как мощь урагана,
Чья воля властнее хребтов-великанов,
Чье имя звенит, как легенда веков...

Летят наши песни по сталинским странам,
В них — сердца биенье и пламя ума.
Мы вольно и просто поем с Сулейманом —
«Наш Сталин!» — звучит нам припевом желанным,
И мир расцветает пышнее тюльпана,
И песня, вскипая, бушует сама...

Джамбул
Народный певец

МОЯ РОДИНА

Джамбулу сейчас девяносто лет,
Но крепко Джамбул сидит в седле.
Приехал он в радостный, новый стан.
Встречает певца родной Казахстан!
С почетом певца встречает аул.
Песни пой во весь голос, Джамбул!
Пришли и мои номере-шубере¹:
— Спой нам, отец, и сыграй на домбре! —
Народ мне настроил душу мою.
И я для народа песню пою:

...Девяносто лет табуны паслись,
Девяносто лет ковыли цвели,
Девяносто лет в облаках несли
Песни свои журавли.
Девяносто лет стремя звенят,
Девяносто лет согнули меня,
Девяносто лет я берег коня,
Чтоб подъехать к новым дням...
Смотрите, — моя голова седа,
Смотрите, — бела моя борода,
Смотрите, — в глазах кровь и вода.
Много в жизни я видал.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман²?
Семьдесят лет в старом седле
По чужой я проехал земле,

¹ Номере-шубере — сыновья моего сына и моего внука.

² Сум-заман — горькое время.

По чужой я проехал стране
На усталом и бедном коне.
Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Много ханов ты знала, степь моя,
Море слез пролила ты, степь моя,
На плечах своих пронес мой народ
Суровых законов гнет.
Врывалась коканов¹ волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада,
Бешеный хан Куспега² налетал,
Кровь его ядом была налита,
В глазах его — вечно стояла ночь.
Хан у народа любимую дочь
В жены насильно к себе уводил.
Сердце он вырвал из нашей груди,
Тогда в джайляу³ пыль поднималась,
Тогда в озерах вода волновалась,
Тогда над степями с клекотом злым
Тревожно летали орлы...
Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.
Был хан Аблай⁴. Как голодный шакал,
Он по аулам добычу искал.
Юрту хана датки⁵ окружали.
Нукеры⁶ хана оберегали...
Баям с Аблаем привольно жилось,
Баям он дал золотое седло.
А тем, чьи плечи сдавила сума,

¹ Коканы — кокандские ханы.

² Куспега-хан — один из казахских ханов.

³ Джайляу — летнее кочевье казахов.

⁴ Аблай-хан — один из казахских ханов.

⁵ Датки — ханские наместники в степях.

⁶ Нукеры — наемные солдаты.

Был он, как злая степная зима!
Память открыла мне повесть одну..
Любимому сыну вез хан жену.
Красавица ехала на коне,
Рабыни усталые шли за ней,
Судьба им хомут тяжелый дала —
Дешевле овцы их жизнь была.
Слушала степь их беспомощный стон
И проклинала ханский закон.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Джангера¹ какой забудет аул?
В степях проносился далекий гул,
И змеи ползли из разных концов,
Край мой сжимало тугое кольцо.
С русским царем принес Джангер-хан
В подарок народу плетъ да аркан.
Как волки зубами арка² рвали,
Раны горячие оставляли,
Лучшие выпасы наши брали,
Лучшие реки у нас украли,
Лучший табун из степей увели,
Наши родные кибитки сожгли!
Оставили нам пески да пустырь,
Душу народа они на пласты
Резали! Ханское было кадэ³.
Защиты народ не нашел нигде...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

¹ Джангер-хан — один из казахских ханов.

² Арка — степь.

³ Кадэ — лакомство.

Царских приказов хитрый вершитель,
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана;
С ним появились: мирза, старшина,
В байскую юрту сам бий¹ приезжал,
На мягких подушках бий ночевал,
На бийской груди блестела медаль..
Кипели котлы. Бурлила вода..
В юрте, белее чем вымытый мел,
Бай на коврах сыр-дарьинских сидел.
Керсень² дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.

.....
Кедей-бишара³ был похож на тень,
На голом теле — колючий чекмень⁴.
Малай-бишара с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом..
Сжигал его летом солнечный зной,
Бураны его заматали — зимой.
Родная жена и две сестры —
Для байбише⁵ разводили костры.
Сынишка любимый ласки не знал,
Отцовская доля и сыну верна —
Пас он в отарах байских ягнят,
С детства на сердце обиду храня.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.
Труб золотых разносился зов,
Армия вечных рабынь и рабов,

¹ Бий — судья.

² Керсень — чаша.

³ Кедей-бишара — раб.

⁴ Чекмень — грубоотканый халат.

⁵ Байбише — жена бая.

Сильная, грозная армия шла,
 Дворцы захватила и троны снесла,
 Волчьих законов разрушила строй...
 В грязь покатился венец золотой.
 Тогда над степями, ярко горя,
 Взошла моего народа заря!
 Верных коней казахи седлали,
 На гребнях гор костры зажигали —
 Чтоб родная Москва увидела,
 Как по горам, долинам, увалам
 Степь выходила к бунтарским гонцам!
 С именем Ленина бились сердца!
 С именем Сталина радость пришла!
 С именем Сталина степь зацвела!
 Их имена кедеи несли,
 Байскую свору как падаль жгли.
 С байских халатов кедеи сорвали
 Царские золотые медали!
 Я в песнях прославил тот смелый год!
 С ним вместе родился и мой народ,
 Источники жизни забили в нем,
 Смел и велик он в движении своем!
 С тем годом воскресла моя душа.
 Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
 Проклятый заман отошел, как буран.
 Спасибо, Сталин, тебе, данишпан¹.
 Расстался Джамбул с своей горькой судьбой.
 Спасибо тебе, Сталин родной.
 Едет Джамбул в богатом седле,
 Едет Джамбул по родной земле,
 Едет Джамбул по родной стране
 На сытом степном скакуне.
 С почетом певца встречает аул:
 — Пой свои песни громче, Джамбул!
 В них молодость, сила и слава побед
 За двадцать советских лет! —
 В колхозном ауле — радость живет,
 В колхозном ауле — сердце мое,

¹ Д а н и ш п а н — мудрый.

В роскошном ауле — звонко поет
 Старик, проклиная недавно судьбу —
 Счастливый певец, Джамбул!

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
 Любимый! Ты житель моей души!
 Сравнений тебе не найдут жирши¹.
 И у акынов², степных мастеров,
 Таких не найдется жемчужин-слов.
 С пророком хотел я тебя сравнить,
 С пророком не мог я тебя сравнить,
 Правду пророк не умел говорить!
 В словах твоих, Сталин, правда и свет,
 Меркнут пред ними фарыз, сундет³.
 Хотел с океаном тебя сравнить,
 Не мог с океаном тебя сравнить!
 И в океане порой корабли
 С распоротым дном сидят на мели...
 С полярной звездой хотел сравнить,
 С полярной звездой не мог сравнить!
 Она, как приколотая гвоздем,
 Вечно стоит на месте своем...
 С горами хотел я тебя сравнить,
 Из гор тебе не равна ни одна —
 У каждой горы — вершина видна...
 Хотел тебя с полной луной сравнить,
 Не мог тебя с полной луной сравнить!
 В небе она холодна и бледна —
 Свет свой струит лишь ночью луна.
 И с солнцем хотел я тебя сравнить,
 Не мог тебя я и с солнцем сравнить!
 Может и солнце порой изменить —
 Светит оно лишь в ясные дни.
 Сталин! Сравнений не знает старик...
 Сталин — как вечный огонь горит.
 С родной домброй по степям я пройду,

¹ Ж и р ш и — певцы-импровизаторы.

² А к ы н ы — народные поэты.

³ Ф а р ы з, с у н д е т — законы религии Ислама.

Сокровище слов в народе найду.
Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколения —
Достойное Сталина сравненье!

Спасибо, тебе, Сталин мой!
Расстался Джамбул с горькой судьбой.
Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом, степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
— Пой свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!

Перевел с казахского Павел Кузнецов

Маймбет
Народный певец

ПЕСНЯ

Старый горбач верблюд —
Песков горячих брат.
Много степной люд
Перевез на тебе добра!

Эту песню поет тебе
Добрый жирши Маймбет,
И аулы с ним поют:
— Шагай, шагай, верблюд.

Тебе ли не помнить крюк
Ржавый, как лисий мех,
Разорванную ноздрю
И холодный хозяина смех...
Горели от боли глаза,
И тихо ползла слеза,
Бесшумно песчаная зыбь
Песчинки несет на зуб,
А ты подставлял язык,
Ты ловил даже слезу,
Чтобы жажду свою унять,
Рот пересохший омыть...
Как же тебя не понять,
Как же тебя забыть!

Эту песню поет тебе
Добрый жирши Маймбет,
И аулы с ним поют:
— Шагай, шагай, верблюд.

От Чимкента и до Урды
Суровый степной зякет¹:

¹ Зякет — налог, оброк.

За горсть холодной воды
 Горсть золотых монет.
 Ты видал в барханном валу,
 Как человек умирал.
 Зубами он грыз пиялу¹
 И воду в осколках искал.
 Над трупом его в степи
 Чудесный являлся мираж, —
 Ты ведь тоже хотел пить,
 Горбатый любимец наш.
 Эту песню поет тебе
 Добрый жирши Маймбет,
 И аулы с ним поют:
 — Крепись и шагай, верблюд.

Одна хмурая ночь,
 Но теплая, как мать,
 Умела тебе помочь
 И ласку свою отдать.
 Она, ложась с тобой
 В раскаленный песок,
 Унимала тихо боль
 Разбитых твоих ног.

Эту песню поет тебе
 Добрый жирши Маймбет,
 И аулы с ним поют:
 — Шагай, шагай, верблюд.

Мы в подарок от злой судьбы
 Получили только горбы.
 До могилы каждый нес
 Бурдюки нищеты и слез.
 Не бывало всю жизнь у меня
 Ни кошмы, ни седла, ни коня,
 Был лишь звонкий предвестник добра ---
 Родная певунья домбра¹.

Эту песню поет тебе
 Добрый жирши Маймбет,
 И аулы с ним поют:
 — Шагай, шагай, верблюд.

¹ Пияла — чашка.

Караван мой пришел на заре,
 Перед тем, как солнцу гореть,
 В первый раз я не видел слез —
 Он мне радость мою принес.
 Он привез в бурдюках айран¹,
 И гурты вороных коней
 Волшебный привел караван.
 Стал в колхозе жирши богат,
 У жирши парчевый халат.

Эту песню, Сталин, тебе
 Старый поет Маймбет,
 И аулы поют вокруг:
 — Родной наш учитель и друг.
 Пусть солнце всегда над тобой,
 Пусть счастье всегда с тобой,
 Ты для нас себя береги,
 Наш любимый, вечно живи.

Караван мой пришел на заре,
 Перед тем, как солнцу гореть,
 Моя ненависть велика
 И как горная бьется река.
 Моя ненависть к тем, кто был
 Хозяином нашей судьбы,
 Моя ненависть к тем, кто пил
 Нашу кровь в безводной степи.
 Моя ненависть к тем, кто держал
 Счастье степей в цепи.
 Эту ненависть я пронесу
 От Хобды до Улькун-Кара-Су²,
 Чтоб врагам эта песня моя
 В сердце шла, как змеиный яд.

Эта песня зовет к борьбе,
 Эту песнь поет Маймбет.
 Наш враг вековой не добит,
 Пусть в степи кзыл-аскер³ не спит.

¹ Айран — кислое молоко, одно из любимых кушаний казахов.

² Улькун-Кара-Су — Черное море.

³ Кзыл-аскер — красноармеец.

Мою ненависть знает враг.
 Она, как нож, остра,
 И радость моя горит
 На восходе большой зари.
 Я вижу: по гребням бархан
 Верблюжий идет караван.
 Как луч по листу слюды,
 Блестит набор узды.
 Это мой караван идет,
 Комсомолец его ведет.
 Он вместе со мною рос,
 Мы вместе пришли в колхоз.
 Я богат и о счастье пою:
 Самый лучший — колхозный верблюд
 Самый быстрый — колхозный скакун,
 Самый крупный — колхозный табун,
 Самый сочный у нас сенокос,
 Самый свежий у нас овес.
 Юрта лучшая — это моя,
 Стал богатым в колхозе я.
 И душа у меня ясна,
 На душе у меня весна,
 Нежна, как напев струны..
 Я певец счастливой страны.
 Эту песнь, Сталин, тебе
 Поет жирши Маймбет,
 И аулы поют вокруг:
 — Родной наш учитель и друг,
 Пусть солнце всегда над тобой,
 Пусть радость всегда с тобой,
 Ты себя для нас береги,
 Наш любимый, вечно живи!

Перевел с казахского П. Кузнецов

Умурзак
 Народный певец

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Я — семидесятилетний казах,
 Седовласый жирши Умурзак.
 Если слезы в моих глазах,
 Блещет радость в этих слезах.
 Он далек, мой родной Казахстан, —
 Я проехал пять тысяч верст,
 Чтоб тебя, мой бесстрашный арстан¹,
 Доблестный батыр-великан,
 Крепость наших советских стран,
 Угнетенного Востока — шолпан²,
 Мой могучий горный хребет,
 Мой алмаз, мой чистый кристалл.
 Кто на всех языках воспет,
 Я казахский жирши-поэт —
 Увидеть на старости лет.
 Если мне этот день дан,
 Если я пред тобой стою,
 О тебе мою песнь пою, —
 То родиться я не опоздал.
 Ковыляла веков череда,
 Шли десятилетия, года,
 Караваны унылых дней
 Шли по голой стране моей.
 Что они приносили ей?
 Горе было у них в тюках,
 Море слез в их бурдюках.
 Караванщиком была нужда.

¹ Арстан — лев.

² Шолпан — утренняя звезда.

Что нашел я в жизни тогда?
 Правил хан да бай, да алда¹:
 Цепи я носил на руках,
 Были скованы мои уста,
 На двенадцати были замках
 Радость жизни и красота.
 Но в стране моей смолк плач, —
 Не вернется ни царь-палач,
 И ни бай, паразит-богач:
 Когти им отрубили мы,
 Пастбищ их лишили мы.
 Стал народ мой и я стал зряч,
 К новой жизни мы мчимся вскачь,
 Плещет воли нашей кумач.

.....

Сталин, вождь величавый ты,
 Наша гордость и слава ты,
 Светишь слева ты нам луной,
 Солнцем светишь нам справа ты,
 Наш учитель, отец родной!
 Светоч мира, Сталин-джан²!
 Ты горишь, как маяк-великан,
 Высочайшей стоишь горой.
 Ты — безбрежное море ума,
 Мысли бурной ты океан,
 Воплощенная мудрость сама.
 Был народ мой и я был раб,
 Голос мой до тебя был слаб,
 Волю дал ты мне и ему,
 Силу дал языку моему.
 Звонких слов ему дал байлык³, —
 Но не так мой силен язык,
 Чтоб сказал он, как ты велик,
 Чтоб сравненья мог твоему
 Несравненному найти уму.

¹ Алда — бог.

² Джан — душа.

³ Байлык — богатство, достояние.

Сталин, сокол мой, мой орел!
 Вдохновение дал мне ты,
 Моего народа мечты
 Не в твоих ли делах я обрел?
 Казахстан — страна далека,
 Степь казахская широка,
 Алатау-гора высока!
 Ждали мы крылатых коней,
 Снился нам легконогий Тулпар¹,
 Чтобы мчал нас без усталы вдаль.
 Ты нам дал коня посильней,
 Круп его — блестящая сталь,
 Пышет в чреве его пожар,
 В нем бурлит и клокочет пар.
 Я б к тебе шесть месяцев брел,
 Он домчал меня за шесть дней:
 Обернулся Турксибом Тулпар.
 И лелеяли мы мечты
 О чудесной птице — Сункар,
 Чей полет, как молния, скор,
 Чтоб несла нас через хребты
 Ледяных, неприступных гор,
 Через воды горных озер.
 Самолеты выпустил ты.
 Клекот их — громовый гул.
 В синеве крылья распластав,
 Перемахивает Алатау,
 Опускается в мой аул
 Легендарная птица Сункар.
 Я простой, я старый казах,
 Я седой жирши — Умурзак,
 Вырос я в народных низах,
 И, хоть мне и семьдесят лет,
 Песен ключ в душе не иссяк,
 И, хоть бел уже волос мой,
 Так не пел еще голос мой,
 Не звенел никогда он так, —

¹ Тулпар — мифологический крылатый конь, излюбленный образ казахской поэзии.

Он обрел молодую мощь.
Звонких слов благодатный дождь
В эти дни, что так хороши,
На тебя излить разреши.
Ведь обязан я всем тебе!
Коль не песней, то чем тебе
Заплачу я, любимый вождь?
Э, горячий салем тебе¹,
Э, великий тебе рахмет²!
Так поет тебе от души
Умурзак, казахский жирши.

Перевел с казахского Л. Пеньковский

Рахим Кулбаев
Народный певец

АСКАН-ДАНА¹

Теплым ветром плыла весна,
Пел весеннюю песню акын,
Но была его песня грустна,
Как дождливая осень долин.

Свежих трав пробивались ростки,
Распускались цветы степей,
Но глушили их солончаки,
И, как пламя, сжигал суховой.

Был тосклив и безрадостен май,
Злою мачехой степь была,
Даже солнце смеялось, как бай
И как жирный и хитрый мулла.

Скакуны превращались в кляч,
Гибли тысячи хилых ягнят,
Поднимался над степью плач,
Слезы падали, словно град.

...По-другому запел акын.
Его песня уже не грустна, —
Среди гор, степей и долин
Голубая плывет весна.

Больше нет ни сирот, ни вдов,
Больше нет беспокойных снов,
Больше нет бесплодных коров,
Устающих нет скакунов.

¹ Аскан-дана — по-казахски — превзошедший всех гениев.

¹ Салем — привет.

² Рахмет — спасибо.

Полон песен и солнца май,
Расцветает счастливый колхоз.
Это счастье в родной мой край
Нам великий Сталин принес.

Я цветущих степей певец,
Позабывший тяжесть забот,
Я пою тебе, Сталин, песню,
И со мною поет весь народ.

Смел, красив и могуч джультарс¹,
Полосатый степной батыр,
Но сильнее во много раз
И отважней джультарса — ты!

Зорек беркут, степной орел,
Озирающий мир с высоты,
Но народ ты к вершинам привел, —
Дальноруче беркута — ты!

Много мудрости знает народ,
К солнцу вышедший из темноты,
Но народ за тобою идет, —
Всех мудрее на свете — ты!

Ты — великий вожь и мудрец,
Тебе мудрость веков дана.
Называет тебя певец
В своих песнях Аскан-дана.

Перевел с казахского К. Алтайский

¹ Джультарс — по-казахски — тигр.

Турмагамбет
Народный певец

СТАЛИНУ

Сталин — орел могучий. Отважен его полет.
Силой его и бесстрашием велик свободный народ.
Сталин — мудрость веков.
Сталин — юность земли.
В бескрайних степях густые сады его расцвели.

Раньше хуже скотины жили мы — бедняки.
В стужу и в зной на баев работали мы — бедняки.
Баи все отнимали у нас: арыки, скот, кетмени..
Наших жен и детей у нас отнимали они.
Под царским ярмом в страданиях гибли мы — бедняки.

Для дружбы и счастья народов Сталин родился на свет.
Под солнцем его мы забыли отчаянье прошлых лет.

Его арык многоводен.
Нужда не придет назад.
Для Сталина каждый дехканец — родной и желанный
брат.

Идет с ним по верной дороге
Великое братство труда.
Скажи, мой народ, ты знал ли такого героя когда?
Он женщине дал свободу, ласку дал сироте.
И жизнь засверкала ярче снегов на горном хребте.

Улыбается детям Сталин —
И малышам хорошо!
Детей берет на руки Сталин —

И матерям хорошо!
Он ясли дает и школы —
Всей родине хорошо!

Счастлив народ мой вольный, что есть у него отец,—
Заботливый и любимый,
Великий, мудрый отец,
С которым всегда мы смело о жизни своей говорим.
О радостной жизни песню,
О жизни веселой песню
Сегодня поет певец!

Перевел с казахского *Николай Сидоренко*

Ахметбеков
Народный певец

ПРИВЕТ ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ

Я — далеких степей певец —
Посылаю тебе привет.
Ты даешь нам тепло и свет,
Урожайный, весенний дождь.
Моего народа любовь
С этой песней я шлю тебе,
Наш великий, могучий вождь!
Раньше джут¹ губил все стада,
И в аул приходила нужда,
Приходила голодная ночь.
Умирал в мученьях бедняк.
Жизнь была, как большой солончак...

А теперь мы живем не так!
Ты машины к нам в степь послал.
Ты кочевнику школы дал,
И больницы хорошие дал.
Указал нам в колхозы путь.
И теперь стал бедняк богат.
Никому нас с пути не свернуть!
Твоей жизни горят лучи.
Нашу степь превратил ты в сад.
Ты — заботливый наш отец.
Не вернется былое назад!
В травах тучный гуляет скот.
Джут не губит наших овец.
Твое солнце расплавил лед.
Счастливые песни народ поет.

¹ Дж у т — гололедица.

Скачут ручьи голубой воды,
Снега и туманы зимы ушли.
Лебеди с криком летят на пруды.

В Тургайской степи расцветают цветы.
Золотую весну подарил нам ты!
Ты зорче, чем беркут, сильнее, чем лев.
Дрожат враги, как сухая трава,
Когда на них твой падает гнев.
Несчетным победам ты — кровный брат.

Трактор ведет по степи Серкембай;
Черною лентой за плугом — земля.
Будет хороший урожай!

Тургайская степь сберегла следы
Отважного барса Амангельды¹.
Народ мой знает и помнит его,
И пионеры поют о нем.
Амангельды... он убит врагом
За то, что шел в бой за счастливую жизнь,
Которой все мы теперь живем,
Которую ты нам, Сталин, дал!

С этой песней я шлю тебе
Моего народа любовь,
Казахских степей привет.
Живи много, много лет,
Наш учитель, друг и отец,
Наш великий, могучий вождь!

Перевел с казахского **Николай Сидоренко**

¹ Амангельды Иманов — легендарный герой гражданской войны в Казахстане.

Орумбай
Народный певец

ДОМБРА

Звени, моя домбра,
Золотой играй струной!
Много песен собрал
Орумбай в степи родной.

Но лучшую из них
Я молча нес, как суму,
И даже в большие дни
Не пел ее никому.

В той песне горечь была
И жгла сильнее огня,
Как мачеха, жизнь дала
Горбатого мне коня.

Был тощ конь и не мог
Поспевать за песней он.
А бросить его — бог
Не велел и степной закон.

Был голоден я и бос
И не знал родной земли,
По чужим дорогам нес
Я домбру и песни свои.

С лохмотьями на плечах
Шагал из края в край,
И только одну печаль
Знала моя домбра.

На грязный байский порог
Нужда нас часто вела

И дарила, как плевков,
Объедки с чужого стола.

Я семьдесят лет прошел
На старых своих ступнях
И счастье свое нашел,
И нашел своего коня!

Тулпар яснокрылый мой
В родной аул прилетел.
Играй, домбра, и пой,
Орумбай помолодел.

Песня, нарушь тишину,
Сокровища слов открой!
Прославить свою страну
Я пришел с родной домброй.

...Пой, домбра, за песней свежей
Люди издали приходят,
Мы нальем сердца полнее
Этой смелой, новой песней.

Пусть ее услышит каждый
На степных колхозных станах,
В ковылях родных кочевий,
В Сыр-дарьинских тугаях.

Табуны услышат песню,
Встрепенутся и помчатся...
На крутых хребтах Кегена
Все услышат эту песню.

Рыбаки услышат песню
Там, где старый плещет Каспий,
Где кипит его пучина,
Рыбаки услышат песню.

И охотники услышат
Эту песню на Талдаре,

Эту песню — знак удачи —
И охотники услышат.

Все услышат эту песню,
И в горячем сердце Эмбы,
И на дальних перегонах
Неумолчного Турксиба.

И у светлых вод Эльтона,
В камышах густых балхашских
Эта песня разольется
О колхозной светлой жизни,

О любимом человеке,
О тебе, великий Сталин!
Это ты послал Тулпара,
О котором мы мечтали.

При тебе, любимый Сталин,
Из степей ушло ненастье,
Домбры петь свободно стали
Кюй про молодость и счастье.

Эта молодость вернулась.
Дни мои как в сказке стали.
Вместе с песней твое имя
Я несу, великий Сталин!

Перевел с казахского Павел Кузнецов

Сами
Народный певец

ПЕСНЯ О БАРСОВОЙ ШКУРЕ

Играй, домбра, прославь мою страну!
Из жил я сделал верную струну.
Ты спой, домбра, как жили пастухи —
Родня пескам, джатакам¹, катуну!
Ты спой, домбра, как жили пастухи
С наследством меньше, чем глаза блохи!
Курган степной, погребены в тебе
Хозяин мертвый и живые пастухи.

...Суровый барс. Огонь в твоих глазах.
Я знаю, барс, в твоих глазах — гроза.
Джужьбарс родня тебе, о вольный барс.
В твоих глазах огонь и бирюза!
Владелец благороднейшей из кож, —
Твой зуб острей, чем туркестанский нож.
Ты, смелый барс, любимец Сыр-Дарьи,
В мечтах у нищего табунщика живешь.
Под шопот, тише шума камышей,
Тобой пугают в юртах малышей,
А под домбру о смелости твоей
Поют жирши, акыны, улинше²!
Ты дорог, барс. Твой мех не нам ценить —
В карманах байских золото звенит...
Я знаю, барс, такого нет пути,
Чтоб шкуру потерять и сердце сохранить...
Так пели мы. А жизнь была страшной,
Касе кужи³ не вымолить у ней.

¹ Джатак — развалины аула.

² Жирши, акыны, улинше — народные певцы

³ Ку жа — пшено, сваренное в молоке.

Она сжигала душу бедняка,
Как барсов глаз, снопом огней.
В дырявой юрте виден небосвод.
Бессильный я смотрел на свой народ,
Как стадо в бурю, шел он по степям,
С ним враждовал проклятый байский род.
...Шептала степь: — На байские гроши
Не проживешь, пастух! Пастух, спеши!
Ты любишь жизнь? Иди ж, где барс живет,
Где осыпь гор хранит его жилье,
Четыре глаза, встретясь, загорят —
Четыре глаза — светом янтара¹.
В глазах твоих блеснет чудесный мех,
В глазах у барса жизнь блеснет твоя.
Ты в мертвой хватке, барс, мечту вдыхай,
Твой зуб войдет в дырявый малахай²,
Оставишь, барс, костей ты белый след,
Насытившись кровью пастуха.
Забьются в схватке трепетно сердца.
Мечтай, пастух! Не жди, пастух, конца!
На байской шубе барсов воротник,
А у тебя — паршивая овца!
Ты спой, домбра, как счастье я нашел.
Я в степь свою хозяином пришел.
Колхоз — мой дом и моя радость в нем.
Ты спой, домбра, как счастье я нашел!
Тугая жила, кровью сердце бей!
Домбра моя, звени и песню лей.
В стране родной я знатен и богат —
Недавний раб чужих степей.
Мой день, как солнце в небе, загорел.
И я в степях пою о батыре,
Чье имя мне дороже всех имен,
О батыре народов и племен —
Он правым глазом весь Восток согрел.
Ключи от счастья родине он дал.

¹ Янтарь — окаменелая смола хвойных деревьев, служащая для украшений.

² Малахай — казахский головной убор.

Его в Москве седой Шарап¹ видал.
Родная степь, твой сын — простой Шарап —
В Москве у Сталина великого бывал.
И шкуру барсову ему Шарап принес:
Сквозь пропасти веков и море слез,
Любимый наш учитель, друг и вождь,
Тебе народ свой верный дар принес.

Перевел с казахского П. Кузнецов

¹ Шарап Ниязов — ударник колхоза «Уртак», Туркестанского района, Южно-Казахстанской области, вручивший на приеме стахановцев сельского хозяйства в Кремле барсовы шкуры товарищам Сталину и Молотову.

Бен
Народный певец

ПЕСНЯ О ВЕЧНОЙ МЕЧТЕ ОСАН КАЙГЫ

Осан Кайгы¹, где твой след?
В золотом ли ты спишь ковыле,
На волшебной ли земле
Выбрал стан богатый себе?
Осан Кайгы, где ты, где?
Мы искали тебя везде:
По набору на каждой узде,
По узору на каждом седле,
По морщинам на каждом челе,
По убору на голове,
По заплатам на чапане...²
Ты весь мир, Осан, исходил,
С ковылем в степях говорил.
А смеяться — нет, не умел,
Никогда ты досыта не ел,
Ты хорька побороть не мог,
Тебя силой обидел бог.
Ты всю жизнь ходил холостой,
Твой карман, как дупло, пустой,
Сам же голый, как дунгулек³,
Только мечтать ты и мог.
Ты искал такой земли —
Где б кедей⁴ жить могли,
Где для них бы и степи цвели,
И реки для них бы текли.

¹ Осан Кайгы — сказочный степной поэт, вечно мечтавший о счастье.

² Чапан — халат, одежда.

³ Дунгулек — колесо.

⁴ Кедей — бедняк.

И для них бы лучший скот
 Отдавал свой приплод!
 Жизнь гнала тебя ко рву,
 Как ветер — катун-траву.
 А кругом чужая земля.
 Не твоя, Осан, не твоя!
 За тобой, Осан, по следам
 Злой собакой плелась нужда.
 Шел ты молча в тиши степной
 И волшебное чудо — зерно
 Нашел по пути в Кыл-Ту¹,
 Нашел, как свою мечту.
 Ты во сне лишь о нем говорил
 И душистым лугам Сыр-Дарьи
 Золотое зерно подарил!
 Много лун прошло в небесах,
 Ты не спал ни минуты, Осан,
 Ты ухаживал за зерном,
 Как мать за сынком-сосунком.
 А под осень, когда поля
 Пожелтели, открылась земля
 И, как песня родная звеня,
 Сказала: — Ты любишь меня,
 Как любит орел небеса,
 Мой хозяин, мой верный Осан!
 Так прими ты мои дары,
 Берегла их тебе я давно! —
 И выросли две сестры —
 Выросли две горы
 От вершин до подножья — зерно.
 Ох, Осан Кайгы онемел.
 Он и слова сказать не смел,
 Горел его светлый взор
 У подножья невиданных гор.
 Пел Осан. Шелестела трава,
 Пел Осан и аулы звал
 Не в песках у нужды ночевать,
 А у хлебных гор кочевать.

¹ Кыл - Ту — местность в Казахстане.

Налетел, как песчаный буран,
 Кара-бай, с ним мулла Бурган.
 И урядник — с нагайкой в руке
 И с кокардой на картузе.
 Бай был бел, как могильная кость,
 Вековая кипела в нем злость.
 Он рукой на тебя указал,
 Он, в лицо твое плюнув, сказал:
 — Не тебя ли шайтан принес,
 Презреннейший на земле?
 Как свинья не увидит звезд,
 Так зерна не видеть тебе! —
 Лицо твое, добрый Осан,
 Опоясал свистящий аркан,
 Кровавый румянец залил
 Щеки, Осан, твои.
 Ты, избитый, упал у куста,
 С тобой упала мечта,
 А на ней проклятьем злым
 Застыл плевков муллы.
 Тебя утро омыло росой.
 Солнца луч согрел теплотой,
 Как сына родного, любя,
 Приласкала степь тебя.
 И мечта твоя вновь ожила,
 И мечта тебя в даль повела
 К просторам чудесной земли,
 Где бы степи кедеям цвели.

Где же ты, Осан, где?
 Мы искали тебя везде:
 По набору на каждой узде,
 По узору на каждом седле!
 Ты приди, Осан, ты приди,
 Ты на свой народ погляди!
 Живет, Осан, твой народ,
 Как мечта твоя, крепко живет!
 И не снимут его с седла
 Ни бог, ни бай, ни мулла!
 Как седлу даны стремяна,

Так родная земля отдана
Народу, Осан, твоему.
И, как дар дорогой, ему —
Хозяину светлой страны —
Приплод свой несут табуны.
Ты земли такой не видал,
Ты о ней только мечтал,
Ты хотел эту землю взять,
В свой дырявый чапан увязать,
За седло ремнем привязать
И к аулам родным умчать.
Где же ты, Осан? Весна
К нам пришла в дорогих цветах,
В колхозе сбылась она —
Вековая твоя мечта.
Прокляни же прошлое ты!
Он с нами живет, батырь,
Которого ты в веках
Искал, как мечту свою.
Только этот батырь и мог
Разбить вековой замок,
За которым бай и мулла
Хранили, как яблоки глаз,
Украденные у нас —
Счастье и радость степей!
Он батырь и он был — кедей!
Он велик. Слово его —
Сильней, чем устои гор!
Он собрал в себе слезы веков,
Он собрал в себе горе веков,
Он собрал в себе радость веков,
Он собрал в себе мудрость веков!
Его жизнь велика и проста,
Необъятна она, как мечта,
Он, как утро, над миром встает.
Его Сталиным мир зовет!

Джамбул
Народный певец

ПЕСНЯ ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Посмотри на вершины гор,
Посмотри на степей простор,
На широкий огонь зари,
На становища посмотри.

По степям из конца в конец
Табуны дорогих овец
Оставляют свои следы.
В Каракол идут верблюды,
На Чимкент идут верблюды,
От Джаркента до Кзыл-Орды
Все колхозные верблюды.

А на пастбищах велики
Лошадей степных косяки.
Словно беркут, песня моя
Улетает вперед. Земля
На восток и на юг земля,
На закат, на север земля
Вся колхозная, вся моя!

Я — столетний жирши. Я стар,
Но люблю колхоз Ер-Назар,
И Чиен люблю, и Аяк:
В них счастливым живет казах.

И над ними, как в новый год,
Утро солнечное встает.
Кто принес это счастье к нам,
К Заилийским белым горам?

Я, столетний Джамбул-жирши,
Восклицаю от всей души:
Для казаха в любой колхоз
Это счастье Сталин принес.

Это имя, как солнца свет,
Сталин — словно горный рассвет,
Сталин — словно степной орел,
Счастье солнечное привел.

Он — великий и сильный друг.
Это счастье из сталинских рук
Взяли мы. И хотя я стар,
Но люблю колхоз Ер-Назар,
И Чиен люблю, и Аяк,
Где впервые понял казах,
Что над ним, словно в новый год,
Утро солнечное встает.

Эту песню поет жирши,
Эта песня от всей души!

Перевел с казахского А. Алдан

Джамбул
Народный певец

ВЕЛИКИЙ СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

Песнь моя, ты лети по аулам.
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,
От этих законов темнела луна,
От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу залегли.
Законы аллаха, законы Аблая,
Законы кровавого Николая.
По этим законам детей отбирали,
По этим законам людей убивали.
Девушек наших, как скот, продавали.
По этим законам аулы редели.
По этим законам баи жирели
И крепко на народе сидели.
По этим законам гуляли, как смерч,
Бесправие, голод и смерть.
Песнь моя, ты лети по аулам.
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Маленький след дорогу рождает.
Море из родника вырастает.
Из камня упругая сталь выходит.
Из слова рождается мудрость в народе.
От жизни счастливой рождаются дети —
Самые радостные на свете,
За ними в колхозе рождаются песни,
Всех песен красивей, всех песен чудесней.
Звени же, домбра, по колхозным аулам!
Слушайте, степи, акына Джамбула!
Слушайте, Кастек, Каскелен, Каракол,

Я славлю великий советский закон,
 Закон, по которому радость приходит,
 Закон, по которому степь плодородит,
 Закон, по которому сердце поет,
 Закон, по которому юность цветет,
 Закон, по которому служит природа
 Во славу и честь трудового народа.
 Закон, по которому вольным джигитам
 К подвигам смелым дорога открыта.
 Закон, по которому в праздник наш
 Овеяна славой родная Куляш,
 Закон, по которому едут учиться
 Дети аульные в школы столицы.
 Закон, по которому все мы равны
 В созвездии братских республик страны.
 Пойте, акыны, пусть песни польются,
 Пойте о Сталинской Конституции!
 С песней, акыны, идите на сходы,
 С песней о братстве великих народов,
 С песней о родине нашей цветущей,
 С песней, к труду и победам зовущей!
 Заботой согрел миллионы сердец —
 Сталин — мудрейший, любимый отец!

Перевел с казахского Павел Кузнецов

ВЕЛИКОМУ ВОЖДЮ НАРОДОВ, ОТЦУ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ, ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

(Из письма трудящихся Киргизстана)

С крутых тянь-шанских громад,
 С нетающих их вершин,
 С озер, лишенных морщин,
 С лугов, привольных для стад, —
 Сердцами, что бьются в лад,
 Согласным трудом бригад,
 Со съездов своих старшин, —
 Сегодня и стар и млад
 Тебе, чей славен почин,
 Земли величайший сын,
 Тебе, чье слово — завет,
 Киргизия шлет привет.

Тебе, о счастья кузнец,
 Дел величайших творец,
 Кто всех врагов разгромил,
 Кто солнце светом затмил,
 Кто тысячам тысяч мил, —
 Киргиз, что тобой согрет,

В чьей песне ты здесь воспет,
Киргиз, исполненный сил,
Свой пламенный шлет привет.

Кто был согбен, теперь силен;
От счастья к счастью кочуем мы.
Среди одиннадцати знамен
Взнеслось и наше — ликуем мы.
Кто был простерт, сегодня горд;
Былого язвы врачуем мы.
Сменили братством раздоры орд
Над Иссык-Кулем, над Чуем мы..

Счастьем кто наградил нас? Ты!
Как цветы, кто растил нас? Ты!
Мы забыли все беды с тобой,
Мы достигли победы с тобой,
Дети наши ликуют и деды — с тобой!
Утешал нас не однажды ты,
Утолял нашу жажду ты,
Ты — родник нашей жизни, Сталин!
Крепость нашей жизни ты,
Наше славное знамя, Сталин!
Вечное молодо имя твое.
Пишем золотом имя твое,
И звучит оно гимном, Сталин,
И сияет у нас в глазах!
Наших помыслов — ты исток.
Озаряешь ты весь Восток,
Запад весь озаряешь ты,
Светишь ты на двух полюсах,
И весь мир согреваешь ты,
Незакатное солнце — Сталин!
Ты — луна неугасная, Сталин!
Ты — звезда наша ясная, Сталин!
Ты — заря наша красная, Сталин!
В хаосе мировых разрух
Ты — маяк незатменный, Сталин!
Наш учитель, отец наш, друг.
Ты — наш голос и ты — наш слух,

Совесть мира кристальная, Сталин!
Всем делам нашим — ты оплот,
Мыслям нашим даешь полет,
Силам нашим размах даешь,
Крыльям нашим даешь разворот.
С нами — что ни мгновение — ты,
В каждом сердцебиении — ты,
Воплощение гения — ты,
Наше вдохновение, Сталин!..
Наша воля могучая — ты,
Наша кровь кипучая — ты,
Сердце — самое лучшее — ты!
Мудрость неистощимая — Сталин,
Мужество неколебимое — Сталин,
Радость неомрачимая — Сталин!
Ты несокрушимый боец,
Счастья нашего — ты творец,
Ты грядущего счастья кузнец.
Наш родной, любимый отец,
Слышишь гимн миллионов сердец?
Будь бессмертен, великий Сталин!

За добро, что посеял ты,
За плоды, что взлелеял ты,
За народ, возрожденный тобой,
За наш труд, награжденный тобой,
За республику нашу, Сталин,
За отечество, за наш Союз
И за человечество, Сталин,
Лишь услышит киргиз твой зов —
К бою будет киргиз готов!
Кряжем каменным станем тогда,
Встанем грозным Тянь-Шанем тогда,
Львами, тиграми прянем тогда —
Всем врагам сокрушим хребет!..

Всех, кто в черных мечтах погряз,
Кто продался нашим врагам
И кто, их исполняя приказ,
За буржуйскую мерзкую мзду —

Из своей зловонной норы
Попытается вновь, хоть раз,
Лапы грязные протянуть
На победную нашу звезду, —
Мы на них теперь не узду,
Петлю мы накинём на них,
Истребим, как бешеных псов!

Сквозь пламя скакавшие с нами к той заре,
Что Ленин и Сталин зажгли для нас в Октябре,
Казах и узбек, и туркмен, и много других,
Кто был, как и мы, в ярме при баях и при царе;
Кого друг на друга натравливал -враг-змея, —
Мы братьями стали, мы сталинские сыновья,
Мы узы рабства порвали, но узами дружбы крепка
Социалистическая, советская наша семья!

Тому, кто был слепым и стал зрячим, — привет!
Кто гимном победы встречает день, а не плачем, —
привет!

С высот Ала-тау, из цветущих долин, из степей —
Народы Киргизии шлют вам братский, горячий привет!

Тебе, кто гением Ленина мир озарил, — привет!
Кто человечеству коммунизма ворота раскрыл, —
привет!

Тебе, героический русский великий народ,
Вожатый наш, старший брат наш, — привет!

С несокрушимо-могучей силой советских стран,
Со Сталиным нашим любимым, кто нам на радость дан,
Под знаменем победоносным, с народами братскими в
ряд.
Шагать будет, локоть к локтю, и побеждать —
Киргизстан!

ЛЕНИН СДЕЛАЛ ВОЛЬНОЙ КИРГИЗСКУЮ СТЕПЬ

(киргизская легенда)

Когда бог построил мир, он собрал всех царей. И каждого поочередно спрашивал:

— Доволен ты землей, которую я дал твоему народу?

Цари падали на колени и говорили:

— Благодарю тебя, великий аллах. Земля, которую ты дал нам, хорошая. И народ мой доволен ею.

Когда очередь дошла до киргизского хана, он тоже упал на колени и сказал:

— Я тоже благодарю тебя, аллах, за ту землю, которую ты мне дал. Земля хорошая. Хаять нельзя. Но мне обидно, что ты дал нам одну безлесную равнину. Нет возможности окинуть ее глазом, и нет бугорка, с которого я мог бы следить за тем, что делается на моей земле.

Подумал бог и сказал своим строителям:

— Соберите все, что осталось у вас от постройки земли, и сделайте посреди степи место, на котором были бы леса самые тенистые. Пусть будут у него горы самые красивые и пусть будет вода в его озерах самая чистая и прозрачная. Когда верблюд искупается в озерах, он будет белый, как снег.

И сделали строители так, как велел бог.

А бог позвал еще раз хана и сказал:

— Я сделал так, как ты просил, но ты должен помнить, что земля, которую я дал, принадлежит не одному тебе, а всему киргизскому народу. Ты будешь жить на этой земле и править киргизским народом по закону, который я дал тебе. А чтобы ты не нарушал закона и не притеснял народ, я пошлю в степь могучего орла. Он будет жить на самой красивой и высокой горе и оттуда будет следить за тобой. Если ты будешь нару-

шать законы и будешь притеснять народ, орел будет наказывать тебя так, как я велю.

Упал хан на колени и сказал:

— Великий аллах, я все сделаю, что ты указал в законе.

Но когда вернулся хан в степь, он не сдержал своего слова. С этого же дня стал нарушать закон.

Чтобы увеличить богатства своего сына и сделать его еще более знатным, хан отбирал у джигитов скот и брал себе. Чтобы лучше укрепить свою власть, хан отбирал землю у бедных родов и отдавал баям. И баи разносили славу о хане по всем четырем сторонам земли.

Велика сила хана и несметны богатства его! Вся степь покрылась ханскими табунами, и вся земля в руках великого хана!.. А на большой и зеленой поляне, среди дремучих лесов и высоких гор, расставил хан свои бесчисленные кибитки. Много серебра и золота, много разноцветных камней и много шелковых халатов в кибитках хана. И в самой большой из них, белоснежной, украшенной шелком, коврами и оружием, живет сам хан с маленьким сыном. И нет на земле детей красивее и умнее ханского сына! Живет и пирует хан, окруженный красивыми женами, храбрыми джигитами и знатными баями. Не знает хан о нужде и страданиях своего народа. Позабыл хан, что орел летает над степью и видит все дела хана.

Пришло время наказания.

В тот день, когда солнце пылало над степью, маленький сын хана играл на поляне у озера среди гор и лесов; орел спустился на землю, схватил когтями ханского сына, улетел с ним на высокую гору и там, на глазах хана, стал клевать сердце ребенка.

Клокот орла и крик маленького хана гудели по всем четырем сторонам степи.

Заревел хан от горя, точно медведь застонал. И собрал хан со всей степи лучших стрелков, приказал им стрелять в орла. Но гора была так высока, что ни одна стрела не долетела до орла. Тогда позвал хан на помощь белого царя. А белый царь послал в степь рус-

ских. Пришли в степь с огнем и свинцом. Они убили могучего орла. Но было уже поздно. Орел выклевал сердце ханского сына. Прекратился ханский род.

С тех пор гора, на которой жил могучий орел, стала называться Ок-Жетпес. А русские огнем и свинцом покорили киргизский народ и построили на всех четырех концах степи четыре города: один — на востоке, другой — на западе, третий — на севере, четвертый — на юге.

Долго летели из городов в степь огонь и свинец. Долго стонал киргизский народ под властью белого царя.

Но пришел в степь славный богатырь Кенисара¹, сын Аблая. Поселился в глухой и темной пещере у высокой и синей горы. Оттуда поднял против русских всю степь. Поднял Кенисара храбрых джигитов и обездоленных джагатов. Хорошо дрался славный богатырь Кенисара с русскими. Совсем близка была пора свободы для киргизского народа. Но ушел Кенисара к богатым узбекам. Полюбил дочь кокандского хана и позабыл про борьбу родного народа. Гулять стал Кенисара. Много кумыса пил Кенисара, много красивых девушек было около Кенисара. И рука Кенисара поднималась против родного народа. А узбеки и ханы приготовили ловушку. Продали Кенисара русским. Погиб Кенисара. Надолго пропала свобода киргизского народа. Опять наступила власть белого царя. Словно саранчой, покрылась земля царскими чиновниками. Опять загудели стон и плач киргизского народа по всем четырем концам степи. Долго гудели.

А на землю пришел большой богатырь — Ленин. Долго ходил по земле Ленин, долго смотрел по всем четырем сторонам: слушал стоны и плач обиженных людей, собирал храбрых комиссаров и красных орлов — большабеков.

И покрылась земля тучами красных орлов. И загудели на земле снова гром, огонь и свинец. И летела от

¹ Национальный киргизский герой, поднявший восстание против царской власти в середине XIX века.

Прогнал Ленин царя и его чиновников. Но в степь пришел новый царь — белый правитель Колчак. Он грабил степь. Он насиловал женщин и девушек. Он гнал джигитов на войну. И еще больше стонал киргизский народ под властью Колчака.

— Подите в степь. Прогоните Колчака и его чиновников. Отдайте степь тем, кому она принадлежала. И сделайте так, чтобы не было в степи ни бедных, ни богатых, чтобы все люди стали равными, потому что я принес всем людям новый закон. А чтобы баи и казаки, живущие в степи, поскорее забыли привычки царских чиновников, вместе с вами я пошлю в степь молодого и могучего орленка. Он будет жить на горе Ок-Жетпес и оттуда будет следить за тем, чтобы никто не смел нарушить новый закон. И если баи и казаки нарушат законы, я прикажу молодому орленку наказать их и выгнать совсем из степи.

Так сказал большой богатырь Ленин и так сделали красные орлы. Теперь степь — вольная, и никто не может нарушить новый закон, потому что на высокой горе Ок-Жетпес живет молодой и могучий орленок.

ЛЕНИНСКИЙ ПУТЬ

Жившим прежде в слезах,
Жалким, в рвани рубаш,
Ждавшим с палкой в руках

Счастье взявший народ
Строим светлым вперед
С песней вольной идет.

Горе подлым врагам!
Гром сметет их ж ногам:
Гибнет всяк, здесь и там.

20*

Золотою был рудой.
Для грабителей на тронах
Он смертельной был бедой —
Для народов угнетенных
Путеводной был звездой.
Ленин! Ты для вражьей своры
Леопарда был страшной, —
Для трудящихся людей
Лучшей не было опоры,
Чем огонь твоих идей,
Лучше не было подарка,
Чем полотнища твои,
Пламенеющие ярко
И зовущие в бои!
Чтоб не стало прежней доли,
Чтоб межей не знало поле,
Ты в Москве закон писал:
Подчиниться нашей воле
Ты манапам приказал.

Мы — казахи и киргизы,
Жизнь добывшие в бою,
Мы — казахи и киргизы —
Молодость нашли свою.
Ни одна еще, киргизы,
Не сияла так звезда!
Мудрецов таких киргизы
Не имели никогда!
Власть Труда, народов братство
Всем краям он возвестил
И манапские богатства
Беднякам он возвратил.

Он сказал: «Восток, в борьбе
Жизнь рождается твоя,
И спешит уже к тебе
Человечества семья.
Был твой жребий так жесток —
Не дремли теперь, Восток!
Знания лелей росток —

С ним свободен ты, Восток!
Революцией зажженный,
Расцветающий цветок,
Встань, Восток освобожденный,
Расцветающий Восток!»

Мертвецами не зовут
Тех, заветы чьи живут,
Чьи слова повсюду реют
И в сердцах миллионов зреют.
Джутакеев слезы льет...
Вытри слезы: он живет —
Наш учитель и товарищ!
С нами — он! С тобой! Со мной!
Шар уже горит земной
В пламени его пожара!

Перевел с киргизского С. Липкин

Мукай Елебаев

ВОЖДЬ МИРА

Вождь трудящихся мира всего,
Имя твое не погаснет: — огонь!
Горе глотая, в скорби великой,
Улицы полним морем знамен.

В сердце ученье твое храним
Ярким, как солнце, и в дали помчим.
Шириться будет путь твой великий, —
Нашего счастья не отдадим.

Много тяжелых ты пережил дней,
Дрался упорно за благо людей;
Нам, беднякам, подарил свободу,
Всю свою жизнь мечтая о ней.

Зов наш печален, но в нем гроза,
Мир к мавзолею направил глаза.
Чем горевать, мой друг пролетарий, —
Красное знамя взметнем в небеса!

Перевел с киргизского А. Чачиков

Калык
Народный певец

СЛАВА ЛЕНИНУ

Погляди-ка на нас, кто чудес не знал,
Погляди на того, кто был раньше мал
И кто — Ленину слава! — велик теперь,
Кто свободен и в зависть врага вогнал.

Чтобы веру в чудесное ты хранил,
Ленин землю неслыханно изменил
И трудящимся руки — слава ему! —
Руки, некогда слабые, укрепил.

Это голос вождя — и больше ничей —
Приказал нам в единый слиться ручей,
Между тем как за гранью, за рубежом,
Ум за разум заходит у богачей.

Над границей — пожарища полоса:
То не степи горят, не тугай-леса, —
То горит обреченный, обрыдлый мир,
И при этом не верить ли в чудеса?

Ленин — слава ему! — просветил Восток.
Путь, открывшийся нам, и прям и широк.
Слава родине, счастье прядущей нам, —
С каждым днем этой пряжи растет моток.

Режет землю смеющийся тракторист,
От железной дороги несется свист,
И покрывшийся злаком степной простор
Переливчато зелен и шелковист.

Средь степи, что недавно была мертва,
Мощной мельницы вертятся жернова,

Тут морозится мясо, а там стоит,
Свеклой бывшая, сахарная голова.

Паровозами, в копоти и дыму,
Разгоняет страна вековую тьму,
Ленин первый велел им притти сюда,
И за это веки — слава ему!

Небосвод, словно тракторы, бороздя,
Самолеты взлетают выше дождя
И — не чудо ли это? — средь облаков
Пишут имя возлюбленного вождя.

Дал права тебе Ленин, киргизка-кыз,
Не хозяин, а друг для тебя киргиз,
И при встрече с женщиной — слава вождю! —
Ты смотреть не должна теперь больше вниз.

Пограничники думают о враге —
Равен в хитрости враг наш птице карге,
Но бойцами мы крепкими окружены,
Как юрта переплетом из кереге.

На Востоке республика Киргизстан
Плоть от плоти великих советских стран,
Ленин снял с нее путы — слава ему! —
И разбег ей свободный сегодня дан.

Погляди-ка на нас, кто чудес не знал,
Погляди на того, кто был раньше мал
И кто — Ленину слава! — велик теперь,
Кто, как лампа у провода, воссиял.

Перевел с киргизского Марк Тарловский

Джоомарт Бокенбаев

ГРЕМЯТ БОЛЬШЕВИСТСКИЕ МАРШИ

Не парит орел в вышине.
Сердце в скорби горит, как в огне.
По тебе, Тулпар¹, носят флаги —
Скорбный траур во всей стране.
Тяжело в торжественном зале
Слезы падают в тишине.

— Сердце в каждом сердце найдет
Этой скорби отзвук! — плывет
Телеграмм чудовищных возглас.
Среди горных снежных высот,
На степных безбрежных равнинах
Слышно: стон растет и растет.
Мотоцикл застыл на лету,
И авто ушло в пустоту,
И трамвай остолбенели,
И заводам немоготу:
Паровозов чуют рыданья
И гудят, гудят — в темноту.

Мрачен, горестен лик земли.
И на лбу — морщины легли.
И сыны пролетариата
С Ильичем проститься пришли:
Нет, не слезы — капельки крови
Из очей у них потекли!

Плачет вольный Труд, оттого
Что стоит над гробом его.

¹ Тулпар — легендарный конь-богатырь.

И друзья уступают смерти
То, что им дороже всего.
Как поверить, что это сердце
Уж не чувствует ничего!

...Был широк печали разлив.
Кто не плакал, похоронив
Ильича? Но вот семилетье
Пронеслось. И слился призыв
Большевистской партии с мощным
Вдохновеньем фабрик и нив.

Кишлаки впервые живут
Настоящей жизнью. Зовут
Их машины к светлому миру.
И освобожденный от пут,
В голубых одеждах свободы, —
Счастлив славный, доблестный Труд!

Расцветает родина — сад.
Буйно реки мчатся. Гремят
Большевистские марши. Гулок
Покорившийся водопад,
И гудят немолчно моторы,
И станки немолчно шумят.

Трудовую славлю семью:
Победила бая в бою!
Большевистской партии — слава,
Если день и ночь соловью
Песни хочется петь о счастье,
Про страну родную мою!

Ленин умер? Нет, Ленин жив.
Он — борьбы немолчный призыв.
Он — врага смертельная гибель.
Он — великой мысли разлив.
Он — горел для счастья миллионов,
Нас идеями одарив.

Расцветает родина — сад.
И шаги звенят. И гремят
Большевистских маршей раскаты.
Твой поэт я, пролетариат!
И звучи, звучи, моя песня,
Нашей жизни радостной в лад.

Перевел с киргизского С. Липкин

СТАЛИН

Если б яркое светило
Не сияло с высоты —
Как бы нам земля дарила
И деревья, и цветы?

Если б солнце в синем небе
Догорело вдруг дотла —
Нам бы выпал черный жребий:
Смерть вне света и тепла.

Ночь вовек не стала б ясной
Без Чолпона¹ и луны.
Не была бы роза красной,
Если б не было весны.

Только тем, что с небосвода
Смотрят солнце и луна,
Что привольная природа
И прекрасна, и ясна —

Человек дышать не может, —
Хочет он вперед шагнуть:
Гениальный вождь проложит
Для него широкий путь.

Вдаль, дорогами крутыми,
Мудрой мыслью окрылен,
Маркс повел нас: это имя
Стало пурпуром знамен.

¹ Ч о л п о н — утренняя звезда.

Встав над миром, стяг нетленный
Ленин поднял в грозный час,
Изменил лицо вселенной
И навек ушел от нас.

Но остался мир потрясший
Молодой его народ:
Сталин, вождь планеты нашей.
Нас по-ленински ведет.

Чашу солнца золотую
Открывает небосвод.
На земле поет, ликуя,
Новый — сталинский народ.

Светоч мира славлю в гимне —
О родной пою стране.
Солнце — родина, скажи мне —
Как не радоваться мне?

Знамя сталинское с нами —
Вот летит оно, лучась;
По стране, поднявшей знамя,
Буря знанья разлилась.

Давних дум осуществленье —
С нами Сталин — вождь и друг;
Сталин — это вдохновенье
Большевистских мощных рук.

Он орлов свободных стаю
В наших вырастил сердцах;
Край бесплодный, расцветая,
Садом стал в его руках.

Вот — всю землю охватили,
Полыхая над землей,
Думы, что руководили
Нами в схватке грозовой.

Пред своими сыновьями
Мир склонится, побежден;
Над седыми городами
Заалееет строй знамен.

Нашими пройдет путями
Всей вселенной колесо.
Большевизм и Сталин с нами.
Победим и всех и всё!

Перевел с киргизского А. Тарковский

Темиркул Уметалнев

СТАЛИН

Я сравнил бы тебя с Чолпоном,
Возвещающим нам рассвет.
Я пою о тебе, рожденном
Для чудес, изумивших свет,
Чьи слова, подобно знаменам,
Веют славой наших побед.

Все круша, с отвагой во взорах,
На врага мы шли — напролом.
До сих пор еще сух наш порох,
Не отступим перед врагом,
Ибо нет крепостей, которых
Мы — бойцы твои — не возьмем!

Жизнь была — дорогой тяжелой:
Что ни шаг — напасть и беда.
А теперь она стала школой,
Школой радостного труда.
Ты нам сделал ее веселой
И счастливой, как никогда!

Путь пред нами лежит открытый,
Нам высокая честь дана,
Если девушки и джигиты,
Чью работу знает страна,
Входят в Кремль, где — вождь знаменитый,
Где — неожиданные ордена!

Сколько дел совершил ты славных,
Нас победами окрыля!
Сколько чаш вздымают заздравных
В честь тебя города и поля!

Ты себе не имеешь равных
И тобою горда Земля.

Так чудесна наша планета,
Вождь народа, рожденный борьбой,
Так чудесна родина эта,
Где нам светит день голубой,
Что рождается у поэта
Песня вольная, как прибой.

Перевел с киргизского С. Липкин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------	---

РСФСР

В. Маяковский. «Ленин с нами»	9
В. Маяковский. Владимир Ильич!	14
Л. Сейфуллина. Мужичий сказ про Ленина (отрывок из романа «Пережной»)	16
В. Маяковский. В штабе 25 октября (из поэмы «Владимир Ильич Ленин»)	20
Ленин не умер — он жив (русская сказка)	24
Вл. Бахметьев. Ильич на трибуне (отрывок из рассказа «В те дни»)	26
Демьян Бедный. Снежинки	32
В. Маяковский. Мы не верим	33
Каменна Москва вся проплакала	35
А. Прокофьев. Бессмертие	39
С. Щипачев. О Ленине	40
Н. Полетаев. Портретов Ленина не видно	41
М. Голодный. Ленинский портрет	42
А. Прокофьев. Три поколения	43
Скоро проснется Ильич (русская сказка)	44
В. Гусев. Десятилетие	47
А. Безыменский. Партбилет № 224332	51
М. Исаковский. Песня о Сталине	52
Я. Ильин. Речь (отрывок из романа «Большой конвейер»)	54
А. Сурков. Делегат	60
М. Шолохов. Письмо Сталина (отрывок из романа «Поднятая целина»)	63

Собирались казаченьки (песня)	69
Колхозная казачья	71
Ф. Панферов. Среди мастеров земли (отрывок из романа «Творчество»)	73
Русские частушки	81
А. Сурков. Сердце мира	83
Б. Лебедев. Спор	85
Д. Алтаузен. Любовь к родине	86
Демьян Бедный. Цветенье жизни	87
А. Жаров. Песня красноармейца	88
М. Голодный. Марш	90
Песня о Сталине	92
А. Сурков. Песня о вожде	93

Башкирская АССР

М. Хай. Песня о Сталине	95
Наш товарищ Сталин (песня)	97

Бурят-Монгольская АССР

Жив Ильич (песня)	98
Х. Намсараев. Великому Сталину	99

Дагестанская АССР

Сулейман Стальский. Дагестан (отрывок из поэмы)	101
Песня	104
Сулейман Стальский. Играми, дуньядин-нур Сталиназ	105
Сулейман Стальский. Товарищу Сталину	107
Песня о Сталине	108
Наш Сталин (песня)	110
Ленин с нами — знаем твердо (даргинская песня)	111
Наби Ханмурзаев. Кумыкская песня о Сталине	113
Дагестанская песня о Сталине	114
К. Керимов. Эль-Бажа	116

Кабардино-Балкарская АССР

Б. Пачев. Песня о Ленине	119
Азрет Будаев. Золотая гора	122
Сказка о старом Туте и Сталине	123

Калмыцкая АССР

Кякш Баяртаев. 15 лет	128
---------------------------------	-----

Крымская АССР

Ленин и Аю-Даг — вечны, как это море	129
--	-----

Песня	130
Рапорт Сталину	131

Марийская АССР

Марийская песня о Сталине	135
-------------------------------------	-----

Мордовская АССР

Петр Эрке. Да здравствует Страна Советов	136
Песня колхозниц о Сталине	138

Северо-Осетинская АССР

Осетинская песня	139
----------------------------	-----

Татарская АССР

Песни о Ленине и Сталине	141
------------------------------------	-----

Удмуртская АССР

Ярче солнца (песня)	145
-------------------------------	-----

Чечено-Ингушская АССР

Цвети, республика! (песня)	147
--------------------------------------	-----

Чувашская АССР

Орел и бедный чуваш Эндри (сказка)	148
--	-----

Ойротская автономная область

Великому Сталину (из письма ойротского народа)	150
--	-----

Адыгейская автономная область

Теучеш Цуг. Песня о Сталине	152
---------------------------------------	-----

Карачаевская автономная область

Измаил Семенов. Сталину слава, партии слава!	153
--	-----

Украинская ССР

В. Сосюра. Сквозь года и ветер	155
Соколы (песня)	156
М. Рыльский. Песня о Сталине	158
В. Сосюра. Ты нас ведешь	159
Никогда так не было (песня)	161
М. Бажан. Знамя, и солнце, и ветер	163
Наша земля	166

Белорусская ССР

Великому Сталину (из письма белорусского народа)	168
Ленинская правда (сказка)	171
Я. Купала. Тебе, наш учитель	174
Я. Колас. Вождю народов	180

Азербайджанская ССР

Он видел на тысячелетия вперед (песня)	181
Самед Вургун. Сталину	182
Усеин Бозалганлы. Песня о Сталине	183
С. Нуриева **	184
Песня о Сталине	185

Грузинская ССР

Вождю народов — великому Сталину (из письма трудящихся Советской Грузии)	186
Сандро Эули. Великий вождь	187
А. Машашвили. Ленин в нашей борьбе	189
Г. Леонидзе. Сталину	191
К. Чичинадзе. Кавказ — Сталин	192
В. Гаприндашвили. Дума о вожде	194
Т. Чинчараули. Песня о Сталине	196

Абхазская АССР

Л. Квициния. Мой Сталин	197
-------------------------	-----

Армянская ССР

А. Акопян. Бессмертен Ленин	199
Н. Зарьян. Ленин	201
Сказ о Ленине	203
А. Акопян. В Кремлевском дворце	209
Электрический свет в деревне	211

Туркменская ССР

Письмо колхозников-джигитов Туркмении товарищу Сталину.	212
---	-----

Узбекская ССР

Воины и Ленин	219
Ленин сделал людей счастливыми (легенда)	222
От месяца и звезды родился Ленин (легенда)	225
Песня ферганской девушки	227
Сталин (песня)	229

Кара-Калпакская АССР

Песня о Ленине	231
Д. Насбергенов. Ленин	233
Аяк Берген. Песня о Сталине	234

Таджикская ССР

Ленин и Кучук-адам	236
Слово Ленина	244
Апрель и январь	247
Г. Лахути. Дорога к счастью	248
А. Сафаров. Песня о Сталине	250
Бану. Мемлекет	252
Г. Лахути — Джамбулу	253
Джамбул — Гасему Лахути	254

Казахская ССР

Джамбул. В мавзолее Ленина	256
Алибек. Наш отец	258
Джамбул. Песня при получении ордена	260
Джамбул. Сулейману Стальскому	262
Джамбул. Моя родина	264
Маймбет. Песня	271
Умурзак. Песня о Сталине	275
Рахим Кулбаев. Аскан-дана	279
Турмагамбет. Сталину	281
Ахметбеков. Привет великому Сталину	283
Орумбай. Домбра	285
Сами. Песня о барсовой шкуре	288
Бек. Песня о вечной мечте Осан Кайгы	291
Джамбул. Песня от всей души	295
Джамбул. Великий сталинский закон	297

Киргизская ССР

Великому вождю народов, отцу всех трудящихся, товарищу Сталину (из письма трудящихся Киргизстана)	299
Ленин сделал вольной киргизскую степь	303
Юсул Турусбеков. Ленинский путь	307
Абулкасым Джутакаев. Плач о Ленине	309
Мукай Елебаев. Вождь мира	312
Калык. Слава Ленину	313
Джоомарт Бокенбаев. Гремят большевистские марши	315
Кубанычбек Маликов. Сталин	318
Темиркул Уметалиев. Сталин	321

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст. Библиотечных работников изд-во просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, Б. Гнезниковский пер., д. 10, изд-во «Советский писатель».

Интересные отзывы будут опубликованы.

Ответственные редакторы *А. Сурков* и *С. Щипачев*. Техредактор *М. Терюшин*. Корректор *Г. Виноградов*. Уполномоченный Главлита Б-34929. Тираж 9 000. С. П. № 2. Сдана в производство 7 июля 1937 г. Подписана к печати 8 января 1938 г. Количество печ. листов $20\frac{1}{2}$. Авторских листов 11,7. Учет. автор. листов 13, 8. Колич. печатных знаков в листе 33600. Бумага $82 \times 110\frac{1}{32}$. Заказ № 166. Цена 5 р. 25 к. Переплет 1 р. 75 к.

Набрано в типогр. им. Воровского. Москва, ул. Дзержинского, д. 18.

Отпечатано в 16-й типогр. треста «Полиграфкнига». Москва, Трехпрудный пер. д. 9.

32

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Надо
75	2—3 снизу	дорог	дорогу
281	10 "	желанным	желанный

250-

